СТЕПЪ

ХЕРСОНСЬКЫЙ БЕЛЛЕТРИСТЫЧНЫЙ СБИРНЫКЪ.

ХЕРСОНЪ.

1886.

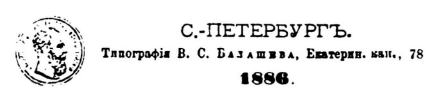
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., 78.
1886.

СТЕПЪ

ХЕРСОНСЬКЫЙ БЕЛЛЕТРИСТЫЧНЫЙ СБИРНЫКЪ.

ХЕРСОНЪ.

1886.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., 78
1886.

Екатерининскій кан., № 78.

№ 2722.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 ноября 1885 г.

ОГЛАВЪ.

ВЪ СТЕПИ.

По степи проѣзжалъ я раздольной...
Полный мѣсяцъ на небѣ сіялъ,
Вѣтеръ юга прохладный и вольный
Мнѣ съ любовью лицо цѣловалъ.
И я пѣлъ, и былъ звученъ мой голосъ...
Вдоль дороги—поля пролегли:
Волновался налившійся колосъ,
Шелестя и клонясь до земли.
Придержалъ я коня... Обаянье!
Степь полна фантастичныхъ чудесъ:
Какъ луны лучезарно сіянье,
И какъ куполъ прозраченъ небесъ!
Какъ кузнечиковъ трескъ однозвучный
Безпрерывенъ, не смолкнетъ на мигъ,
И, со степью всегда неразлучный,
Перепелки разносится крикъ.

Полонъ ласки и благоуханій
Воздухъ движетъ въ себѣ ароматъ,
И, объятые нѣгой мечтаній,
Вкругъ колосья, качаясь, шумятъ.
А въ дали, какъ толпы привидѣній,
Серебримые яркой луной
Океаны волнистыхъ куреній,
Тихо зыблясь, плывутъ надъ землей.
И невольно горящіе взоры
Въ свѣтлой дымкѣ, за гранью луговъ,
Ищутъ горъ голубые узоры,
Ищутъ башни волшебныхъ дворцовъ.
А вверху... тамъ привольно, тамъ чудно!
А въ груди—безконечно легко:
Все, что въ жизни мучительно—трудно,
Въ эту ночь отъ меня далеко!

. . . .

Я очнулся, я тронулъ за поводъ...
Конь мой вздрогнулъ, конь гривой взмахнулъ,
И душистый полуночный холодъ
Мнѣ на встрѣчу, какъ прежде, пахнулъ.
И я несся по степи раздольной...
Полный мѣсяцъ на небѣ сіялъ,
Вѣтеръ юга—прохладный и вольный
Мнѣ съ любовью лицо цѣловалъ.

Павелъ Тулубъ.

БУДЯКЪ.

I.

Бувъ у мене у садочку хрещатый барвинокъ.

А було се давно, такъ давно, що й сказаты тяжко: бо якъ згадаешь той садочокъ та й себе у тому садочку коло того барвиночка, то такъ и здається, що не я то бувъ, та й садочка й барвиночка въ мене николы не було.

Такъ ни,—бувъ и садочокъ, и хрещатый барвиночокъ.

Росла у тому садочку верба рясна та зелена, а коло неи, саме у перелазу, кущыкъ калыны, а саме пидъ виконцемъ—вышенька, да така цикава, що було якъ одчыню виконце у садочокъ, то вона й зазырае у виконце, та мовъ и каже:

— Иды у садочокъ.

То я й выйду, та заразъ туды, де барвиночокъ стелеться. Та й любывъ же-жъ я ёго, та й доглядавъ!

*

Було зима настане, садочокъ снигомъ занесе, — а мени й не жаль ни вербы тіеи, ни калыны зъ вышенькою, що до мене у виконце зазырала, а жаль мени того барвиночка. Чы ожыве винъ, якъ вода зъ стрихъ закапле и верба та калына зъ вышенькою зазеленіють?

Отъ и йде весна—прыйшла весна — изъ стрихъ вода капле... А я бижу у садочокъ...

Росте мій барвиночокъ, стелеться.

Росты, росты, барвиночку, докы я зъ тобою... И що весны, й що литечка росте було й стелеться.

Рисъ и я, покы не дорисъ до того, якъ часъ було везты мене у школу—письму вчытысь.

И якъ же я прощався зъ барвиночкомъ!

Повезлы мене маты мижъ чужи люде. Учусь я годъ, учусь другый, учусь и третій и четвертый, а все про свій садочокъ та про барвиночокъ згадую.

Вывчывсь чому тамъ треба—та додому.

И верба шумыть, и калына цвитомъ сяе, и вышенька у виконце зазырае. А я до свого барвиночка.

Росте й стелеться, та мовъ у мене пытаеться:

— Де ты бувъ?—чомъ до мене не прыходывъ?

— Э—кажу, — далеченько бувъ: учывсь, якъ на свити жыты.

— А отъ - же - жъ, каже, я жыву, а ничому не вчывсь.

— Эге! кажу:—у людей не такъ якъ у васъ.

Та не довго довелось мени зъ моимъ барвиночкомъ буты.

II.

Повезлы мене у другу школу—ще дальшъ.

И чому вже тамъ не вчылы мене!—Симъ литъ я у тій школи пробувавъ и, мовъ той Самійло Кишка, симъ литъ свиту божого, сонця праведного у вичи соби не выдавъ, але про свій садочокъ та про хрещатый барвиночокъ усе згадувавъ.

Вывчывсь и тамъ. Пизнавъ трохы, якый есть той свитъ шырокій,—що у тому свити діеться доброго й недоброго. Та й зновъ до свого барвиночка у садочокъ.

И верба вже велыка-велыка стала, и калына ажъ перелазъ вкрыла, и вышенька на стриху забралася.

А хрещатый барвиночокъ усе стелеться, усе стелеться.

— Де ты, каже, такъ довго пробувавъ—до мене у гости не бувавъ?

— Вчывсь, кажу, серце.

— Та чому тамъ вчытысь

— Э—кажу—серце: вчывсь, якъ помижъ людей жыты.

— А хиба жъ я не жыву, каже.

— Жывы, кажу, серце, та цвиты рясненько, а мени ще вчытысь треба.

И поихавъ я самъ уже—не маты повезлы—самъ поихавъ у далеку — далеку сторону, у ту сторону, куды й чумакы не заходять, де й риднои мовы не чуты.

III.

Сумно мени було безъ риднои мовы, сумно й безъ вербы зелененькои, а ще сумнише безъ барвиночку хрещатого.

Чотыри рокы ще вчывсь. Що Боже! чому вже мене не вчено!

А на пьятый рикъ зновъ лыну на Вкраину.

И що-то вже за садочокъ ставъ у мене!—Верба—ажъ у небо до Бога просыться; калына мовъ запаска червоніе, а вышенька гиллямъ усю хату вкрыла.

Я до барвиночка. Мовъ кылымъ пышный розлягаеться.

— Здоровъ бувъ, серце барвинку.

— Здоровъ, каже. Де ты оце віявся?

— По чужыхъ, кажу, людяхъ віявся та доброму вчывся.

— Не вже-жъ и до сывого волосу не вывчывся?

— Вывчывся, кажу.

— Такъ теперъ зо мною жытымешъ?

— Ни, серце, теперъ пиду по свиту—доли шукаты.

IV.

И пишовъ-пишовъ соби свитъ за очыма. Иду та гукаю:

Доле моя, доле моя!
Де ты?—озовыся.

И вже де я не бувъ! Бувъ и тамъ, де

За горамы горы хмарою повыты...
Де орелъ у Прометея серце выдырае.

Перейшовъ я й ти горы, де ростуть ирисы, азаліи и рододендроны.

Рай та й годи!—А нема доли.

Повернувъ я туды, де сонечко заходыть. Дойшовъ

до моря—и краю не мае!—Може, тамъ, за моремъ, доля,—бо не дурно у «Тополи» дивчына спивае:

По тимъ боци—моя доля,
По симъ боци—горе.

Плыву по морю — не день, не два плыву. Колы бачу: зеленый берегъ, высоки скели и небо блакытне, и тополи гнучки та высоки мовъ на Украини, и кыпарысы стоять купочкамы... Яке добро!

Прыстаю до берега. Колы пытаю:

— Що се за городъ?

— Ѳеодосія, кажуть; а колысь була Кафа.

Э! шкода! — була колысь тутъ козацька доля, та бодай щобъ вона й не верталась.

И зновъ у дорогу: може доля на тимъ боци моря.

Плыву не день, не два. А тутъ и морю кинецъ. Щось пышне-пышне разляглося на бѐрези: церквы не церквы, палаты не палаты. А яки сады! — мовъ у Вавылони. А по садахъ и зозули кують и соловейкы щебечуть. Оттутъ мабуть доля.

— Шо се таке? пытаю.

— Стамбулъ, що колысь козакы...

Знаю, знаю!—Хто не зна, яка тутъ була доля, та яка вона й доси.—Ну, бачу, не въ Стамбули доли шукаты.

Плыву зновъ свитъ за очыма, довго плыву. Колы бачу: у поли могыла стоить—якъ разъ козацька могыла!—а за могылою далеко-далеко—гора высока, а кругомъ—пусто, пусто...

— Що се воно таке? пытаю.

— Ото де могыла—то була Троя, а то—гора, на

котрій колысь богы сыдилы та золотымы яблучкамы гралысь.

Э! нема вже ни тихъ богивъ, ни тіеи Трои. Изъ жывыхъ богивъ поробылы мармуровыхъ та бронзовыхъ и порозвозылы по усёму свиту якъ бидныхъ невольныкивъ; а могылу Трои розрываютъ, якъ и козацьки могылы. Яка жъ тутъ доля! Бидна Гекуба, бидна! И я не скажу: що мени Гекуба!—Хочай вона мени й не титка, але жъ... колысь я плакавъ по Гекуби и по Патроклови плакавъ.

И я знову повіявсь—товчусь по свиту, мовъ той Марко проклятый по пеклу.

И довго носыло мене море, о! и довго жъ!—Выйде сонечко зъ моря, походыть по небу, та на другому кинци знову у море ховаеться. А земли—и заводу нема: тилькы вода та небо. А мене все носыть по морю мовъ того Енея писля Трои.

V.

А тамъ и прыбыло мене до якоись незнакомои земли. Стоять высоки-высоки пальмы, а сонечко вже надъ самою головою ходыть и пече мовъ у пекли. Найшовъ Даныло долю у пекли! — Та пекло жъ и есть: онъ и чорты ходять—чорни, чорни!

— Чи се жъ пекло? пытаюсь.

— Ни, кажуть: се земля египетська.

О, бодай йій! Тутъ була колысь и робота египетська й Фараоны...

Яка жъ тутъ доля! Хыба онъ-де доля, де стоять

высоки-высоки пырамыды. Де вже не доля! Недоля ти пырамыды складала. А богамы Египта, богамы Сезострисивъ—Апысамы—теперъ нывы орють... Орить, орить!—може й дооретесь до доли. А я пиду йійі де-инде шукаты.

Де-жъ шукаты? Пиду туды, де сонечко зходыть.

Иду до сонечка—моремъ йиду—далека ходка!—и козацьки човны сюды не доплывалы.

Прыстаю до берега. Що-Боже! якъ-то вже людськіи ногы попотерлы тутъ камъяного берега, ступаючы на сей берегъ, бо се—святый берегъ, свята земля. А де-жъ шукать доли, якъ не у святій земли!

Выйшовъ и я. И тутъ пальмы якъ и у земли египетській. А тамъ дали-горы, а за горамы — святый городъ, де Хрыста колысь мордувалы.

Отъ и я у святому городи. Що Господы! якый то винъ сумный та невеселый! Такъ и здается, що, ходючы тутъ, я чую Его голосъ:

— Горе тебѣ, Хоразине! горе тебѣ, Виѳсаидо: яко аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы были бывшія въ васъ, древле убо во вретищи и пепелѣ покаялися быша. Обаче глаголю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ.

А може доля тамъ, за тою горою. Иду на ту гору. А чы не на цій гори колысь чуты було Его жъ голосъ:

— И ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада снидеши, за не аще въ Содомѣхъ быша силы были бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до послѣдняго дне. Обаче глаголю вамъ: яко земли Содомстѣй

отраднѣе будетъ въ день судный, неже тебѣ. (Еванг. Матѳ. XI, 31—34).

Маты Божа, якъ страшно! Такои доли не дай Богъ никому.

VI.

Де-жъ тебе, доленько, шукаты? Чы у темному лиси, чы у чыстому поли? Не знайшовъ я тебе й тамъ, де сонечко зиходыть, такъ чы не знайду тамъ, де воно сидае?

И повіявся я за сонечкомъ—якъ тамъ кажуть у Европію.

О! яка жъ ты пышна та горда своею цивилизаціею, Европо! А де въ тебе доля? Чы въ отихъ музеяхъ, чы въ соборахъ, чы у поли, де вже нигде й плугомъ ораты?—усе заорано!—нигде й зозули куваты.

Поповештався я й по тій Европіи, идучи за сонечкомъ, ажъ до кинця земли дойшовъ, до Финистерре—Finis Terrae, а нигде ни зозули не чувъ, ни доли не знайшовъ.

И згадавъ я про свій барвиночокъ, про свій садочокъ зелененькій, та й полынувъ на Вкраину.

Чую—десь у лузи зозуля куе. .

— Зозуле, зозуле! скильки мени жыты?

Знялась и полетила, та ажъ засміялась кихъ-кихъ-кихъ!

Я у лугъ-до калыны, де колысь соловейко щебетавъ.

Колы чую—за садочкомъ парубкы та дивчата спиваютъ. Отъ, думаю, послухаю та наплачусь: скилькы литъ не чувъ риднои письни!—а такои письни, якъ у насъ на Вкраини, у цилому свити немае й не буде.

Колы прыслухуюсь—такъ и чешуть по-московськи:

Сонце на закати,
Уремъя на утрати...

Слухаю, слухаю,—а слезы на сыву бороду капъ-капъ-капъ...

Чы ціеи-жъ я письни ждавъ?...

Я до перелазу, де калына цвила:—нема калыны!—и слиду не стало—москали на хворостъ порубалы.

Я до вербы—и верба усохла.

— Я до барвиночка:—замисть барвиночка будячыще росте!—Бо якъ поповіялы холодни витры зъ самои Москвы, якъ понагналы на Вкраину холоду, то й замерзъ мій барвиночокъ, а замисть барвиночка колючый будячыще вырисъ.

«Горе тебѣ, Хоразине! горе тебѣ, Виѳсаидо!» згадавъ я словеса божи, то й гирко, гирко заплакавъ.

Пысалы оце землякы до мене, що загадалы воны невелычкый «Збирнычокъ» выдаты—«Степомъ» называеться, та й прохалы мене, щобъ и я хочъ яку маленьку квиточку у той ихъ виночокъ изъ степовыхъ квитокъ укынувъ.

Такъ де вже-жъ тутъ, далеко видъ ридного краю, квиточку знайты степову? Тутъ и степу немае: саме болото.

То може ваша ласка буде, люде добри,—и будячкомъ моимъ не погордуете?

А будячокъ мій—видъ щырого серця.

Даныло Мордовець.

Пысавъ у Петербурси,
року Божого 1885-го, червня 18-го.

НЕВЫННА.

(Оповидання).

Оце я, матушко, прыйшла по дилу до батюшкы. Хотила и высповидатысь, и росказаты все чысто, якъ воно було. Нехай батюшка за мене оступляться. Сміються зъ мене люде та й сміються! Вже мыни за того очи высміють. Продражнылы мене злодійкою. Злодійка та й злодійка! Не то що, матушко, люде, а вже навить мали дoff, якъ часомъ иду улыцею, то воны граються, та й кажуть промижъ себе: онъ, дывы, злодійка йде. Такый мыни соромъ, такый соромъ, що вже швыдко неможна буде мыни мижъ люде й очей показаты. А хто докаже, щобъ я въ кого що вкрала? Хиба я вынна, що мій чоловикъ кравъ? Ой, Боже мій! Я, сердце матушко, въ такимъ клопоти, въ такимъ клопоти, що вже й ночи не досыпаю. А все то сталося съ того часу, якъ мого чоловика посадылы въ тюрму. Що на його те нещастя стало, то нигде правды диты, але й бо-

жуся, й прысягаюся, и готова земли ззисты, що я ни въ чому невынна й невѝсна; йій же Богу, невѝсна! Я вамъ раскажу все дочыста, якъ воно було и якъ те лыхо на мене спало.

Ото разъ въ велыкый пистъ увечери вдягається мій Петро. А я йому кажу: «куды це ты думаешъ йты? На двори грязюка та такъ поночи, що й зъ двора въ ворота не потрапышъ». А винъ мыни видказуе: «не пытай! не твое дило, йду, куды треба». Пишовъ винъ, а я сыжу та куняю, та все його жду. Нема його та й нема! Въ хати тыхо. На двори вже нигде й собака не гавкне; звисно, пизня доба. Вже й перши пивни заспивалы; вже на мене сонъ налягае, а його нема. Колы чую, стукае винъ у викно та й каже: «видчыны!» Ото я видчыныла. Входыть винъ у хату та й уносыть на плечахъ може такъ якъ спивъ корця чогось въ мишку. Кынувъ винъ мишокъ на землю та й каже: «визьмы та выпорожны мишка». Розгорнула я мишокъ, подывылась, ажъ у мишку кукуруза. «Де це ты взявъ кукурузы?» пытаю я въ його. А винъ каже: «на вищо тоби знаты! Колы прынисъ, то беры, та ховай та й не пытай. Я купывъ въ одного чоловика». «Петре!» кажу я: «гляды лышень, щобъ тоби не скрутылось та не змололось за цю кукурузу». Я трохы вже догадувалась, де винъ взявъ ту кукурузу, бо винъ уже давно злыгався зъ недобрымы людьмы та все зъ нымы въ шынку сыдыть. Такъ мыни стало ніяково: и страшно мыни, й соромъ. Однесла я ту кукурузу

въ комору, а въ мене въ комори було ще трохы кукурузы, бо я восены̀ заробыла соби. Взяла я ту кукурузу та й высыпала въ мишокъ до своеи; думаю, прытулю до своеи, бо мала-мъ до чого прытулыты. Але йій Богу, йій Богу я невинна була ни въ чому!

Ото вертаюся я зъ коморы, а винъ зновъ вдягаеться въ свиту: «Чоловиче!» кажу я: «куды це ты зновъ думаешъ мандруваты? Бійся Бога, або котрого святого! Ты до чогось доходышся. Сыды въ хати, а колы хочъ, то пидешъ соби другои ночи, бо ты мыни спаты не дасы». Винъ крыквувъ, налаявъ мене, бо такый палкый, якъ той вогонь, та й зновъ потягся зъ хаты. Погасыла я свитло та й спаты не лягла. Сыдю соби на лави та й думаю. И сонъ мене не бере. Погане дило, думаю, заходыться оце въ нашій хати! Але щожъ робыты, колы винъ мене не слухае, хочъ зве мене розумною. Говорю я, говорю до його, якъ до стины. А якъ скажешъ йому правду въ вичи, то винъ такъ и спахне, якъ той прысокъ. Заспивалы други пивни, ажъ винъ зновъ стукае въ кватырку. Одчыныла я двери, засвитыла свитло, дывлюсь, а винъ прынисъ добрый клунокъ проса. «Де це ты, кажу, берешъ? звидкиля носышъ?» А винъ тоди до мене: «та краду! беры та ховай швыдче та спорожны мишка». Боже мій мылостывый, думаю я, що мыни робыты! Однесла я те просо въ комору та й прытулыла-мъ до свого, бо въ мене було ще мысокъ зо тры проса, то й було до чого

прытулыты. Але, йій же Богу, я невисна, йій Богу, невисна и невынна ни въ чему! Вернулася я зъ коморы въ хату, дывлюся, а винъ зновъ вдягаеться въ свыту. Куды ты, кажу, оце зновъ думаешъ потягтыся? А винъ каже: «та туды жъ, куды и ходывъ».

Лягла я спаты. Лягае й винъ, не роздягнувшысь. Я задримала, вже й почало щось снытысь та таке страшне: якыйсь ведмидь зъ рогамы,—колы чую, винъ встае. «Куды ты, кажу, думаешъ оце йты! Вже жъ спивъ ночи звернуло». А винъ каже: «та туды жъ, куды й ходывъ! Злодійство, якъ горилка. розбирае: выпьйешъ чарку, схочешъ другои». «Оце, кажу, побыла мене лыха годына та нещаслыва. Цилу ничъ тягаеться десь, якъ той вовкулака, не дае мыни гараздъ одпочыты». Пишовъ винъ мовчкы зъ хаты, а я вже такъ напрацювалась, що й заснула. Колы чую, зновъ торохкотыть у викно такъ, що ажъ шыбкы дзвынять. А бодай тебе вже на мары вынесло, якъ тебе оце носыть! крыкнула я въ кватырку до його. Засвитыла я свитло, дывлюсь, а винъ прынисъ пьять шматкивъ сала, ще и клунокъ пшеныци. Въ мене ще зосталося въ боденци одъ пущыння дви четвертыны сала. Взяла я ти шматкы сала та й прытулыла-мъ до свого, бо сало не значене: думаю, прытулю я те сало хочъ до того мисця, де лыжало наше сало, то вже якось буде безпечнише. Але побый мене хрестъ святый, колы я була въ тимъ вынна. Йій Богу, була невйсна, бо я його не посылала и не настренчувала на те по-

гане дило. Заглянула я, матушко серце, въ той мишокъ, ажъ тамъ билокора пшеныця. «На що жъ ты, вороже, прынисъ мыни цеи пшеныци? кажу я до його: ты жъ знаешъ, що я не маю йійи до чого прытулыты. Хиба жъ ты не знаешъ, що на все село ни въ кого нема билокорои пшеныци, тилькы у Кулыка. До чого я йійи прытулю, колы вона значна? Беры йійи та несы швыдче зъ хаты, бо я йійи не прыйму. Про мене, хочъ въ болото выкынь».

Ставъ винъ, задумався, почухавъ потылыцю та й каже: «а бисъ його батька знавъ! Це не день, а ничъ: що налапавъ, те и взявъ. Теперь роскыдай уже ты жиночымъ розумомъ, бо ты не зъ биса розумна на весь кутокъ!» «Бодай, кажу, тебе роскынуло по шматку на великій дорози, якъ оце ты наробывъ мыни клопоту». Роскынула я розумомъ и по городи, и по горищи и по хливахъ нема де сховаты. «Бижы жъ, кажу, та зирвы въ помости въ комори дошку, та й сховай тамъ, бо въ насъ нема ни зерна ни червонои, ни билокорои пшеныци». Подумавъ винъ, почухався, пишовъ до коморы, зирвавъ дошку, упорався, прыйшовъ, та й каже до мене: «гляды жъ, жинко, держы языкъ за зубамы, та ще й добре, бо въ тебе розумъ добрый, та языкъ дуже довгый. Якъ пробрешышся, то и я пиду на Сибиръ, и ты пидешъ». Впавъ винъ на лаву, та й захрипъ. Ото тилько що почало розвыднюватысь, прыйшовъ староста тай давай трусыты. Але, Богъ давъ, якось мынуло лыхо: люде зналы, що въ мене

була кукуруза, було й просо, було й сало, а пшеныци не знайшлы, бо й своеи не було.

Ото якось мынулося те лыхо, а я и кажу до його: «гляды жъ ты, вороже, не волочися мыни билше въ ночи, та не буды мене по трычи, бо й самъ пропадешъ и мене зъ маленькымы дитьмы занапастышъ». А винъ каже: «вы, жинкы, розумни на всёму готовенькому; отъ якъ бы и ты крала по трошку то тамъ, то тамъ, то може бъ и дохарчувалысь до новыхъ жнывъ. Ты бъ прынесла щось до хаты, чи курку, чи гуску, чи порося, и я бъ прынисъ». Намагаеться винъ: крадь та й крадь! «Не диждешъ, кажу я, цёго николы, щобъ я крала, бо я чесного роду: и батько мій не кравъ, и дядькы булы хазяйновыти, не буду красты и я». А теперь отъ черезъ його и я стала злодійка, та й злодійка, и другого призвыща мыни нема на сели. Та вже мыни нихто такъ не допикъ, якъ ти Кушниренкови дитыща. Якъ тилькы иду вулыцею прозъ Кушниренка, то ти лобури повыбигають, та й репетують: титко Домахо! а на що вы хотилы въ насъ порося вкрасты? Титка Домаха злодійка! Та, йій Богу, ажъ на тынъ повылазять та ще и грудкамы на мене шпурляють. Господы Мылостывый! Що я йимъ такого заподіяла? Ото въ чыстый четверъ ишла я прозъ Кушниренкивъ двиръ. Колы дывлюсь, коло воритъ бигають поросятка та таки чыстеньки, рябеньки та сытеньки, якъ перемыти. Я впіймала одно поросятко, та хотила погратысь та погладыты по спынци. Граюся

я зъ тымъ поросямъ та й думаю гришна: ото якъ бы мыни таке поросятко на посвячення! А воно якъ закувыкае! Десь узялыся свыни, та якъ зарохкають, та такъ и опалы мене кругомъ, якъ ти собакы, а стара свыня якъ выскочыть зъ Кушниренкового двору, та просто и кынулась на мене, якъ скажена сука. За свыньмы сыпнулы зъ двору собакы. Стара сука вхопыла проклята мене, выбачайте, зъ заду за спидныцю та й одшматувала пилку одъ самисинького пояса ажъ до земли. Ще хвалыть Бога, що не скаличыла. Кынула я те порося, а тутъ повыбигалы Кушниренкови диты, та давай крычаты: а на що вы, титко, хотилы наше порося вкрасты! Та я, кажу, хотила тилькы погратысь. А воны давай крычаты: злодійка, злодійка! злодіева жинка! Та давай цькуваты мене собакамы. Цуръ вамъ, пекъ вамъ зъ вашымъ поросямъ! Ось черезъ ваше порося пропала моя спидныця, кажу я. Вхопыла я той шматъ зъ земли, зибрала спидныцю въ рукы, щобъ хочъ не билила сорочка, та й пишла до дому вже городамы, щобъ люде не сміялысь.

А це писля Велыкодня прычепылась до мене сусида Марта за ти яйця. Разъ иду я черезъ ййи городъ до дому навпростець, черезъ бурьяны. А вона така хазяйка, що въ ййи городи въ бурьянахъ зайци выплодылысь. Иду я та й углядила пидъ лопухомъ дванадцятеро курячыхъ яець. Я думала, що то моя курка нанесла, бо було все бачу, що вона литае черезъ тынъ въ Мартынъ городъ. Сама жъ

Марта про це знае, бо поперебывала ногы ломакою моiй курци, и не разъ зо мною за неи лаялась. Я забрала яйця въ пазуху, бо воны жъ не значени. Мартыни диты вглядилы та й росказалы Марти. Зъ того часу мыни не можна й черезъ йийи городъ перейты: крычыть на мене: «злодiйка, злодiева жинка!» а за нею й диты! Такый мыни соромъ, такый клопитъ, що вже сусиды ничого мыни не позычають.

Ото почала я передъ Велыкоднемъ вговорюваты чоловика, бо винъ такы мене де въ чому слухавъ, тилькы въ тому поганому дили николы мене не слухавъ. Все було каже: ты й розумна де въ чому, а де въ чому дурниша одъ куркы. А я йому й кажу: «колы вже ты вкравъ пшеныцю, то пиды кудысь далеко, тилькы не въ Ямполь, щобъ люде не впизналы, та продай оту пшеныцю, а якъ не продасы, то несы молоть про мене й за сто верстовъ, колы вже на тебе таке нещастя спало.» А винъ каже: «отъ же ты, Домахо, розумна зъ биса! И справди часомъ бувае вартъ и въ жинкы розуму позычыты.» Ото понисъ винъ ту пшеныцю десь далеко до млына, змоловъ, а я мусила зъ того борошна паску спекты. Винъ йисть, диты йидять, йимъ байдуже, а мене все сумъ бере: бороны Боже, думаю, якого нещастя! Та ще зiйшовся зъ дурною кумпанiею, та все десь блукають въ ночи по селахъ та по хуторахъ, одбывся одъ роботы, бо въ ночи блукае, якъ той звиръ, а въ день спыть. Ото, серце, зъ того часу винъ такъ розлинувався, що й за роботу не визьметься. На-

сталы жнива. Люде въ поле, а винъ визьме свыту та й потягнеться зъ кумпанією або до шынку, або десь на ярмарокъ.

Мынулы жнива. Я кажу чоловикови: «пійду я на першу Пречысту въ Ямполь на видпустъ, та й зайду на ярмарокъ, бо треба купыты то сёго то того для господарства.» А винъ каже: «про мене йды, тилькы не трать дуже грошей на ярмарку, бо ти жинкы якъ пидуть на мисто, то готови купыты цилый ярмарокъ.» Диждалась я Пречыстои та й пишла въ Ямполь.

Прыйшла я на ярмарокъ, ажъ тамъ малярь продае образы. Я вглядила образъ святого Мыколая та такый гарный, що ажъ сяе на сонци, якъ золото. Не втерпила я та й купыла той образъ. Пишла я на видпустъ та й поставыла образъ въ церкви, щобъ пипъ посвятывъ. Стою я въ церкви, молюся та й думаю: буде жъ мыни теперъ одъ чоловика, що я потратыла такъ багато грошей на ярмарку, ще й образъ купыла. Писля службы божои якыйсь пипъ посвятывъ нови образы; людей було сыла: попивъ було зъ десять. Я вже й не памьятаю, якъ я взяла свій образъ, пишла зъ церквы та й не заплатыла попови шисть шагивъ за посвячиння... Йій Богу, не знаю, якъ воно такъ вийшло: чи я забулась, чи мени шкода було грошей, чи я чоловика боялась. Прыхожу до дому, почепыла образъ на стини, а въ мене все не выходыть зъ думкы: чомъ я не заплатыла попови за посвячиння? Це жъ я

вчынила грихъ. Колы бъ мене, бороны Боже, не скаравъ святый Миколай або на дитяхъ, або на худоби, або й на чоловикови... Въ мене, бачте, все була думка про чоловика, що винъ робыть погане дило. Глянула я на святого Мыколая, а винъ на мене дывыться, та такъ гризно. Почала я варыты вечерю, пораюсь коло печи, святый Мыколай все на мене дывыться, неначе жывый, повертае на мене очи, куды не ступлю, ще й неначе пальцемъ сварыться. Гляну на други образы: свята Варвара дывыться на полыцю, святый Юрій наче дывыться на пичъ, а святый Мыколай все за мною слидкомъ водыть очыма. Въ мене чогось серце стрывожылось: це, мабуть, черезъ те винъ такъ страшно дывыться на мене, що я не заплатыла шисть шагивъ попови за посвячиння. Другого дня була недиля. Встаю вранци, захожуюсь коло печи. Чоловикъ роспытуе мене про ярмарокъ, а я и не кажу йому, що я купыла образъ. Вглядивъ винъ образъ на стини, та й каже: «а це нащо ты купыла образъ? Ще мало тоби ихъ высыть на стини. На вищо ты дурно потратыла грошп?» Якъ почавъ винъ клясты мене, а я й соби не мовчу. Винъ слово, а я двое. Такъ мене розибрала злисть, що я забула, що була свята недиля. Винъ розлютувався та кынувся мене быты, а я не втерпила та й налаяла його: «будь, кажу, ты проклятъ одъ ныни и до вику! бодай на тебе трасця и болячкы! Щобъ тебе въ Сибиръ завело, якъ ты оце мене увивъ у грихъ, що мушу лаятысь зъ то-

бою до службы божои.» Тилькы що я налаяла його, а тутъ дзвинъ до церквы, бовъ! Я такъ и охолола. Боже мій! Щожъ це я сказала! Я жъ проклява його саме тоди, якъ до церквы задзвонылы... Зварыла я обидъ, пишла до церквы, хрещуся та молюся, а въ мене зъ думкы не сходыть, що я свого чоловика проклява въ недилю вранци. Вернулась я до дому, сила обидаты, а мыни й йижа не йде. По обиди винъ пишовъ въ клуню спаты, а я схылылась на стилъ, та все журюся, все жду якогось лыха.

Наставъ вечиръ. Винъ вдягаеться та й иде зъ хаты. Я кынулась до ёго, заступыла ёму двери, прошу та плачу: «куды ты йдешъ? схаменыся хочъ на сей день, вражый сыну, бо буде тоби якась напасть!» Винъ пхнувъ мене та й потягся. О пивъ ночи чую, стукае винъ у викно. Я засвитыла свитло, одчыныла двери. Протыраю очи спросоння, глянула, а мени здалося, що винъ держыть на рукахъ барана. «На вищо ты, вражый сыну, вкравъ оцёго барана?» крыкнула я на його: «до чого я його прытулю? Ты жъ знаешъ, що въ насъ овець и заводу николы не було!» А винъ каже: «тю, тю на тебе, дурна! Протры сонни банькы! Це такый баранъ, що можна й до рота прытулыты». Я протерла очи, дывлюсь, а винъ держыть щось на рукахъ, завынуте въ свыту, а обыдва рукавы тылипаються. Розгорнувъ винъ свыту та й выймае здорове барылце, набыте зализнымы обручамы. «Щожъ оце ты, анахтемська душе, прыперъ до господы, кажу я: де жъ оце въ свити Божому я

дину оце барылце?» А винъ одбывъ барылце, простелывъ середъ хаты свыту, сивъ самъ, взявъ горщечокъ, та давай точыты горилку. Прыпавъ винъ до горщечка, якъ вилъ до воды, дудлывъ, дудлывъ, а дали перевивъ духъ та й каже: «ожъ на, Домахо, прытулы оцёго барана до рота! Йий Богу, якъ покоштуешъ, то й згедзкаешся! Ты зроду не пыла такои горилкы. Це не така, якъ у шынкаривъ, розведена водою». «А бодай ты не диждавъ, щобъ я злодійську горилку пыла! кажу я: пый уже самъ, про мене й лопны!» Сила я на лави, дывлюсь на його та й думаю, де бъ ту прокляту горилку сховаты, щобъ часомъ не трапылось яке лыхо. Думала вылыты воду зъ дижкы та й вылыты туды горилку, а барылце закопаты на городи. Думала я, думала, а винъ сыдыть та все пъе, не перестае; я не счулась, якъ впала на лаву, якъ и сонъ мене змигъ...

Колы чую спросоння, щось у двери стукае. Я прокынулась, а на двори тилькы що почало на свитъ благословытысь. Я схопылась, дывлюсь, винъ лежыть середъ долу на свыти, якъ мертвый, а коло його стоить барылце. Я догадалась, хто стукае въ двери. Кынулась ховаты барылце въ грубу, воно не влазыть, я засунула його въ пичъ, заклала трискамы, заставила челюсты горшкамы, а сама трушуся, неначе мене пропасныця трусыть. Хотила збудыты Петра, торсала його на вси бокы, смыкала за чупрыну, а винъ лежыть, якъ колода. Я й не счулася,

якъ двери одчынылысь, якъ вскочывъ староста зъ людьмы. Знайшлы воны барылце въ печи, взялы барылце, а ёго звязалы та й повелы въ тюрму.

Повелы його, а я сыжу та все думаю: це жъ все лыхо выявылось черезъ мій грихъ. Це жъ мене покаравъ святый Мыколай та свята недиленька. Хотила молытысь, та боюся глянуты на образъ. Наставъ вечиръ. Выйду зъ хаты, мыни все здаеться, що на мене гризно дывыться святый Мыколай. Увійду въ сины, неначе бачу його, ввійду въ хату, мени здаеться, що винъ заглядае въ хату зъ темныхъ синей. Куды не пиду, все неначе ходыть винъ за мною, гоныться слидкомъ, такъ що я ажъ оглядаюся. Лягла я спаты, мени сныться, що нибы нашъ батюшка увиходыть въ хату, начебъ—то зъ молытвою. Колы я прыдывлюсь, ажъ середъ хаты стоить святый Мыколай въ золотыхъ рызахъ, въ золотый шапци, зъ золотою кныжкою въ рукахъ, та сварыться на мене. Господы, якого страху я набралась! А разъ я смеркомъ пишла по воду до ричкы. Иду я зъ видрамы межъ вербамы, а пидъ вербамы вже зовсимъ темно. На мене напавъ сумъ. Мени стало страшно. Иду я та й оглядаюсь на вси бокы, а мени здаеться, отъ-отъ щось ухопыть мене зъ боку. Прыйшла я на берегъ, стала на камени, та тилькы що поставыла видра, колы щось якъ скынеться коло самого каминя, та таке здорове, якъ чоловикъ. Небо на заходи було червоне, и я йій Богу своимы очыма бачыла, якъ воно заблыщало, неначе було въ золо-

тыхъ шатахъ. Я й не стямылась, покынула й видра, та пружогомъ кынулась втикаты стежкою. Та вже нагодылась одна сусида, и я зъ нею вернулась въ берегъ за видрамы...

Господы, якого страху я набралась! Було смеркомъ вже боюся й на городъ выйты. Терпила я, терпила, тай пишла въ Тернивку сповидатысь до тіеи церквы, де я винчалась зъ своимъ чоловикомъ, бо кажуть, що въ тій церкви, де шлюбъ брала, Богъ простыть найбильшый грихъ. На духу я росказала вси свои грихы: якъ не заплатыла шисть шагивъ за посвячиння святого Мыколая, якъ въ недилю вранци прокляла свого чоловика, якъ черезъ це його посадылы въ тюрму; прызналася, що разъ въ мене не стало солы, а я побигла до сусиды позычаты, а сусида була въ поли; я одсунула своимъ ключемъ засовъ, набрала солы въ горшку на полыци; згадала, що въ мене й пшонця мало на кашу, та й пшонця набрала, та за тымъ клопотомъ и забула виддаты. «Але кажу,» батюшко, «божуся, й прысягаюся, що я невынна: я не крала, я тилькы позычала, та й доси не виддала.» Згадала, якъ колысь въ сусиды Марты знайшла на городи въ бурьяни курячи яйця, та забрала въ пазуху. «Але, кажу», батюшко, «йій Богу я й въ цёму невынна, бо думала що то моя курка неслася въ чужому городи, бо все було литае черезъ тынъ въ чужый городъ. Нехай мене святый хрестъ побье, колы я крала». Высповидалася я, а батюшка й каже: «за ти шисть шагивъ,

що ты не заплатыла за образъ, купы свичку та й поставъ передъ святымъ Мыколаемъ, а въ кого ты брала силь та пшоно, тому виддай, то выйде, нибы ты позычала, а не крала».

Одговилась я, вернулась я додому; якось мени легше стало на души. Чы выйду въ ночи на двиръ, за мною вже не гоныться святый Мыколай. Але якъ гляну на той образъ, то все мени якось сумно въ хати сыдиты. Оце, матушко, я прынесла образъ батюшци, нехай поставлять його въ церкви, бо я черезъ цей образъ готова одъ своеи хаты одцуратысь

Иванъ Левицькый.

ПИСНЯ ПРО БОНДАРИВНУ.

(Замитка).

Росказують стари люде, що въ двадцятыхъ и тридцятыхъ рокахъ писня про Бондаривну дуже була популярна межи шляхетствомъ и попивствомъ подольскымъ. Де зибралыся на хрестыны, на празныкъ або на яку оказію, то вже тамъ певне можна було чуты писню про гарну Бондаривну; не було попивського або шляхетського дому, щобъ въ хати на стини не высивъ йійи патретъ. Йійи краса, йійи трагична доля мицно вризалыся въ память не тилько йійи ровесныкивъ, але и ихъ потомкивъ. Колы и хто скомпанововавъ цю писню — не звистно: запевне вона склалася середъ народа, бо варьянты ціеи писни спиваються и въ Галычыни, и по всій Украини. Той варьянтъ, що я запысавъ, спивають дивчата въ Подольскій губерни, въ Могыливскимъ повити. 'Ця писня сама по соби цикава, бо прыга-

дуйе про страшного палыводу Мыколая Потоцького, котрого звычайне называють Каневскимъ. Ось йийи текстъ:

Якъ въ мистечку Берестечку, команда стояла,
Молодая Бондаривна въ ратуши гуляла.
Якъ прыихавъ панъ Каневскій, сказавъ танецъ граты,
А самъ Бондаривну за руку стыскаты:
«А ты соби панъ Каневскій, я тоби не ривна
А ты соби панъ Каневскій, а я Бондаривна!»
Сказавъ соби панъ Каневскій прывезты Бондаривну до
свого покою,
Сказавъ йийи посадыты на ривни зъ собою.
«Чи прыймаесся, Бондаривно, въ моимъ паньстви жыты?»
«—Волыла-бъ я, панъ Каневскій, въ сыри земли гныты,
Якъ у твоимъ, панъ Каневскій, паньстви жыты!»
Якъ посунувъ панъ Каневскій по столу рублямы:
«Отожъ тоби, старый бондарь, за лычко румяне!»
Якъ посунувъ панъ Каневскій по столу червони:
«Отожъ тоби, старый бондарь, за чорныи бровы!
Та й на-жъ тоби, старый бондарь, грошыкивъ бочку:
Отожъ тоби, старый бондарь, за хорошу дочку».
Молодая Бондаривна на те не вважала,
А пидняла билу ручку, та й въ морду затяла.
Теперъ сказалы стари люды Бондаривни стыха:
«Тикай, тикай, Бондаривно, безъ биды, безъ лыха».
Тикае Бондаривна мистомъ, вулыцямы,
А за нею тры москали зъ острымы шаблямы.
Прыбигъ первый москалыкъ, обнявъ йийи рукою:
«Молодая Бондаривно, жаль мени за тобою!»
Ой прыбигъ другый, взявъ йийи за косы:

«Молодая Бондаривно гуляла ты досыть!»
Прыбигъ третій: «ой стій, не лякайся,
А якъ маешъ отця, матиръ, иды, попрощайся!»
Якъ тикала Бондаривна помежъ крамныци,
Якъ выстрелывъ панъ Каневскій зъ новои рушныци—
Дубовая барылочка, соснове ядерце;
Якъ выстрелывъ панъ Каневскій Бондаривни въ серце.—
На молоди Бондаривни сорочка—мережка,
Де тикала Бондаривна, тамъ крвава стежка.
На молоди Бондаривни шовкова спидныця,
Де лежала Бондаривна,—крвава крыныця.
Теперъ далы стари люды до бондаря знаты:
«Иды, иды, старый бондарь, дочку поховаты!»
Якъ вдарывся старый бондарь по поламъ рукамы:
«Бидна-жъ моя головонька зъ гарными дивкамы!»
Сказавъ соби старый бондарь сто рублывъ даты,
Щобъ молоду Бондаривну въ склепу поховаты.
Ой, якъ вдарывъ панъ Каневскій бондаря ногою
То вылетивъ старый бондарь за двери головою.

Росказують, що въ Кременецкимъ повити, въ Вышнивцю коло Почаива, въ палаци Мнишкивъ, есть Бондаривны патретъ хорошои роботы у весь зристъ, зробленный олійнымы красками.

Писня запысана одъ дивчыны въ сели Билянахъ, Могыливсъкого повиту, на Подоли, 1884 року.

БОНДАРИВНА.

(Драма въ 4-хъ дiяхъ и 5-ты одминахъ.

Ой въ мистечку Богуславку
Каневскаго пана —
Тамъ молода бондаривна
По рынку гуляла.
Ой въ мистечку Богуславку
Сыдыть дивокъ купка —
Межы ными бондаривна
Якъ сыва голубка.
Прыйшовъ до нихъ панъ Каневскiй
И шапочку изнявъ —
Обiйнявъ винъ бондаривну,
Та й поцилувавъ.
Не годенъ ты, панъ Каневскiй,
Мене цилуваты,
Тилько годенъ, панъ Каневскiй
Мене роззуваты!

Ой, сказалы бондаривни
Добри люде зтыха:
«Тикай, втикай бондаривно,—
Буде тоби лыхо!»
Ой, втикала бондаривна
Помежы домамы,
А за нею два жовнира
Зъ голымы шаблямы.
Ой, втикала бондаривна
Зъ высокого мосту,
Сама-жъ вона хороша́я—
Хорошого зросту.
А на тои бондаривни
Червонийі стричкы—
Куды велы бондаривну,
Тамъ все крвави ричкы!—
Ой, повели бондаривну
Помежы крамныци—
Ой, прыцилывъ панъ Каневскій
Зъ срибнои рушныци:
«Ой, чи хочешъ, бондаривно,
Изо мною жыты?
Ой, чи волышъ, бондаривно,
Въ сыри земли гныты?»
«—Краще мени, панъ Каневскій,
Въ сыри земли гныты,
Нижъ зъ тобою безчесныкомъ
На цимъ свити жыты!»
Ой, якъ тилько бондаривна

Ци слова сказала:
Ой, ударывъ панъ Каневскій—
Бондаривна впала.

(Запысано С. Дитковською видъ Маріи Очеретянойи, въ Плыскови, Кіевськои губерніи, Лыповецького уйизду: коло Дашева, Умани, Сорокы).

ЛЫЦЕДІИ:

Староста, вельможный панъ.

Чеславъ Герцель, шляхтычъ, ёго прыбичныкъ.

Гнатъ Бондарь, старый козакъ.

Тетяна, ёго дочка.

Марія, хозяйка у Бондара.

Тарасъ, Запорожець, литъ 35.

Денысъ, парубокъ, литъ 25.

Оксана, дивчына, ёго сестра.

1, 2 Запорожци.

1, 2 Чоловикы.

1, 2 Наймыты Бондара.

Мардохай, жыдъ орандарь.

Запорожци, народъ, дивчата, челядь двирська.

Діеться въ XVII столитіи

ДІЯ I.

(Улыця. Зъ одного боку оранда, зъ другого хата Бондара).

ЯВА I.

(Бондарь, 1 и 2 чоловикы).

Бондарь.

Вже третій день, якъ винъ прыихавъ зъ Сичи, сёгодня прыйде попрощаться; а вы, якъ хочете сами дознаться,—идить до нёго! Та цуръ мовчать! По корчмахъ—а ни слова! Нехай все буде, якъ було, покы пора не прыйде.

1 чоловикъ.

Не первына: вже добре мы навчылысь, якъ мовчать! Не мало лыха натерпилысь видъ языкивъ дурныхъ.

2 чоловикъ.

Не вспіе ще зибраться рада де небудь, а жыдъ про все вже зна и заразъ же несе до пана.

Вондарь.

Ото-жъ-то й е! А посли пшыкъ и выйде! Пора за кровъ, що пролылы, хочъ розуму набраться! Колы-жъ въ насъ такъ: розсердывся козакъ на жыда и ну его стращать, що вже не довго будуть панувать, що скоро прыйде имъ кинець. И такъ успіе похвальбою все жыдови розтолкуваты, що діеться мижъ козакамы, що той все зна, неначе винъ на ради бувъ.

1 чоловикъ.

Правда, правда.

Вондарь.

Ну йдить же вы ще до Тараса, а я его тутъ буду ждать.

2 чоловикъ.

Ходимъ Максымъ *(выходять).*

ЯВА II.

Вондарь *(самъ).*

Багато крови ще польеться! И жаль мени, якъ я згадаю, що все оце, що весело такъ выглядае, дымомъ визьметься! Не можна-жъ бильшъ терпить, пора имъ показать, що й справди въ козака е шабля, и вона не дурно высыть биля бока! Хмельницкій взявсь за дило, а винъ розумный, вченый и козакъ бува-

лый! Дай-то Боже, хочъ передъ смертію побачыть, якъ зновъ козакъ нашъ оживе!... Пиду-жъ я пидожду Тараса... Не знаю, де моя пишла Тетяна? За ци два дни, що въ насъ Тарасъ бувае, щось ставъ я помичать, неначе не своя вона... Не впору те кохання, а й радъ бы бувъ я мать такого затя, якъ Тарасъ... Та ни, винъ не до шлюбу дывыться: слава лыцарьска вже повинчалась зъ нымъ, то зъ нею винъ не розведеться! *(йде въ хату)*.

ЯВА III.

(Изъ оранды выходыть Герцель и Мардохай)

Герцель.

Не чуть ни слова, кажешь? Прыслухайся, Мардохай, въ обыдва уха, бо й вамъ не зъ медомъ буде!

Мардохай.

Ой вай! Кому скрутыться, а намъ змелеться! Биднымъ жыдкамъ найбильше завжды достаеться!.. Не треба вамъ, пануню, турбуваться, бо жыдъ, якъ страхъ — ще за сто мыль крычыть, що вже пидъ носомъ,—и часомъ зайця вовкомъ винъ полічыть! То й добре!... Въ таку пору краще даремно трычи перелякаться—нижъ ждать спокійно, поки тебе зарижуть.

Герцель.

И даремно лякатися не треба, бо переляканый

чоловикъ завжде дуристь зробе и въ ополонку самъ ускоче, якъ тилько крыкнуть зъ опалу на него. *(оглядається)*. А що ты ще не казавъ Бондаривни про те, що я тоби веливъ?.. Про мое кохання люте.. Ой, Мардохай! Колыбъ мени йійи добуты, я душу-бъ чортови виддавъ хочь заразъ!

Мардохай *(лукаво)*.

Сватайте йійи пануню! Хиба Бондарь скаженый, щобъ за такого пана не виддавъ?!..

Герцель.

Ну, та й дурный ты, а ще й жыдъ! На що мени рахуба та здалася: що-бъ староста вельможный нашъ побачывъ гарну жинку и заразъ одибравъ? Таку красу не вдержышъ жинкою! А такъ пограться зъ нею—й душу-бъ чортови, кажу тоби, виддавъ!!

Мардохай.

Вона така чесна дивчына, що васъ колы полюбить, до старосты не пиде вже тоди.

Герцель.

Скажы своему батькови! Я добре вже жиночу губу знаю. Воны вси держать честь дивочу мицно, а тилько треба жинкою що-бъ стала, то вже не треба довго ласкы добываться! О, знаю я, зъивъ зубы!

Мардохай.

Правда, пануню, багато е й такихъ... але це не така!.. Совитую вамъ сватать Бондаривну... Колы добудете йийи за жинку, счаслыви станете.

Герцель.

Иды ты къ бису зъ своимъ дурнымъ совитомъ! Ты тилько йий скажы, що я души у ній не чую... а тамъ я знаю що робыть!.. О, стривай! Куды-сь панъ староста простуе—треба до нёго бигты. *(на выходи)* Зробы-жъ объ чимъ просю!

ЯВА IV.

Мардохай *(самъ).*

Якый ласый! Бондаривну може вже десять душъ сватало и вона всимъ видказала, а ёму хочеться такъ добуты йийи, щобъ пограться!! Ой, вей! Яки теперь паны понаставалы: вси ласи до жинокъ, до меду доброго, тай годи! А якъ треба воюваты зъ козакамы, то воны никуды не годяться! Бо медъ, венгерьске и жинкы—всю сылу и хвабристь въ нихъ позабиралы!.. Покажы ёму Бондаривну, то винъ одъ війська утиче! Та що тамъ Бондаривну, нехай яка небудь моргуха ёму кывне, то вже винъ не вояка, а бабій... *(зъ дверей высовуеться голова жыдивкы).*

Жыдивка.

Мардохай! Кимъ-геръ. *(головаховаеться).*

Мардохай.

Заразъ, заразъ!.. Ой, ой! Яки часы насталы? Погани часы: паны не вміють воювать, а жыдкы бидни пропадають видъ гайдамакъ, якъ мухы въ осены!.. Ваймиръ, ваймиръ! Що дали буде. *(пишовъ).*

ЯВА V.

Трохы раньше чуть за лаштунками дивочый хоръ, водять короля. Дивчата проходятъ конъ; остаеться Бондаривна, а потимъ Оксана.

Бондаривна *(йде до своеи хаты).*

Не весело мени чогось зробылось зъ ными! И такъ недавно ще мене смишыло залыцяння моихъ женыхивъ, и мукы ти, що воны видъ кохання малы!.. А теперь?.. Лыбонь зъявляеться въ мени самій те, зъ чого сміялась я!

Оксана *(йде хутко въ той бикъ, куды пишлы дивчата, а побачывши Тетяну, пидбига до неи).*

Здрастуй, Тетяно! А знаешъ ты, що нашъ Денысъ сёгодня хоче тебе сватать? Винъ пропадае за тобою!

Тетяна.

Молодый ще вашъ Денысъ: ему на Сичъ, а не до шлюбу шляхъ.

Оксана.

Те жъ саме й батько ёму кажуть, а винъ якъ мертвый ходе, не слухае никого, одно на думци—ты!

Тетяна.

Ёму ще славы, козацького гарту добуваты треба, а зъ нымы вмисти й розумъ затвердіе. Тоди вже подумае й про шлюбъ.

Оксана.

И скилько ты вже видказала тимъ женыхамъ, то й счоту не мае. Вси дивчата дывуються! Не вже ты й доси ще не бачыла такого козака, щобъ серденько до нёго задрижало.

Тетяна.

Сама не знаю, якъ сказать! Сміялась я зъ кохання, любыла батька одного, ёго розмовы про походы мене чарувалы, та й бильшъ никого... а теперъ...

Оксана.

Що може полюбыла ты кого? Цикаво!.. Чи не козакъ отой Тарасъ, що у васъ ёго я бачыла учора?

Тетяна.

Не знаю!... Може й винъ!... Слухай, Оксанко. Якъ я ёго побачыла, то мени такъ ясно стало на души, такъ весело, що все-бъ балакала, сміялась и слуха-

ла ёго... И хата наша ясница стала, а въ серци—мовъ празныкъ... великдень!... А якъ пипювъ винъ зъ хаты, то зразу все переминылось: скучно, все хочеться кудысь иты, а куды, й сама не знаю! Такъ цилый день соби я мисця не знайшла. Колы-жъ прыйшовъ винъ вnьять, я зновъ така жъ весела стала и душу—мовъ писля довгои зимы—прыгрило сонечко весняне. Сама не знаю, що зо мною!

Оксана.

Може той Тарасъ, якый характерныкъ, що вміе напускаты на людей таку болизнь, та й напустывъ оце на тебе!

Тетяна.

О, певно чари въ нёго е,, та тилько не зліи ти чари!.. Ты меньшъ нижъ я въ цимъ тямышъ!.. Ходимъ до мене, колы хочешъ.

Оксана.

А я дивчатъ догнать хотила, щобъ зъ нымы погулять. Ходимо лучче до нихъ, — чого сыдить у хати?

Тетяна.

Мени не можна. Скоро прыйде той козакъ, Тарасъ, прощаться... зъ батькомъ, то треба дома буть, щобъ дать чого имъ попойисты.

Оксана.

А я пиду. Прощай, Тетянко! Дывы, Денысъ сюды простуе! Яка счаслыва ты: и козакы, и парубкы такъ биля тебе и вьються. *(побигла).*

Тетяна *(одна).*

Велыке счастя въ тимъ, що вси мени заглядають у вичи! А той, що душу взявъ мою до себе, пойиде завтра звидциля... и може вже до смерти ёго я не побачу!

ЯВА VI.

Денысъ *(пидходыть не смило до Тетяны).*

Тетяно!.. дывысь на мене... якъ тинь яка блукаю я!..

Тетяна.

Якый ты бувъ, такый и есть: смишный дытына!

Денысъ.

Смишный... та й годи! У мене душу вывертае, и все-жъ такы смишный?! Та чымъ же я смишный? Скажы.

Тетяна.

Усимъ. Найпаче жъ тымъ, що въ мене закохався и сватать вже мене задумавъ.

Денысъ.

Хто жъ це сказавъ тоби?.. Не вспивъ я ще промовыть слово дома, якъ мучусь за тобою, а ты вже знаешъ и смишнымъ мене зробыла!.. Тетяно! невже мене не любышъ ты ни крыхты?.. Ты жъ такъ прывитно балакала завжды зо мною и тымъ изъ розуму мене звела! Казала всимъ, що я найкращый парубокъ мижъ парубкамы и речамы такымы мени надію подала...

Тетяна.

Те саме я й теперъ скажу и ще й додамъ: иды на Сичъ, то може й козакъ зъ тебе буде не послидній!

Денысъ.

Про Сичъ забувъ я зъ того часу, якъ въ тебе закохався! На що жъ тоби та Сичъ здалася? Хиба безъ Сичи мы не прожылы-бъ счастлыво викъ зъ тобою?

Тетяна.

То не козацькый же ты сынъ, колы таке говорышъ! За що й любыть тебе?

Денысъ.

Ты думаешъ, що я боюся бусурмена? Ни, Тетяно! На пьять одынъ пиду, хочъ заразъ! Але що жъ

въ тимъ?... Пиду я воювать, ты замижъ выйдешъ!.. Зроблюсь я козакомъ... а ты?.. чыя тоди ты будешъ? Тыхо хиба хазяиномъ прожыть не можна?

Тетяна.

Колы дивчатъ козацькая чаруе вдача, то йды и ты, та зъ ворогомъ попереду навчыся воювать, що-бъ вмивъ оборонять свій край и жинку видъ татаръ!

Денысъ.

И що жъ, тоди тоби я кращымъ буду, колы каликою вернусь?

Тетяна.

У тебе й мова ще дытяча, а ты женыться вже задумавъ! Слухай, Денысъ: я люблю тебе...

Денысъ (*не дослухавшы, кидаеться до Тетяны*).

Любышъ?..

Тетяна (*одстороняючи*).

Пострывай! люблю тебе якъ брата.

Денысъ.

Якъ брата?.. У мене е сестра—Оксана!

Тетяна.

Смишный, ій-Богу, ты! Та дай же выговорыты мени!

Денысъ.

Ну, кажы.

Тетяна.

Хто не знавъ горя, не зрозуміе той счастя! Молоде серце, якъ пыво молодее грае; ему и впыну нема, колы росходыться; а посли, якъ серце вгамуеться, закыснешъ ты, янъ пыво кысне! Захочеться того що й други мають славы! А славу пизно добувать, якъ бабіемъ вже станешъ! Иды на Сичъ! Тамъ розуму достанешъ и годивъ черезъ тры-чотыри—себе и самъ ты не пизнаешъ.

Денысъ.

А ты жъ мене пидождешъ, покы вернусь я?

Тетяна.

Не буду ждать тебе, Денысе... ты молодый ще—мы не пара!

Денысъ.

Не любышъ ты мене! На що жъ прычарувала?.. Теперъ я самъ соби смишный! А серце все-жъ такы болыть... Прощай, Тетяно! Не судывъ Господь прожыть зъ тобою викъ счаслыво—пиду на Сичъ шукаты талану, бо покы не любывъ тебе, я думкою литавъ туды частенько.

Тетяна.

Видъ думкы однои ставъ вже козакомъ! Иды-жъ, иды! Нехай тебе Господь благословляе. Якъ будешъ одъизжать, прыходь до насъ прощаться! Якъ брата обниму.

Денысъ.

Прыйду! Прощай, тымъ часомъ... *(Тыхо пишовъ, схылывшы голову).*

Тетяна.

Здоровъ иды! Та не сумуй! На Сичи выдужаешъ скоро видъ ціеи хворобы. *(Одна).* И жаль мени ёго, бо я й сама теперъ вже знаю, яке тяжке кохання безнадійне!.. Прокынулось серденько мое! Збудывъ ёго Тарасъ и не знайты ему спокою!.. Тарасови не я на думци. *(Якъ Тетяна балакала зъ Денысомъ, староста и Герцель въ глыбыни сцены стоялы: то показувалысь, то ховалысь—нибы назыралы. Теперъ Тетяна побачыла ихъ).* Охъ! Староста!.. Куды я не пиду—вже скилько день—ёго стричаю. Зорыть за мною винъ, чи такъ, ненарокомъ стричаюсь?!.. Пиду мерщій у хату! *(иде въ хату).*

ЯВА VII.

(Выходять: Староста и Герцель).

Староста.

Чудо! дыво! Краса, якои ще й не бачывъ, про

яку й не чувъ! Здаеться ни одынъ артыста такои ще красы не змалювавъ!.. Станъ, поступъ... Сіяе вся зорею ранишнею! О, слипнуть очи!..

Герцель (*до себе*).

Отъ тоби й маешъ! Не вспивъ я накынуть окомъ, вже й винъ побачывъ! Женыся писля цего?!

Староста (*до Герцеля*).

Ты кажешъ, що ця дивчына Тетяна Бондаривна прозываеться?

Герцель.

Такъ, вельможный пане... (*до себе*). Бачъ, очи якъ у нёго розгорилысь!.. Пропавъ же мій замиръ...

Староста.

Вона тутъ и жыве?

Герцель.

У неи батько е, козакъ старый, багатый, кажуть, у всихъ въ почоти; одна вона дочка у нёго.

Староста.

Такъ що жъ?

Герцель.

Я такъ кажу, для видомости тилько (*до себе*). Хотивъ ёго я налякать!..

Староста.

Хочъ бы винъ бувъ, якъ Крезъ багатый, то все багатство те не вартъ и шеляга передъ красою ёго дочкы! О, всихъ чортивъ зибрать и вельзевулу жертву прынесты, и ублагать йихъ, колы сами не зможемъ, що-бъ помоглы мени прычарувать до себе Бондаривну!

Герцель *(до себе).*

Ой, ой, ой!.. Куды метнувъ! Глыбоко запала въ око Бондаривна! Не йистыме й не пытеме вельможный панъ, покы себе не вдовольныть!

Староста.

Чого жъ мовчышъ панъ Чеславъ? Кажы мени: що знаешъ про неи?

Герцель.

До неи сваталось багато женыхивъ, але вона всимъ видказала.

Староста.

И не дыво! Що-бъ така краса досталась чабанови! Краса жиноча—вышча сыла: вона на свити держыть все и мыромъ правыть!.. Красою тою впыться може, хто мае смакъ у ній, а не чабанъ усякый! И вона... невже дурною буде, що бъ выховувать себе для смоляра?.. ни! панъ Чеславъ!

Герцель.

Я тутъ, вельможный пане.

Староста.

Ты не знаешъ такого зилля, щобъ дивчыну прычарувать?

Герцель.

Знаю.

Староста (*хутко*).

Такъ говоры-жъ мерщій!

Герцель.

Треба напоить йійи улеслывымы речамы: день-у-день говорыть, що вона гарна; що за нею пропадаешъ; роздуть въ йійи крови жагу малюнкамы пекельнои страсти, отуманыть голову йійи такъ, що-бъ вона, хочъ и не любыть, захотила попробувать жыття въ намалёванимъ йій раю и черезъ одно те хотиння забула честь свою... честь батькову... Це сами певни чари, — воны не мало вже дивчать изъ розуму звелы!

Староста.

Ты розумный и хытрый, якъ чортъ! Не разъ мени ты вже служывъ, и я тебе не забувавъ за вси твои послугы! Служы-жъ ще й теперъ.

Герцель.

Мене вашъ батько вчывъ у школи, а вы въ люде повылы: повыненъ я за те служыть вамъ щыро, и служу.

Староста.

Люблю тебѣ за службу твою дуже!.. Прыдавы-жъ теперъ свій мозокъ такъ, що-бъ те усе, що зветься розумомъ, выйшло на верхъ и спытай ёго: що зробыть, що-бъ Бондаривна була моя? Колы у тебе не достане—позычъ у чорта хытрощивъ и добудь мени Бондаривну! обернысь въ змія, въ голуба перевернысь, якъ треба буде, и добудь йійи! А кровію полыть прыйдеться шляхъ до неи,—зробыся тыгромъ на той часъ! И 1000 червонцивъ будешь мать за послугу.

Герцель.

Де треба хытрощивъ спильныхъ зъ ласкою и добристью фальшывою, я тамъ у своій шкури знайду, що треба... А кровъ, то инча вже порода нужна,— не моя!..

Староста.

Кровъ-сыроватка, колы прырода клыче наше тило на празныкъ роскишный!.. Ну, прощай! Я знаю: ты усе прыдумаешъ на самоти и прыйдешъ вже тоди мени оповидать!.. Я жду тебе у замку! (*пишовъ*).

ЯВА VIII.

Герцель (*самъ*).

О, це служба ласа! 1000 червонцивъ!.. Достанемъ Бондаривну... хочъ такъ, хочъ такъ!.. Вельможный староста потишыться нею не довго, я вже знаю, а впосли й я свою жагу удовольню... Ну хто-жъ ёго удержыться, що-бъ на таку прынаду не питы?.. Для себе добуваты Бондаривну трудно, що-бъ бешкету, та гвалту не зробыть, а для вельможного— це инче дило: тутъ гвалтъ вже не поможе, колы сыроваткою кровъ винъ зве! Велыка сыла жиночая краса,—то правду староста сказавъ! Тай грошы сыла не мала, скажу вже я видъ себе!.. Мени здается, що и чыстую, якъ раншиня роса, людыну—можна купыть за таки ласощи и прынады! Важна штука: честь дивоча, зневага батька! ха, ха, ха! Хымерни выгадкы дурнихъ людей, що замисть крови въ нихъ молоко по жылахъ льеться! Дивоча честь?.. Честь ще меньше вартъ, нижъ клоччя! Покажить мени ту честь, що-бъ я йийи побачывъ, подержавъ въ рукахъ, тоди може й я повирю, що вона есть—и вартъ чого небудь! А тысячу червонцивъ въ рукахъ подержу, въ кешеню заховаю, ще й Бондаривну опысля я прыгорну до себе! А!.. уже й теперъ волосся лизе до горы!.. Я забалакався неначе вже доставъ и Бондаривну, и грошы у кешеню положывъ!.. Тутъ мало розуму одного... Треба скласты добрихъ, два що-бъ

выдумать, якъ дило повернуть це!.. Безъ жыда трудно... Хочъ я й самъ мабуть зъ жыдивъ, бо ще малымъ найшовъ мене десь въ Польщи пидъ корчмою старый панъ... Ну, та объ цимъ нихто знать не повыненъ! Шляхтычъ Чеславъ Герцель—тай годи! А може посли и бильшымъ чымъ зроблюсь, колы частишъ перепадатымуть такійи заробитки... *(Йде до оранды)*. Мардохай, иды сюды. Розумный дуже жыдъ! Порàюсь зъ нымъ, що скаже.

ЯВА IX.

(Выходыть Мардохай).

Мардохай.

Що тутъ таке сталось, пануню, що клычете мене сюда?

Герцель.

А въ корчми тамъ нема никого?

Мардохай.

Нема. Кажить, що пану треба?

Герцель.

Хочешь заробыть сто червонцивъ?

Мардохай.

А дежъ е на свити такый чоловикъ, щобъ не хотивъ заробыть сто червонцивъ?

Герцель.

Зробышъ дило, визьмешъ сто червонцивъ, не зробышъ—зъисы дулю!

Мардохай.

Сто червонцивъ?.. Далибугъ зроблю!

Герцель.

И ще умова: про те, що буду я казать тутъ заразъ—не тилько жинка, а й ты самъ, въ той ментъ забуть повыненъ, колы це дило зробышъ; а якъ довидаюсь, що скажышъ ще кому, то зъ дозволу вельможного пана старосты одрижу языка—ій Богу!

Мардохай.

Добрый гендель, за сто червонцивъ языка одризать! Ни, най будете здорови, нихто не буде знать: я въ богомилья заховаю ваши речи!

Герцель.

Такъ слухай-же. Вельможному пану старости уподобалася Бондаривна.

Мардохай (*наче его вколовъ хто*).

Ой, веймиръ!

Герцель (*здригнувши, оглянувся боязко*).

Чого ты дурный? И мене злякавъ!

Мардохай.

Страшно зробылось! И вы, и староста до Бондаривны... (*цмока губамы и оглядаеться кругомъ*). Ходимо луче въ оранду, що-бъ тутъ хто не почувъ... Вы знаете, якъ Бондаря вси люблять... Ай!...

Герцель.

Не такый чортъ страшный, якъ ёго малюють... Эге, когось сюды несе и справди; ходимъ у корчму, а жинку выжены зъ хаты, що-бъ не чула *(пишлы)*.

ЯВА X.

(Тарасъ, 1 и 2 чоловикы).

Тарасъ.

А завтра пидете по блызькыхъ селахъ. Та сторожко робить вы дило, що-бъ хто не провидавъ.

Чоловикъ 1.

Не турбуйся, козаче. Вси знатымуть, що треба знать и языка держаты будуть за зубамы, и обценькамы, навить, ёго не вытягнешь! Ну, прощай! Счаслывои тоби дорогы, брате! *(Обнима его)*.

Чоловикъ 2.

Бувай здоровъ, побачымось въ обози скоро! *(Обнима его)*.

Тарасъ.

Оставайтесь здорови. *(Чоловикы уходять)*. Вси готови, скризъ ждуть тревогы тилько. Потопайте у роскошахъ, ворогы! Лютуйте! Настане скоро случный часъ! *(Думае)*. Свое зробывъ я дило, теперъ й ихать вже пора, колы-жъ на грихъ побачывъ тутъ чаривни очи Бондаривны, и мовъ хто прыкувавъ до ныхъ... Покы не знавъ йийи—бувъ вильный я, якъ витеръ, якъ птыця, якъ вода у половоддя! И думка, и серце мое булы на Запорожжи! А теперъ?.. Воны тутъ биля тебе самои, зъ тобою! Тикавъ одъ бабъ и видъ дивчатъ, беригъ себе для помсты лютымъ ворогамъ; теперъ-же бачу я, що въ серцеви моему звыло соби гниздо кохання!.. Не козацька це хвористь, але вона такою стежкою залазыть въ душу и въ серцеви потайно такъ прымостыться, що тилько вже тоди оглянешся, колы почуешь, що тутъ сыдыть и разъ-уразъ себе зъявляе якась солодка мука! Колы-бъ ту стежку знавъ, колючымъ терномъ-бы йийи закыдавъ, що-бъ дивочій поглядъ по ній, дивоча ласка не пройшла!.. Найбильшъ бере мене досада, що я йийи побачывъ въ таку пору, колый про себе думаты не слидъ!.. Пиду ще разъ на неи гляну и прыдавлю въ души своій кохання! Нехай крыга зашеретуе мое серце—покы не доконаемъ ворога. (*Пишовъ у хату*).

(Зависа).

ДІЯ II.

У Бондаря. Хата вбрана багато. Сыдять: Бондарь, Тарасъ и Тетяна, котра що-небудь робе.

ЯВА I.

Бондарь.

Давно вже я бачывся зъ товарышамы! Що тамъ дидъ Кадыло поробляе? Якъ Чаплія? Чи ще жывый?.. А Горобець? А Чайка?.. та вси, уси товарыши — одъ разу й не нагадаешъ, якъ жывуть — росказуй!

Тарасъ.

Багато вже не стало тыхъ, що воювалы вмисти вы! Одынъ Кадыло ще жывый, тай той на ладанъ дыше. Чайку въ Сынопи убылы, Горобець и Чаплія у мори потонулы!.. Я самъ въ неволи бувъ два годы.

Тетяна.

Якъ, въ неволи? и жывый зостався?

Тарасъ.

Кому ще жыть назначывъ Богъ, той изъ пащеки лютои смерти выйде цилымъ.... Я ще малымъ повыненъ бувъ умерты, а отъ жывый зостався.

Тетяна.

Чого-жъ то такъ, козаче, що ты малымъ повыненъ бувъ умерты?

Вондарь.

О, ты не знаешъ ще, Тарасе, моеи Тетяны: козацька справа люба йій, якъ намъ зъ тобою, колы не бильшъ! Роскажы вже йій, нехай послуха про биды лыцарьски. Мои вона давно оповидання знае, нехай ще знатеме й твои. Козацьки диты повынни знаты, що роблять ихъ батькы й браты, що-бъ и своимъ те дитямъ росказаты.

Тарасъ.

Багато все росказуваты буде!.. За себе я скажу тоби, Тетяно, що бурь доволи пережывъ.... Мій батько бувъ козакъ и жывъ зимовыкомъ вже зъ матирью моею, а я тоди малымъ ще бувъ—годъ зъ десять мавъ,—бо добре памятаю, якъ разъ наскочывъ на нашъ хутиръ загинъ татарській. Товарышивъ при батькови було зъ десятокъ. Оборонялысь довго, але сыла взяла свое: убылы батька и всихъ товарышивъ, а матиръ и мене зо всимъ добромъ въ полонъ забралы... Хотилося мени розбыты голову свою тоди объ муръ, та матери пожалкувавъ.... Догналы насъ до Перекопу, а тутъ товарыши настыглы и сича пиднялась!.... Татары бачылы, що здобычъ потеряють, одъ басурменьскои лютости, въ обози,

сталы полонныхъ убывать.... Убывъ татарынъ мою матиръ, я палыцю въ той ментъ зъ гарбы схопывъ и кынувся на бусурмена, себе не тямлючи и, певно, винъ бы вбывъ мене, колы-бъ Кадыло зъ товарыствомъ въ обозъ татарськiй вже не вскочывъ и не проткнувъ татарське горло шаблею въ ту хвылю, якъ винъ хотивъ зрубать дытячу голову мою, що горила жагою помсты за матиръ любую!.,. Татарынъ впавъ и я, якъ падавъ винъ, ще й палыцею ёго вдарывъ! Кадыло крыкнувъ: козакъ изъ тебе буде! и кынувся кинчать ворогивъ. А я стоявъ надъ трупомъ матери моеи и крычавъ, до Бога рукы знявши. О, не забуду я николы ту муку тяжкую, що серце прыгнитыла, якъ я зостався самъ зъ сичовыкамы.... Мене зъ собою взявъ за сына Кадыло, тоди ще жвавымъ козакомъ винъ бувъ, и дидомъ вже теперъ зробывся!... Мене, спасыби, въ школу винъ виддавъ, и вывчывсь я.... Давно було, а ще й теперъ я бачу матиръ и помсту лютую на ворогивъ носю у серци!..

Тетяна (*вытерае слезы*).

Ты серце такъ розворушывъ мое, козаче, що я заплакала; бо прыгадала и свою покiйную матусю, котру убылы те-жъ злiйи ворогы!.. А якъ же ты попавъ въ неволю, и якъ утикъ видъ лютойи смерти знову?

Вондарь.

Ты-бъ лучче у свитлыци дала чого-небудь намъ попойисты, бо певно вже Тарасъ проголодався!

Тетяна.

Я въ ментъ одынъ васъ нагодую, бо въ мене все уже готове!.. И все-жъ такы просю тебе, Тарасе, скажы: якъ ты попавъ въ неволю и зъ неи якъ ослобонывсь?

Тарасъ.

Я радъ тоби росказувать, колы такъ любышъ слухать! И весело мени дывыться въ очи твои молодіи, що сяють зорамы, якъ слухаешь козацьки справы. Ты батькова дочка!... (*Тетяна потупляе очи*). На чайкахъ мы пустылысь въ люте море: воно сказылось на той часъ, бо лютовало гиршъ одъ пекла! За Тендеромъ уже дви чайкы потонулы, а буря, взявши зъ насъ такую жертву, ще гиршъ розлютовалась!.. Молылысь Богу козакы, а наши байдакы—мовъ пирья, що гусы погубылы, хвыля кыдала!.. О, ворогъ, лютый, витеръ той, що насъ не мылувавъ!.. Море клекотало, пинылося, залывало наши чайкы и прудко мчало насъ, якъ хмари въ осены по небу витеръ буйный гоныть, на берегъ турецькый! Розбыло чайку нашу, и въ хвыляхъ гризныхъ де-не-де буйни головы козачи показалысь! Я довго бывся, не давався въ рукы смерти и вже тонуть почавъ, якъ выкынуло безъ памяти мене на берегъ турецькый! Выкынуло за тымъ, що-бъ зъ горла морського попасты въ зубы туркамъ!... Колы прокынувсь я, то вже бувъ звяза-

ный и въ темному якимъ-сь лёху сыдивъ. Туть нагадавъ я все, и жалко мени стало, що въ мори не втонувъ зъ товарышамы разомъ!.. Тяжка турецька неволя, не буду я тоби про неи говорыть! Скажу, що въ нїй пробувъ два годы и горя вдосталь я набравсь. А й тутъ ще Господь зглянувся не мене: помигъ мени вернутысь въ ридный край! Я вбывъ тюремщыка свого, надивъ ёго одежу и, крыючысь по горахъ, по лисахъ, йивъ кору зъ дерева, покы добрався до Вкраины. Ожывъ я тутъ! Набрався сылы знову и зновъ летить на ворога, якъ въ рай, готовъ!..

Вондарь.

Ажъ кровъ моя старая кынулася въ голову видъ твого оповидання! За муку ту, що ты за всихъ терпивъ, дай обнять тебе, Тарасе! *(Онима ёго)*. Орлы!! Яка маты не усмихнеться, дывлячысь на такихъ сынивъ?...

Тетяна *(обнимае и цилуе Тараса)*.

Якъ брата дорогого, цилую я тебе, козаче!... Теперъ идить въ свитлыцю,—я йисты вамъ зготую заразъ! *(выходыть)*.

ЯВА II.

(Ти-жъ, безъ Тетяны).

Тарасъ.

И про йижу забувъ, такъ весело мени у вашій,

батьку Гнате, хати! Мовъ у батька ридного отутъ я спочываю. Спасыби за прывитъ, за щыристь вашу! А теперъ про дило ще я маю де-що росказать. Хмельныцькый вже теперъ въ Орди, прысоглашае хана, що-бъ намъ помигъ ударыть разомъ на ляхивъ, бо нестерпуче стало жыты зъ ными....

Вондарь.

Знаю! О, дай Богъ помичъ! Хоча тоби, Тарасе, по правди я скажу: не по души мени, що мы на землю хрыстіянську наведемо хрыстовыхъ ворогивъ, що дывляться на насъ гиршъ, нижъ на собакъ!

Тарасъ.

И ворогъ лютый побратымомъ стать повыненъ, колы несе свою голову за нашу виру.

Вондарь.

Колы-бъ не каялыся мы, якъ наши побратымы, котримъ не мало мы за шкуру сала залылы, прыйшовши въ нашу землю, не обернулысь въ лютыхъ ворогивъ! И такъ багато мукъ народъ пережывае, а ще татарськую орду, жадну до грабунку, якъ упустымо сюды, то Богъ ёго зна, що вже тоди стане: чи лядьска справа, чи татарськый грабижъ и полонъ?

ЯВА III.

(Ти-жъ и Тетяна).

Тетяна.

Идить, уже готово все! Тарасъ мабуть давно проголодався: просты мене, що довго ждаты заставляла!

Тарасъ.

Я батькови казавъ твоему: въ хати вашій и весело мени, и такъ прыютно, що я й забувъ про йижу; а тоби скажу, Тетяно,—та не росердься тилько,—що кращои ще дивчыны не бачывъ я видъ тебе и серцемъ и душею! (*Тетяна соромыться и опускае очи*). О, тутъ видпочываешъ: мовъ въ свитлому раю я опынывсь!..

Вондарь.

Ну, годи вже тоби, ще дивчыну справди збьешъ зъ товку!... Ходимо лучче пидъимо, та тамъ и побалакаемъ про начате дило. А ты, Тетянко, Марію звы до себе и не впускай до насъ никого, що-бъ не помишалы,—бо дило е!... Ходимо, дорогый мій гостю, ходимо сыну! Я такъ тебе зову затымъ, що биле вже волосся маю!.. (*выходять у свитлыцю*).

ЯВА IV.

(Тетяна одна, потимъ Марія).

Тетяна (*въ двери*).

Маріе, иды сюды зъ роботою! тутъ будемо сыдить (*сила и замыслылась*). Винъ такъ недавно у насъ, а я мовъ здавна ёго знаю! Облыччя, постать, очи— все, усе я бачыла вже десь давно!... Або жъ винъ снывсь мени, або въ души малюнокъ ридного намъ серцемъ чоловика носышъ, не знаючи того и самъ?... Дывно!.. Чомъ я не хлопцемъ уродылась? Теперъ пойихала-бъ зъ нымъ поручъ воювать!... Нудна дивоча доля!... Хочъ вильна въ батька я, якъ пташка, та що зъ тыею волею я вдію? На що мени вона здалася?... (*задумалась*).

Марія (*входе зъ пряжою*).

А гарный якый козакъ у насъ гостюе! (*Тетяна мовъ прокынулася*) Що зъ тобою, чого ты кынулася такъ? Объ чимъ такъ думала, що й не чула, колы ввійшла я?...

Тетяна.

Про матиръ нагадала и задумалась.

Марія.

Овва! Наврядъ, чи правду ты сказала!.. Мени здаеться, що въ думци въ тебе козакъ оцей сыдивъ.

Тетяна.

Винъ тутъ росказувавъ про де-яки свойи прыгоды: якъ матиръ вбылы передъ ёго очыма, колы малымъ ще бувъ; якъ у неволи винъ сыдивъ турецькій!

Марія.

И жаль тоби ёго зробылось?

Тетяна.

Боже якъ!

Марія.

Це першый знакъ, що любый винъ тоби зробывсябъ скоро, колы-бъ посыдивъ тутъ ще днивъ изо тры.

Тетяна.

Винъ жыве не тымъ, що треба для кохання!.. И я-бъ соби на горе тилько ёго малюнокъ носыла въ серци!..

Марія.

Почимъ ты знаешъ? О, въ козацькимъ серци багато е вогню того, що треба для кохання; та ёго тушять воны бусурменьскою кровью... Колы не бачять раю, имъ въ пекли гарно!.. Однакъ кого дивочый поглядъ зъ ныхъ прыгріе и вогонь прытушенный роздуе, той пекло свое заразъ кыне и въ рай летыть... А цей козакъ, Тарасъ, зъ огню самого—я бачу по очахъ!..

Тетяна.

Охъ, не кажы мени про нёго бильшъ ничого!.. Я не знаю, що зо мною заразъ діеться, голубко: и радисно, и серце бьеться въ грудяхъ, мовъ въ пташечкы, що въ клитку попалась!

Марія.

А бачъ, прыйшла й твоя пора!

Тетяна.

Хиба, Маріе, це кохання?.. Я такъ зворушена ёго оповиданнямъ тилько.

Марія.

О, ни, моя ты пташко, я хвористь цюю добре знаю: не дурно серце бьеться въ тебе! Воно ще спало, и всимъ ты женыхамъ, що сватались до тебе, одповидала: молода, мовъ, ще—не хочу! А цей протягне руку, й пидешь певно! Збудывъ винъ серце въ тебе.

Тетяна (*наче Маріе*).

Не вродою винъ кращый видъ другыхъ, що сватались за мене, ни... Колы нихто, якъ винъ не вытерпивъ стилько; ни въ кого нема такого чаривного погляду, що въ саму душу йде и невымовнымъ якымсь щастямъ йийи обвивае, колы говорыть винъ до тебе зъ ласкою!.. Колы жъ балакае про бусурменъ, неначе блыскавка замыготыть въ ёго очахъ и

полумямъ страшнымъ, страшнымъ ти-жъ очи запалають! О, якъ винъ гарно росказуе... Рубець у ёго тутъ, рубнувъ знать шаблею татарынъ!.. И той рубець у другого-бъ бувъ ганжею, у нёго жъ винъ красою служыть, и до лыця, якъ лыцарю, ёму!..

Марія.

А воно такъ, вже якъ полюбышъ чоловика, то й те, що порочыть ёго, здаеться тоби красою.

Тетяна.

Скажы мени, Маріе, чы ты любыла на вику своимъ?

Марія.

Охъ, серденько мое! Хиба така була я й здавна, якъ бачышъ ты теперъ мене? Мынулося голубонько... а й я колысь зазнала щастя й горя!.. А де за щастямъ плыве горе,—воно те щастя зъйисть и зверху въ серци запануе.

Тетяна *(ласкаючись).*

Бидна моя!.. Скажы-жъ, нехай я буду знать: видъ чого горе у тебе сталось?

Марія.

Любыла я колысь, ще молодою, козака: звинчалысь мы. Щаслыва я була—не треба раю!.. Годъ, якъ день одынъ, мынувъ, и мій Иванъ пишовъ знову на війну, та вже винъ не вертавсь! И марно зъ того

часу лита я трачу: въ самотыни завяла моя краса, и серце радистью не былося уже ни разу въ грудяхъ! Иванъ зостався въ йому й доси... Я тымъ жыву, що вже мынуло й не вернеться николы, квиточко моя! *(Утырае слёзы; Тетяна журлыво зхылыла голову. Пауза).* Бачъ, якъ я засмутыла твои ясни очи! На що пытала?..

Тетяна.

Якъ жаль мени того, хто въ серци горе носыть!.. *(Наче замыслылась)* Знать щастя рикъ, що-бъ жыть нымъ цилый викъ!..

Марія.

Такый нашъ край нещасный, що козакы всякъ часъ повынни буть готови вмерты, щобъ насъ обороныть видъ ворогивъ, то й намъ, жинкамъ, прывыкнуть треба вже до того, що мылый насъ на шаблю проминяе!.. А серця все-жъ такы не спынышъ, та и спынять грихъ ёго, колы воно освичуе до чеснои дружыны шляхъ!..

Тетяна *(обійма Марію).*

Яка розумна ты, Маріе! Люблю тебе я слухать, якъ матиръ ридную! Спасыби за розмову щыру! Нихто не зна, що буде; а буде такъ, якъ Богъ благословыть!.. Лыбонь сюды воны йдуть зъ батькомъ. Ходимъ Маріе прыбирать. *(Идуть).*

ЯВА V.

(Выходыть Тарасъ).

Тарасъ.

А мы найилысь вже и напылыся, спасыби вамъ!

Тетяна.

Богу дякуй!

Тарасъ.

А ты жъ куды?

Тетяна.

Мы заразъ прыйдемо, хазяйске дило тилько справымъ *(выходять зъ Марісю).*

Тарасъ *(одынъ, довгенько дывыться у слидъ Тетяни).*

Не можу выйты я видциль!.. Мовъ хто прыпнувъ до ціеи хаты зализнымъ ланцюгомъ!.. Ни, мабуть скилько не сылкуйся, а ничого проты себе самого не вдіешъ!.. Не можна загатыть Днипра; не можна вдержать кулю, колы вже вона выскочыла зъ дула; не можна запыныть родивъ, колы прыйшовъ той часъ,—то такъ не можна тыхъ любощивъ спыныть, що сковани булы жыттямъ суворымъ, колы воны вырвалысь уже на волю и гарячымъ проминнямъ спы-

нылысь въ очахъ дивочыхъ молодыхъ! *(Бере бандуру)* А чы озветься жъ то вона моёму серцю?.. (*Спива*)

Ой, не цвиты буйнымъ цвитомъ
Зеленый катране,
Тяжко важко на серденьку,
Якъ вечиръ настане.

Ступай коню, ступай воронъ
Зъ горы камяноии
Ой, до теи дивчыноньки,
Що чорныи бровы.

Ой, не выдно теи хаты,
Тилько выдно грушу,
Туды мою що вечора
Порывае душу.

Якъ не схочешъ дивчынонько
Дружыною буты,
То дай мени таке зилля,
Що-бъ тебе забуты.

ЯВА VI.

(Въ дверяхъ слухають писню: Тетяна и старый Бондарь, изъ за ныхъ выдно голову Маріи, котра утырае слёзы писля писни).

Бондарь.

Ай Тарасъ! а я думавъ, що ты такъ вже загартувався въ козацькимъ дили, що писня про кохання

до тебе не прыстане!.. Чи може закохався де. та въ насъ сумуешъ?

Тетяна.

Якъ гарно ты спивавъ, Тарасе! Марія наша плакать почала, а я насылу вдержалась, ій-Богу!

Тарасъ.

Я радъ, що вмивъ твое такъ серце зворушыть! А що-бъ ёму не такъ тяженько було, то заспиваю тоби веселои: на що все сумувать?..

Тетяна.

Спасыби, що нашу хату звеселышъ, бо батька зъ бандурою вже давно не бачыла, а я люблю, колы хто гарно на йій грае,—здаеться слухала-бъ день цилый.

Тарасъ. *(спива, а потимъ танцюе).*

Одъ села до сѣла
Танци та музыкы:
Курку-яйця продала —
Маю черевыкы.
Одъ села до села
Буду танцюваты:
Ни коровы, ни вола —
Осталася хата.
Я отдамъ, я продамъ
Кумови хатыну,

Я куплю, я зроблю
Яточку пидъ тыномъ;
Торгувать, шынкувать
Буду чарочкамы,
Танцювать та гулять
Такы зъ парубкамы.
Охъ вы дитки мойи,
Мойи голубята,
Не журиться, подывиться,
Якъ танцюе маты.

Бондарь (*на мисти не всыдыть, а дали скакує*).

Э, колы такъ, то й я потанцюю! А ну, дочко, зъ батькомъ!... Нехай Тарасъ побачыть, що й мы ще козакы, хочъ и пидтопталысь трохы! *(Закручує вуса)*. Грай тіеи самои! Ну! Ой, гопъ! *(Танцюе зъ Тетяною, але скоро сида й каже)*: Бильшъ не можу!

(Тымъ часомъ Тарасъ продолжае писля Бондаря танець зъ Тетяною, прыспивуюны, а Марія въ дверяхъ любуеться. Старый пидгукує)..

Бондарь.

Дитки жъ мои, ридни мои! Спасыби вамъ, спасыби вамъ! Одъ радощивъ, ще буду плакать, ій Богу, буду! Стривай же колы такъ! У мене медъ е, що на Тетянынe весилля я держу, попробуемъ, якый винъ вдався. Ходимъ Маріе зо мною въ погребъ... Богъ его зна, колы ще прыйдеться такъ весело зненацька погулять! *(Обнима Тараса)*. Кистки вси ро-

сходылысь, згадавъ я молодисть, хочъ заразъ на коня! Э, матери ёго хыря! Хиба я вже старый? Дочко, эге твій батько молодець?... Та що тебе пытать?! Ходимъ, Маріе, меду вточымъ! *(Выходять зъ Маріею).*

ЯВА VII.

(Тетяна и Тарасъ).

Тетяна.

Давно вже весело й мени, такъ якъ сёгодня, не було!

Тарасъ.

Ластивочко моя! Й мени любо глянуть на твое веселее лыце! Я ще николы самъ не чувъ въ души моій такого голосу, якый теперь выгукуе у ній.

Тетяна.

Не говоры, козаче, такъ ласкаво до мене! На що маешъ завезти зъ собою въ Сичъ мое ты серце дивоче? Ты тутъ стоишъ передо мною, а душа твоя и серце, тамъ, у Сичи!

Тарасъ.

Сичъ, маты! Люблю йійи я щыро! Жыття свое для неи не жалію! За неи голову виддамъ...

Тетяна.

Поважаю твою до Сичи щыристь! Тамъ твое

щастя; не занось же туды мого серця, бо воно тоби заважыть.

Тарасъ.

У мене тилько й роду е—що маты-Сичъ! У тебе-жъ ридный батько, и ты ёго кохаешъ бильшъ може, нижъ я свою названну матиръ! Скажы-жъ мени: покынула-бъ ты батька для козака, котрого вирно покохаешъ?

Тетяна.

Винъ свитомъ моимъ стане, зорею, сонцемъ яснымъ, винъ батькомъ моимъ буде, зъ нымъ, колы я покохаю, пиду въ тяжку турецьку неволю, умерти я за ёго рада!

Тарасъ.

Отакъ-же, горлычко моя, и я! Хочъ матиръ не забуду, бо вона багато дитокъ славныхъ мае, и грихъ забуть йійи; колы жъ я покохаю дивчыну,— покыну матиръ я свою, и душу тій дивчыни виддамъ!

Тетяна

Назвавъ мене ты горлычкою, ластивкою... и спалывъ усю словамы цымы. Бидна горлычка зостанеться сама... Орелъ же высоко пидійметься и полытыть на здобычъ, и забуде горлычку, бо ёму треба шырокого неба крыламы достать, а горлычка... зивье соби кубелечко—и хоче воркувать....

Тарасъ.

Тетяно! Я бачу, любышъ ты мене!.. Чы такъ?.. О, я щаслывый ставъ, якъ само щастя... Моя ты чаривныце, моя ты доле золотая! Благаю я тебе, щобъ ты звела мени кубелечко—и будемъ воркувать!

Тетяна.

У тебе всю перелыла свою я душу.

Тарасъ.

Такъ любышъ ты мене?

Тетяна.

Безъ краю, орле мій! Визьмы мене ты заразъ, вбый, колы тоби це щастя дасть!

Тарасъ.

И буйни гулянкы зъ товарышамы, и воля молодецька—все упало, все вылетило зъ головы, осталась въ серци одна думка про кубелечко зъ тобою, горлычко моя!

Тетяна.

Раю мій! *(Обнимаються).*

Тарасъ.

Це першый разъ въ жытти моимъ!.. Обвіяло мене повитрямъ раю!.. Теперь я зъ витромъ побратаюсь

и на ёго легкыхъ крылахъ на Сичъ летиты буду день и ничъ! Що-бъ тамъ, свое зробывшы дило,—не витромъ вже, а думкою прудкою сюда прылынуть, щобъ напыться щастя зъ тобою—моя ты зоре, раю мій! *(цилуються)*.

ЯВА VIII.

(Бондарь и Марія вносять флягу меду и чаркы срибни).

Бондарь (*Ставить на стилъ*).

Ой, медъ мій дорогый! Колы то ще тебе намъ пыть прыйдеться у Тетяны моеи на весилли? Теперъ же выпьемо на радощахъ, що молодисть свою я прыгадавъ! Дочко, налывай и частуй насъ! (*До Тараса*). Ты не повирышъ, якъ весело чого-сь мени: и плакать хочеться и танцювать!...

Тарасъ.

Батьку!.. То батькомъ такъ я звавъ васъ, бо звычай е такый; теперъ же *(бере Тетяну за руку)* мы хочемъ въ двохъ вже васъ риднымъ батькомъ называть.

Бондарь (*дывуючысь*).

Стрывайте!.. Що жъ це?.. Може я сплю, та сныться сонъ мени!.. Чы вы зъ Тетяною шуткуете, Тарасе?

Тарасъ.

Не шутка це; мы любымось обое и просымо васъ,

тату дорогый, благословить на чесный шлюбъ насъ!

Вондарь *(не довиря).*

Тетяно?!...

Тетяна.

Благословить насъ тату!

Вондарь.

Га?...

Тарасъ.

Богъ породывъ йійи для мене! Теперъ прыйшла щаслывая годына—благословить!

Вондарь.

Такъ це правда?!.. О, Боже всемогущый! *(пада на колина).* Слёзамы щастя я дякую Тебе, що Ты прывивъ мени за жызни ще своеи уздрить свое едыне дытя за чеснымъ лыцаремъ. *(Встае и обнима Тараса).* Нехай тебе Господь благословыть! И тебе, дытыно моя, дорога моя, ёдыная утиха старости моеи. *(Прыгорта йійи голову до своихъ грудей).* О, я безъ миры щаслывый! *(Плаче, потимъ раптомъ, ще зъ слёзами въ голоси и на очахъ).* Теперъ же выпьемо! Диждався медъ свого!.. Маріе, йды сюда! Будемъ танцювать зъ тобою! *(Плаче).*

Тетяна и Тарасъ.

Що зъ вамы тату?

Вондарь (*обнима то того, то другюго*).

Видъ радосты диты, одъ велыкого и несподиванного щастя!.. Тай выпью жъ цупко я!.. Налывай!...

(*Зависа*).

ДІЯ III.

(Декорація та сама, що въ I дии).

ЯВА I.

Герцель (*самъ*).

Яка лукава недотрога оця Тетяна!.. Не помога віяка ласка!.. Вже трычи я йій про кохання говорывъ, вона жъ и слухаты не хоче!.. Зъ такымы я ще не встричався и мало ихъ на свити йе!.. Найкраще дило мать зъ тымы дивчатамы, котри, наслухавшысь ще зъ малку видъ пьянихъ молодыць про ихъ веселе жыття, и, розигрившы кровъ свою жагою раннёю, зъ цикавости однои, не ждуть весилля, а поспишають, що-бъ мерщій спизнать самимъ вси ти прынадни хвыли, котри такъ чаривнычо имъ мозокъ вже намалювавъ! Оце наши! Зъ Тетяною жъ мабуть ничого ласкою не вдіешь, а сылу прыйдеться

у ходъ пустыть... Але попробую ще разъ я зъ нею побалакать... Отутъ повынна скоро йты вона изъ церквы, йийи я обмынувъ... О, вона! Поможы жъ мени хочъ цей разъ, змію, ты, що Еву пидманывъ...

ЯВА II.

(Тетяна йде).

Герцель.

Видкиль идешъ, Тетяно, серце? (*Заступа йій дорогу).*

Тетяна.

Не можу бачыть я тебе, чого ты лизешь въ вичи, гаде?

Герцель.

Не можу жить въ той день, въ якый тебе я не побачу!.. Не гнивайся, послухай якъ люблю я тебе щыро!

Тетяна.

Геть пишовъ! Ехыдный песъ! А то крычаты заразъ буду.

Герцель.

Коханнямъ я до тебе весь одъ мозку и до пьятъ горю, а ты така недобра, що мени и слова ласкы не промовышъ! Колы протывный я тоби, то хочъ

прыкынься та глянь на мене прывитнище, ну, зъ жалощивъ одныхъ; тоди вже легче меви вмерты, бо все одно помру за те, що не кохаешъ!.. О, зглянься, подывысь ласкаво на мене!

Тетяна (*здригнувши*).

О, гыдкый! Ты думаешъ, душа моя не чуе, яка въ тоби сыдыть гадюка? Иды видъ мене геть! А то робитныкивъ позву, то выбьють зъ тебе твою пекельную жагу дрючкамы!

Герцель (*пидступа*).

Хочъ руку жъ дай подержать!

Тетяна (*плюе ему у вичи*).

Тьфу!! (*Одпыха его*). Визьмы, що слидъ тоби!.. (*Хутко зныкае въ хати*).

ЯВА III.

Герцель (*самъ, вытераеться*).

Це поцилунокъ иншый, нижъ я ждавъ!.. Стрывай же, Бондаривно! Ты поцилуешъ ще мене въ те самее лыце, що заразъ наплювала!.. Дывы! У вичи плюнула и скоро такъ у хату зныкла, що я и не збагнувъ. Колы родылась ты красою кровъ розигривать, то не ховай ййи для чоловика!.. Дурна, дурна!! Не зна въ якимъ жытти е смакъ! Соромыться того, що намъ дала прырода!.. Ху!.. Сёгодня сылою визьму

тебе, хочъ бы ты небомъ захылылась. У мене все уже готове... Въ даныливськимъ гаю е хатка, де вже не разъ робылы зъ старостою мы... такивськіи дила ха-ха!.. То тамъ и ты, Тетянко, сёгодня побуваешъ!.. Ого-го! Не будь я Чеславъ Герцель, колы не научу тебе покинуть дурнямъ соромъ!.. (*Йде до шынку*). Мардохай!

ЯВА IV.

(Мардохай выходыть).

Герцель.

Ну, що жъ? Купывъ у Бондаря ты рыбу?

Мардохай (*ехыдно*).

Купывъ и гроши вже виддавъ!

Герцель

Теперъ, выходыть, ты до нёго въ двиръ вже вхожый?

Мардохай.

А звисно!.. Сёгодня рыбу на возы кладуть, що-бъ у Крывянку одвезты до Гершка, такый бувъ договоръ... (*усмихаеться*). И тоди въ двори у Бондаря никого не останеться. Я тамъ сёгодня бувъ разивъ мабуть изъ пьять...

Герцель.

А старый?

Мардохай.

Ст́арый не йиде: воны ждуть скоро молодого, мени казалы наймыты... Та що старый?

Герцель.

О!! то це й весилля скоро буде, и дило наше пропаде? Колы такъ, то треба поспишыты! Слухай: вже сонечко заходыть и наймыты не выйдуть сёгодня; а тамъ зновъ молодый, весилля... и праця пропаде! Бижы ты заразъ въ двиръ, и ниби на могорычъ позвешъ до себе наймытивъ, та у горильцц имъ... на! (*выймае порошокъ*) пидсыпъ оцей дурманъ. Воны, якъ выпьють, будутъ спать смертельнымъ сномъ, а намъ того и треба! Потимъ, попробуй выманыты Бондаря изъ хаты... Скажы ёму, що попылыся наймыты... що... выдумай прычыну!.. Абы винъ въ вечери пишовъ изъ дому... Ну, хочъ таку, на прыкладъ, що розташовани возы, и середъ двору рыба въ купи... доглянуть же нема кому, скажы... що дощъ замоче... Крутны жыдивскою ты головою и выманы старого зъ хаты... Чуешъ?

Мардохай.

Круты тутъ головою... не знаю, чы удасться!..

Герцель (*про себе*).

Ну, що-жъ, колы не выйде зъ хаты, тоди Мыхалъ ёго убье, щобъ за Тетяною заперты шляхъ!..

На себе нехай жалкуе... (*До Мардохая*). Гляды жъ мени, покы прыйду, щобъ все було, якъ я сказавъ! Тымъ часомъ я сюда всю челядь прыведу и ты впусты йійи у корчму заднимъ ходомъ. Нехай сыдять на поготови и ждуть мого прыказу! Повертайсь!

Мардохай.

Пануню, а червинци?

Герцель.

Ты взявъ вже 50?

Мардохай (*цилуе его въ плече*).

Взявъ, спасыби вамъ!

Герцель.

Зробы все дило, визьмешъ ще стилько. Ну, мерщій... Ничъ наступае. (*Уходыть*).

ЯВА V.

Мардохай (*одынъ, а потимъ 1 и 2 наймыты Бондаря*).

Ой, ой! Колы бъ червинци ти узять мерщій у нёго... бо панъ Чеславъ и батька ридного облупыть,—винъ хитрищый жыда! Обманыть ще. (*Пидходыть до двору Бондаря, заглядa и кывае пальцемъ*). А йдить сюда! (*Пидходять 1 и 2 наймыты*).

Наймытъ 1-й (*недовольно*).

Чого тоби?

Мардохай.

Чи вже наклалы рыбу на возы? (*Заглядa у двиръ*). Ой, ой! яка ще на земли лежыть велыка купа!

Наймытъ 2-й.

Швыдкый ты дуже!

Мардохай.

Вусъ! То вы сёгодня ще мабуть и не пойидете, а Гершкови потрибна дуже рыба: тамъ завтра ярмарокъ.

Наймытъ 1-й.

Куды жъ ёго и йихать? Зовсимъ не рано, а покы накладемъ, то смеркне. (*Хоче йты*).

Мардохай.

Слухайте хлопци, зайдить до мене заразъ, я вамъ поставлю могорычъ, абы сёгодня рыбу повезлы.

Наймытъ 2.

Та воно не такъ, щобъ и нерано було, можна ще й сёгодня выйихать,—дорога недалека и знакома.

Наймытъ 1.

Та якъ управымся... тамъ побачымъ...

Мардохай.

Ну йдить же, выпыйте гарненько, тай до дила.

Наймыть 2 (*выходыть изъ за тыну*).

Я такъ думаю: на ранокъ можна булобъ поситы у Крывянку зъ рыбою.

Наймыть 1 (*выходыть зъ нымъ и переходыть зъ Мардохаемъ у корчму*).

А що жъ тутъ зосталось: може десять сотъ докласты, та вшнуровать возы... та... (*входять въ корчму*).

Мардохай (*пропустывши ихъ*).

Могорычъ, це мазь така, що писля неи вже колеса не рыплять. Але теперъ мени байдуже. Всыплю имъ того я зилля, що давъ панъ Чеславъ, нехай соби сплять у корчми... (*Уходыть*).

ЯВА VI.

(Выходять Марія и Тетяна).

Тетяна.

Я трычи вже ёму казала, що осоружный винъ мени, що й глянуты не можу я на ёго; а винъ, якъ змій, сычыть и лизе въ вичи, и бачу я въ ёго очахъ замиръ поганый.

Марія.

Колы такъ, то певно це не чыстее кохання! Кохання справжне—соромлыве, воно ховаеться и нышкомъ плаче, колы его уразышъ дуже.

Тетяна.

Хотила я сёгодня батькови сказать, що нападомъ до мене лизе отой поганый панъ.

Марія.

На що ёго засмучуваты и сердыть! Такый щаслывый винъ теперъ, що жаль ёму казать недобру ричъ яку!.. Та й на що?.. Нехай винъ тямыться, поганый!.. Сёгодня, або завтра Тарасъ прыйиде и скоро мы звидцыль зовсимъ уберемся! (*Сидае на прызьби*). То й пана ты того, що винъ такый протывный, не будешъ бачыты вже бильшъ!.. Охъ, натомылась якъ!

ЯВА VII.

(Зъ за хаты выходыть Бондарь).

Бондарь.

Отъ добре вы зробылы, що сюда выйшлы. Такый чудовый вечиръ. (*Прысида биля нихъ*). Чи ты не бачыла, Маріе, куды пишлы Охримъ нашъ та Демьянъ?

Марія.

А тамъ въ подвирьи воны складалы рыбу; не бачыла, куда пишлы.

Вондарь.

Сёгодня й выихаты-бъ треба, и не вспіютъ! Роспочалы й покынулы... Чи въ корчму часомъ не пишлы?.. Та Богъ зъ ными, колы пишлы, то й прыйдуть! (*До Тетяны*). Ну, слава жъ Богови святому, усе иде гараздъ. Сёгодня бувъ я у попа, ёго оповистывъ про шлюбъ твій, а завтра вже и Тарасъ повыненъ буть зъ товарышамы, якъ що сёгодня не прыйиде!.. Та й уджигну жъ весилля я на славу! Погуляемо тутъ скилько влизе, а тамъ визьмешъ Марію и прыдане,—та й вси, мовъ обозомъ, пойидемъ на хутиръ мій далекый. Все-жъ безпешнище, покы пройде буря, бо вона отъ-отъ почнеться... Устрою тамъ тебе гараздъ, та й зновъ сюды вернуся!

Тетяна.

Тай вы бъ тамъ, тату, вже зостались, бо скучно буде тутъ самымъ.

Вондарь.

За мене, дочко, не журысь. Я попрощаюсь зъ тобою на довго, а може и на викъ!.. У мене дило тутъ е, и треба буты биля нёго... Хочъ самъ рубать я ворога не здужаю, за те жъ е други справы

військови, въ якыхъ потрибни будуть мои рукы; згорнувши-жъ йихъ сыдить тепера стыдно!.. Я ще не такъ старый, щобъ вже у запичокъ зализты...

Тетяна.

А Тарасъ вамъ, тату, не казавъ: чи й винъ прыстане до козакивъ, колы війна почнеться?

Вондарь.

Не знаю якъ теперъ, а раньше винъ мавъ думку... Хочъ може и въ Сичи зоставаться... бо Запорожци не вси пидуть!.. А тилько ты, моя дытыно, ёго не здержуй своимъ коханнямъ, не будь ярмомъ для козака!.. Дочка моя повынна знать, куды теперъ честь лыцарьска зве кожного изъ насъ!...

Тетяна.

О, тату! Не кажы такъ!.. Якъ бы мене винъ взявъ зъ собою,—сама бъ пишла зъ нымъ поручъ быться!.. Спытала такъ; жиночу-жъ долю знаю зъ малку: видъ тебе, тату, я навчылась любыть козацьку славу, а для неи—и щастя свое я виддамъ!.. Колы-жъ Тарасъ, що вже доволи бидъ для краю перенисъ, захоче трохы ще пожыть зо мною и въ Сичи винъ зостанеться, то.., сылувать ёго не буду на війну, бо знаю певно: не видъ страху винъ въ Сичи буде, и для такого козака найдеться ще робота.

Бондарь (*цилуе йійи*).

Якъ будуть у насъ таки, якъ ты, жинкы, не скоро можна козацьку сылу звоювать!.. А що, Маріе, чи все у насъ готово на весилля?

Марія.

Ото! За десять день та щобъ все не наготовыть? Слава Богу найидяться,—хочъ вси нехай зберуться на весилля: и ковбасъ, и холодцю доволи е! А все останне можна й посли наготовыть: не я жъ одна готовы́ты тутъ буду; багато е помишныкивъ! Колы бъ нашъ молодый мерщій вернувся, а то Тетяна, частишъ нижъ перше, въ виконце поглядае!...

Бондарь (*шуткуючи*).

А скучыла?... Скажы!.. Бачу, що скучаешь! Скоро буде: якъ не сёгодня въ вечери, то завтра въ ранци певно.

Тетяна.

Та то Марія такъ шуткуе, а я щаслыва, нема чого мени сумовать!.. Хочъ правду, тату, вамъ скажу я, що якъ Тарасъ пойихавъ, пройшло ще десять день, мени жъ здаеться—годъ мынае... Другому бъ я цёго и не сказала, а васъ я не соромлюсь: такъ вже прывыкла вамъ свою я душу повирять.

Бондарь (*цилуе йійи въ голову*).

Не нарадуюсь на тебе, не надывлюсь, така ды-

тына гарна ты!.. Слухай, Маріе! Треба бъ намъ завтра заколоть и третёго ще кабана, бо якъ харчивъ не стане на весилля, то на всю Сичъ осоромышъ ты старого Бондаря!

Марія.

Видъ радощивъ готови вы поризать все; куды-жъ ёго дивать? Повирьте вже мени: сто душъ недилю прохарчуемъ!

Бондарь.

Гляды, бо буду сердыться! Ій-Богу! Та отъ ще що: хочъ меду у насъ доволи, а й варенухы треба стилько-жъ, бо Запорожци на весилли не вміють шутковать: я знаю добре по соби...

Марія.

И лышенько вже зъ вамы! Вамъ добру чарку меду дать, то вы й готови!

Бондарь.

Эге, не знаешь ты, якый я бувъ колысь! По давнёму й за другихъ я миркую... Бувало... Э! Що тоби казать!..

Марія.

Бо й правда! Що вже згадувать про те, що вже мынуло...

Вондарь.

А чымъ же й жыть на starисть литъ, колы не тымъ, що зъ молоду въ души осталось. О, якъ-то любо въ души старій носыть малюнкы молодіи!— Я, якъ теперъ, ще бачу себе на воронимъ кони зъ товарышамы: и въ походи, и зъ бусурменомъ въ сичи!.. Тарасъ мій дорогый збудывъ въ моій души вояцькійи замиры, готовъ я знову думкою хочъ воювать, бо вже не маю сылы на вспражкы зъ ворогомъ помыряться... О, молодосте, молодосте, о радосте,—пройшла!.. Теперъ колы-бъ диждаться ще онукивъ Господь благословывъ, тоди и въ дорогу...

Марія.

Диждете, якъ дасть Богъ!.. А я й забула вамъ сказать: до вась вранци жыдъ Мардохай чогось прыходывъ.

Вондарь.

Та знаю я, чого винъ лазыть! То-жъ винъ купывъ для Гершка солонои чотыри возы рыбы зъ тымъ, щобъ перевезты въ Крывянку моимы чумакамы. Сёгодня треба-бъ вже везты по договору и хлопцямъ я веливъ, щобъ накладалы, а воны, бачъ, пишлы кудысь; мабуть, що загулялы! Теперъ не знаю, що й робыть?

Марія.

А що жъ робыть,—ждать прыйдеться до ранку!..

Пора жъ мени ще й по хазяйству... Ходимъ, поможете хочъ вы переточыть горилку.

Бондарь.

Отъ добре що згадала, я й самъ хотивъ про це тоби казать! Ходимъ... Та треба подывыться ще, що зъ рыбою зробыть... *(Марія и Бондарь пишлы въ хату. Темніе).*

ЯВА VIII.

Тетяна (*одна*).

Важко на души у мене, якъ я згадаю, що мы поберемося и Тарасъ мене покыне заразъ,—колы поиде на війну!.. И любо серцеви, що быться буде винъ за ридный край. О, якъ-бы гарно жыть було на свити, колы-бъ вже ворогивъ у насъ не стало!.. Хранывъ ёго Господь видъ смерти, якъ винъ малымъ ще бувъ; вернувъ ёго зновъ зъ бусурменьскои неволи въ ридный край! То и теперъ поверне ёго цилымъ Винъ зъ войны, щобъ не розбыть мого молодого щастя!.. Якъ чудно: и радисно мени, и туга якась мое оповывае серце!.. Сумно такъ зробылось, неначе що я дороге згубыла!.. Чого воно?.. Чи може що зъ Тарасомъ сталось, чи такъ вже я за нымъ скучаю? Серце заныло.. О, мылый мій! Прылынь скорище! Зирко вечирняя, на своимъ промини подай моему мылому видъ серця висточку!

Встринешъ въ дорози де,—шепны ёму, щобъ прудко йихавъ; а якъ ночуе де,—нехай приснюсь ёму... (*Показуеться Герцель*). Изновъ несе сюды протывну ту гадюку. Пиду мерщій въ хату, та Богу помолюсь, що-бъ винъ пославъ щаслывую дорогу мылому! (*Пишла*).

ЯВА IX.

(Герцель и Шляхтычъ).

Герцель (*до себе*).

Побачыла мене здалеку и въ хату утикла... Тикай, тикай... мы й тамъ тебе найдемо! (*До Шляхтыча*). Идить же въ корчму и зъ другымы разомъ ждить, покы я свысну, якъ вже була умова. Та скажить щобъ вси булы готови: може прыйдеться пустыть въ дило и шабли, и пистоли. Старого-жъ, якъ що застанемъ въ хати, то, скоро ввійдемъ, треба вбыть, бо гвалту винъ наробе и на гвалтъ все збижыться. Такъ намъ тоди труднище буде себе оборонять, нижъ зразу вбыть одного! Идить и ждить на поготови.

Шляхтычъ.

Ни, въ кашу наплювать мы не дамо, людей зибралы дуже смилыхъ. (*Уходыть*).

Герцель (*вслидъ*).

Позвить сюда Мардохая! О, смилы вы вси, покы горилка вамы ще пануе, а посли... (*Выходыть*

Мардохай). Ну, що жъ, выпровадывъ ты старого зъ хаты, чи тамъ сыдыть?

ЯВА X.

Мардохай.

Я ще не вспивъ сходыть до нёго, бо возывся зъ наймытамы... Теперъ вже сплять, якъ мертви.

Герцель.

То йды жъ мерщій, чого ты мнешся?

Мардохай.

Ой, пануню, я боюся, щобъ посли винъ не догадався, що й я тутъ выненъ. Тоди кому скрутыться, а жыдови змелеться!

Герцель.

Якъ лехкодухый чоловикъ що зробе таке, що бьють за те, то хочъ нихто того не знае, ёму здаеться — догадалысь! Такъ и тоби! Слухай: я тутъ зостанусь, и якъ ты выйдешъ зъ Бондаремъ,—тебе почну я лаять. Тоди побачыть винъ, що мижъ намы немае згоды! Ну, иды! А тамъ, що буде, мудруй вже самъ своею головою: не можна жъ все тоби до щенту росказать.

Мардохай.

Щось у мене въ колинахъ ногы згынаються и наче по пидъ шкурою комашня бигае!

Герцель.

Хочъ пропады!.. Пизно вже вертаться: червинци взявъ? Иды!..

Мардохай.

Виддайте мени решту, може я смилывищый стану.

Герцель.

Я якъ чесну тебе цымъ палашемъ по голови, то ты забудешь страхъ!

Мардохай.

Ще й Бондаря немае тутъ, а вы не тилько лаете, а й быть збираетесь. *(Идучы въ хату Бондаря)*. Пропалы 50 червинцивъ! Колы вже палашемъ лякае, то грошей не виддасть! Ой, веймиръ! Ехыдный чоловикъ! (*Пишовъ у хату*).

ЯВА XI.

Герцель (*самъ*).

Далеко краще буде, колы старый изъ хаты пиде. А то почне обороняться певно, и не одного покарбуе, покы ёго вкладемъ, та й гвалту винъ такы наробе... Безъ нёго краще!.. Кони ждуть тутъ за городомъ! И тилько старый пиде, мы мыттю схопымо Тетяну, тай помынай йийи тоди, якъ звалы! Витромъ промчымъ до гаю, шукай потимъ!.. Безъ гвалту,

тыхо треба все зробыть!.. Щось и мене вже страхъ обнявъ!.. А ну, якъ хто надійде, та не одынъ?.. Чернь зробылася чогось чутка: тилько що шерхне, заразъ и голову пидійме.

ЯВА XII.

(Выходыть Мардохай и Бондарь).

Бондарь.

На що жъ ты, чортивъ сыну, йихъ напоівъ? Мабуть могорычывъ, щобъ бильше рыбы положылы?

Мардохай.

Ій-Богу ни, воны самы понапывалысь.

Герцель.

Чуещъ ты, поганый жыде! Чи довго я тебе тутъ буду ждать?

Мардохай.

Заразъ, заразъ, пострывайте, пануню! Мени ось треба зъ ными побалакать за рыбу.

Герцель.

Иды, иродивъ Іудо, заразъ до пана старосты и несы гроши, бо я тебе такъ тутъ потасую, що зъ тебе самого рыба посыплеться! Бачъ, винъ зъ рыбою возыться, а я повыненъ ждать. Пишовъ! (*Штовхае*

жыда, жыдъ передъ нымъ прысида и зводыть до нёго рукы).

Мардохай.

Заразъ, заразъ! Ій-Богу, заразъ! (*До Бондаря*). А якъ же рыба такъ стоятеме на двори, въ розташованыхъ возахъ и безъ догляду?.. Пиде дощъ—замоче, и хто захоче—визьме, скилько ёму треба! Досыть того, що сёгодня не повезлы, та ще розтаскають.

Вондарь.

Ну, годи! Нехай ты здохнешъ зъ своимъ картанямъ! Я заразъ найду людей и дамъ йій раду. (*Иде*).

Герцель (*замиряеться на жыда*).

Ты довго тутъ возытымесся зъ рыбою, анафема!

Мардохай.

Та я жъ иду!.. (*Одхыляеться, наче ёго хто хоче вдарыть въ лыце*). Та я жъ иду! Не жартуйте мосци пане, бо вы мене на смерть переляkаете!

Герцель.

Иды, иды! Ще й базика шкапына шкура! (*Вси выходять. Жыдъ иде и озыраеться, щобъ ёго Герцель не вдарывъ*).

ЯВА XIII.

(На кону пусто. Мелодрама pianissimo. Через яке время входыть Герцель).

Герцель.

И чортъ намъ помагае! Провивъ йихъ геть, а самъ сюды вернувся манивцямы. Теперъ за дило! Червинци наши—вже чую, якъ бряжчать!.. (*Пидходыть до корчмы и свыстыть; выходыть хутко челядь двирська. Чоловика чотыри идуть за Герцелемъ*). Усе жъ робить, якъ я васъ вчывъ! (*Зныкають въ хату. Музыка переходыть въ бурю; остатня челядь стае лавою биля дверей. Все робыться хутко, якъ по задуманному плану, але не торопко. Черезъ хвылыну зъ хаты чуть страшенный жиночый крыкъ, потимъ выстрилъ; въ оркестри буря* fortissimmo, *а вслидъ за тымъ выносять Бондаривну завернуту въ керею и хутко несуть черезъ конъ. Вси зныкають. Музыка затыха не зразу. Мала пауза*).

ЯВА XIV.

(Выходыть Денысъ).

Денысъ.

Що воно за поизжане пройихалы биля мене? Буда якась закрыта, а кругомъ верхови: щось чудне—наче весилля!.. Весилля!.. И тутъ весилля скоро буде

у Тетяны! О, зла фортуна! Не можу ждать йийи весилля, що-бъ дывыться, якъ дивчыну, котру кохаю,—другый веде до шлюбу! Зовсимъ зибрався и чуть свитъ завтра пойиду зъ товарыствомъ въ Сичъ. А все жъ не выдержавъ — прыйшовъ хочъ попрощаться. О, Тетяно, Тетяно! Якъ тяжко йты до тебе въ хату зъ тымъ, щобъ побачыть тебе и зновъ розстаться на весь викъ! Э, буду козакомъ, пиду и попрощаюсь якъ зъ сестрою!.. Що жъ це у нихъ и двери одчыняни навстяжь и наче тамъ нема никого— такъ тыхо? (*Входыть у хату*).

ЯВА XV.

(Выходыть Бондарь, 1 и 2 чоловикы).

Бондарь.

Цёго николы не було, щобъ такъ смертельно попылыся мойи хлопци. Мы хутко прыберемъ и упакуемъ возы ..

(*Денысъ выскакуе зъ хаты якъ не самовытый*).

Денысъ.

О, Боже праведный, мовъ гримъ мене ударывъ!

Бондарь (*торопко*).

Денысе, що зъ тобою?!

Денысъ.

Марію вбыто и нема Тетяны въ хати...

Бондарь.

Що?! (*Кыдаеться въ хату, за нымъ 1 и 2 чоловики*).

Денысъ.

О, мозокъ мій перевертаеться!.. Не знаю я, подумать що?! А!.. Стрывай! Якъ блыскавка все разомъ освитыла! Такъ це я бачывъ самъ, якъ мымо мене Тетяну повезлы... Кохання знайде шляхъ!.. На коня заразъ—и въ погоню! Довидаюсь, куды йийи умчалы, а тамъ вже выдко, що робыть! (*Хутко пишовъ*).

Бондарь (*иде зъ хаты и ледви на ногахъ держыться*)

Витру... витру!.. Духъ захопыло!.. О, людойиды! Не мае сылы... Не можу говорыть!.. (*Хытаеться; ёго пиддержують. Зъ великою натугою*). Пустить... пустить мене! (*Вдыхае въ себе глыбоко воздухъ*). Давай коня!. Коня! Мушкетъ, шаблю! (*Гризно*). Бондарь старый покаже, якъ винъ дочку уміе бороныть! Найду йийи я пидъ землею! Давай коня! Охъ! (*Хапаеться за груды и проводыть рукою по голови*) Въ очахъ темніе... Воды, воды мерщій напыться. (*Одынъ чоловикъ спишыть у хату, другый хоче пиддержать старого*). Тетянко! Дочко! О!.. (*пада*)

Зависа.

ДІЯ IV. ОДМИНА ПЕРША.

(У Бондаря въ хати).

(*Запорожци, народъ зъ ципамы, зъ рушныцями, зъ косамы; наймыты*).

ЯВА I.

Запорожецъ 1.

Спишылы мы зъ усіеи сылы, весилля намъ щобъ тутъ одбуть мерщій; поспишылы жъ якъ разъ на похороны.

Запорожецъ 2.

Старого жаль мени, а молода може й сама втикла; жиноча, сказано, порода.

Запорожецъ 1.

Ну, выдумай ще-що! Тебе мы знаемъ: ты и святому не повирышъ! Колы пишла охотою,—на що жъ то вбыто молодыцю? Пойить на смерть всихъ наймытивъ для чого? Вона не на цепу сыдила: пишла-бъ и такъ.

Запорожецъ 2.

Эге, а може й правда, що украли, ироды!

ЯВА II.

(Тарасъ выходе изъ свитлыци).

Тарасъ (*нибы про себе*).

Не выдержавъ старый страшеннои уразы: рукы, ногы однялыся и мову стратывъ! Тетяно... (*Стрепенувшысь*). О, встаньте вси замучени и научить, помстытьcя якъ за горлычку мою!.. А що? Проснулысь наймыты?

Наймыты.

Мы ось.

Тарасъ (*до наймытивъ*).

Де жъ вы булы, що зъ вамы сталось, кажить, колы не знаете що дiялось отутъ?

Наймытъ 1.

Насъ жыдъ Мардохай поклыкавъ на могорычъ. Я выпывъ тилько зо тры чаркы и память потерявъ. Не знаю, що було зо мною, прокынувся тилько недавно и доси въ голови гуде и млость якась по всёму тилу....

Наймытъ 2.

Тежъ саме сталось и зо мною.

Тарасъ.

Не обiйшлося тутъ безъ жыда — я такъ и знавъ!

Чорты зробылыся жыдамы и тымъ жывуть, що всимъ людскымъ грихамъ пекельно потураютъ. И всимъ гыдкымъ учынкамъ паньскымъ служать на радисть сатаны! Паны товарыши! Тягнить сюды изъ корчмы жыда! Огнемъ, а ни, такъ золотомъ дознаться треба, куды Тетяну повезлы!

Запорожецъ 1.

Ходимъ у двохъ, Трохыме: мы знаемо зъ тобою, якъ жыда лоскотать, щобъ росказавъ всю правду!

Запорожецъ 2.

Ходимъ! О, кляти! По волоску я у нёго всю высмыкаю бороду, покы не скаже... (*Уходятъ*).

Тарасъ.

Мерщій, мерщій! Хвылына кожна дорога! Для кого жъ бильшъ, якъ не для ляха, служывъ въ такому дили жыдъ? Воны, воны такъ люто наругалысь надъ тымъ, що святостью считаемъ мы! Роспутни! Нема въ васъ виры въ Бога!.. Не тильки честь чужа, дивоча честь... але й своя, якъ выграшка дытяча, забавою вамъ служыть! О, диты Ирода самого надъ честью гирше наругаться бъ не змоглы! Тетяно, голубко чыстая моя! Де-жъ ты? Горлычко... що звыть мени й соби кубелечко бажала такъ! Кубелечко... Може теперь знущаеться якый поганець надъ тобою, и я не можу душу вырвать зъ нёго и роздавыть йийи въ своихъ рукахъ! Погани жабы.

Кровъ въ жылахъ замерза одъ думкы однойи, що зъ нею зроблять тамъ ти людойиды, гробакы!.. О, дайте жъ жыда, жыда... Чомъ жыда не ведуть?! Я жылы вытягну вси зъ нёго!...

ЯВА III.

(Вводять жыда. Жыдъ видъ страху закамянивъ).

Тарасъ *(кыдаеться на жыда).*

Де дивъ Тетяну?! Кажы, Іудо! Заразъ! А ни, дитей твойихъ и жинку я пры тоби порижу, а потимъ я тебе самого крючкомъ гарячымъ за ребро повишу и на вогни засмажу! Ну-жъ! Кажы! Мовчышъ? О!! Діяволъ! Ты заговорышъ заразъ! *(Выхвачуе до половыны шаблю; жыдъ пада на вколишки).* Ни, не такъ! *(Перемага себе, пиднима ёго и ласкаво).* Ну, годи, не лякайся! Ничого я тоби не вдію, скажы жъ, скажы мени: ты певне знаешъ, де Тетяна? хто вкравъ йийи?

Мардохай (*тыхо*).

Йийи... взялы до ясновельможного пана старосты....

Тарасъ (*скыпившы*).

Не кажы такъ, падло! Кыпячою смолою твойи речи капають у мое серце! Не взялы до старосты ясновельможного, а душогубствомъ, сылою йийи для нёго вкралы!.. *(Знову перемага себе и ласково)* Куды жъ

воны йийи подилы? Ты все повыненъ знать, кажы мерщій!

Мардохай.

Ій-Богу я не знаю! Нехай мени и мойимъ дитямъ очи повылазять, колы я знаю.

Тарасъ (*грызно*).

Не брешы, бо задавлю одразу! Душа твоя запродана чортамъ,—не вирю щобъ не знавъ!

Мардохай.

Змылуйтесь! Якъ бы я знавъ, сказавъ бы....

Запорожецъ 1.

А хто жъ то напойивъ такъ наймытивъ, що смертельно пьяными видъ трёхъ чарокъ лежалы?

Мардохай.

Не я, то панъ Чеславъ звеливъ.

Тарасъ.

А ты жъ що знаешъ ще,—кажы, бо твій языкъ поганый я заразъ вырву!

Мардохай.

Я чувъ, що вельможный панъ староста дуже покохавъ Тетяну и звеливъ пидручнёму своему, шляхтычу Чеславу, йийи безпреминно зманыть: чы

ласкою, чы сылою украсты!.. Бильшъ я ничого не знаю, хочъ заразъ вбыйте.

Тарасъ.

И въ нёго йе кохання? У людойида, роспутного, до чыстойи, якъ херувымъ, Тетяны! О, въ души моій болыть, неначе хто вогню сюда насыпавъ! Винъ посміе до нейи доторкнуться?.. Винъ?.. О, гадыно! Зъ смердячымъ видъ роспутства тыломъ, осмилыться... до моейи горлычкы... до моейи Тетяны?!.. О, о, о! Що жъ я зроблю ёму? Жывого закопаю въ землю! Кыпячою смолою напою!.. Мало, мало, мало! Не знаю мукы я такойи, щобъ сорокъ день винъ умиравъ, и щобъ болило въ нёго все тило такъ, якъ теперь болыть душа моя!.. Паны товарыши! Знайдить такои кары й мукы, щобъ самый зъ насъ запеклый не змигъ перенесты... и заразъ въ замокъ Тамъ всихъ замучыть, покы Тетяны не знайдемъ! И жыда взять зъ собою.

ЯВА IV.

(Вбига Денысъ).

Денысъ.

Знайшовъ я шляхъ! Я знаю, де Тетяна!

Тарасъ.

Знаешъ! О певно братомъ бувъ ты йій и не меншъ кохавъ йійи видъ мене, колы и шляхъ уже знайшовъ! Кажы жъ, кажы мерщій!

Денысъ.

Зибрався я, щобъ йихаты на Сичъ и вчора йшовъ сюды прощаться зъ Бондаремъ старымъ, зъ Тетянкою... Якъ разъ въ той ментъ, колы Тетяну мчалы биля мене, я пидийшовъ до двору йихъ! И тутъ побачывшы убытую Марію, ту жъ хвылю догадався, яке нещастя скоілось и миттю на коня, та по дорози, куды пойихалы воны, стрилою я пустывся! Биля Данылывского гаю, я бачывъ,— зныкнулы воны. Коня тутъ прывязавъ я въ гущыни и, прыслухаючысь ухомъ до земли на гамъ и шелестъ, якый робылы ворогы по гаю, полизъ якъ вужъ. По терныкахъ и гущавыни такій, що ледви—ледви пробирався, долизъ до хаты я, де певно староста частенько прожывае, бо хата не проста и зъ полисадомъ на вкругы, неначе нарочыто, щобъ туды сховатысь було можна. У цю хатыну Тетяну одвезлы и челядынцивъ тамъ зъ двадцять, щобъ стерегты йийи, зосталось. Кыпивъ я злистью, горила въ мене голова, але що мигъ зробыть я одынъ? Мене бъ убылы и слидъ Тетянынъ бы пропавъ. Я муку тяжкую въ серци прыгнитывъ, и тою жъ дорогою полизъ я зновъ назадъ. Насылу выбравсь, покаличывшы себе всёго. На коня,—й сюды! Я бачывъ—заразъ староста пойихавъ... мабуть туды... Рушныци въ мене не було... я вбывъ бы раньшъ его, нижъ винъ туды дойиде!...

Тарасъ (*обнима його*).

Ты мій товарышъ, ты мій братъ! За те, що любышъ такъ Тетяну, служыть тоби повикъ я буду... А теперъ несы зо мною вмисти помсту ворогамъ лукавымъ, мучытелямъ Тетяны!.. Я серця не вгамую и черезъ те не вмію думать! О, вся лютисть, яку я перше мавъ на ворогивъ, теперъ вже выросла стократъ! Йійи у мене бильшъ, нижъ можу я вмистыть въ соби: у волоску у кожному, на голови моій, одна помста, помста, помста!! И тысяча трупивъ вражыхъ за мызинець Тетяны мало! Я пекло все здывую своею лютостью на ворогивъ, покы Тетяны не знайду!.. Паны товарыши! Вы знаете, що я не баба, вы бачылы мене въ бояхъ!.. Теперъ показуюсь дытыною я вамъ за те, що такъ вбываюсь! Послухайте-жъ мене: изъ всихъ дивчатъ, що бачывъ я въ Вкраини знайшлась одна Тетяна, що узяла у мене серце и душу, и душу чыстую свою мени тежъ виддала! А люти ворогы йійи взялы на поругання и зъ нею вмисти мое серце, мою душу розтопталы! Я зву на помсту васъ!

Запорожець 1.

Веды, Тарасе, куды хочешъ! Мы трупомъ ляжемъ!

Вси.

Трупомъ ляжемъ!!..

Тарасъ.

Товарыши, браты! Краса всейи земли — дивчата наши, бо, ставшы матерямы, воны такыхъ орливъ родылы, воны ихъ въ Сичъ далы! За нашыхъ материвъ, за чесну дивчыну Вкраины, за Бондаря старого положымъ головы козачи и змыемъ зъ нихъ наругу! За мною! Зъ лютостью, якойи й звирь не мае, мы зробымо свою росправу!

Зависа.

ОДМИНА ДРУГА.

(Роскишно вбрана кимната зъ лижкомъ пидъ балдахыномъ).

ЯВА I.

(Тетяна и Герцель).

Герцель.

Дывысь, якъ гарно тутъ, Тетяно! Чого жъ лютуешъ ты? Лютуй вже, не лютуй, звидциль тоби назадъ нема дорогы.

Тетяна.

О, не лякай мене, поганый! Я знаю, йе дорога,— вона веде на той свитъ; йийи знайду я, абы змію таку якъ ты не допустыть до себе!..

Герцель.

Чудна яка, ій-Богу, ты! Ну, годи вже дытячымъ розумомъ на все дывыться! Тебе сюды прывизъ я не для себе; а староста, вельможный панъ нашъ, такъ звеливъ.

Тетяна.

Староста!.. Не вирю я, щобъ панъ вельможный такый, якъ ты, роспутный бувъ и не соромывся зъ тобою рядомъ стать, щобъ розбыть мое щастя!

Герцель.

Бо ты не знаешъ ще, яка жыве прынада въ очяхъ дивочойи красы! Прынада ця людей на свити держыть. Колы сама дознаешся, тоди повирышъ! Вельможный панъ цю чаривнычу сылу звидавъ, и ты давно ёго прынадою въ жытти стала. Сховать тебе хотивъ видъ нёго я, бо й самъ смакъ знаю у краси, та не згодылась ты, щобъ покохать мене, якъ я тебе кохаю!

Тетяна.

Бодай же вы послиплы раньшъ обое, нижъ мене вздрилы! Не хрыстіяне вы, вы гиршъ татаръ поганыхъ! Ты чортивъ братъ, я бачу по очяхъ твойихъ ехыдныхъ, скажы жъ мени: якый ты окупъ узявъ видъ старосты, щобъ наругаться такъ надъ честію моею?!

Герцель.

О, мое кохання! Не взявъ ничого я! Одно бажання, щобъ бачыть тутъ тебе що дня самому, дало мени одвагу тебе достать и прывезты сюды до старосты въ будынокъ!

Тетяна.

Зъ кохання чыстейе такого зла нихто не вдіе: любыть, и ту жъ людыну виддать другому, щобъ винъ надъ честью наругавсь?!.. Не вирю я тоби ни слова!.. Це може тилько сатана зробыть, щобъ потишаться потимъ надъ людьмы!. А ты діяволъ, и тоби заздро, колы хто свитомъ праведнойи жызни, освичуйе твій выдъ гыдкый, мызерный, закаляный въ безчести!.. О, осоружный! зійды зъ очей, не можу бачыть я тебе! (*Одвертаеться*).

Герцель.

Хочь якъ ты будешъ мене лаять, а я тебе кохаю більшъ все й більшъ... тебе бажаю до загыну!..

Тетяна (*згортаючы рукы*).

Зробыся людыною! Пусты мене! Я дамъ за себе выкупъ удвое більшый, нижъ ты узявъ у старосты! Я все добро, що въ батька йе, тоби виддамъ! Повирь мени, не обману тебе я!.. Пусты мене, благаю! Сёгодня буде мій Тарасъ коханый, винъ тежъ заплатыть въ двое: зъ такымы гришмы ты поривня-

ешся зъ вельможнымы панамы! Нехай въ тоби проснеться искра божа. (*Стае на колина*). Я на колияхъ тебе молю! Простю тоби наругу цю, забуду! И батько мій, и мылый мій не будутъ гниваться на тебе—я обицаюся за нихъ—тилько везы мене назадъ, до дому.

Герцель (*до себе*).

На усъ це треба закрутыть! Бондарь справди дуже грошовытый. И посли можна дочку ёму виддать, хочь не таку якъ взявъ, а гроши все жъ такы винъ дасть, абы вернуть! (*До Тетяны*). Пизно вже! Отъ-отъ тутъ буде староста, бо и ёму вже дано знать, що мы тебе досталы... Мени й самому жаль...

Тетяна.

О, проклятъ будь ты, недовирку! Земля якъ носыть ще тебе? Ты не ходыть по ній повыненъ, а лазыты якъ змій: ёму ты ридный сынъ!

Герцель.

Не лай мене такъ дуже! Колы ты зъ старостою зійдешся безъ сваркы, а потимъ прыголубышъ и мене гарненько... то, вирь мени,—я одвезу тебе до батька! А про твое безчестя, якъ ты кажешъ—бо я не бачу тутъ ёго,—не буде знать нихто! Коханый твій визьме тебе и такъ, якъ любыть, а ты видъ цёго далеби ничого не втеряешъ, така жъ самисенька зостанешся, якъ йе теперъ, а тилько раю

бильшъ зазнаешъ... И не зъ однымъ... на старость буде що згадать!..

Тетяна.

Бодай тебе за ційи речи гримъ Божый заразъ вбывъ! Саме безпутство бильшъ майе сорому нижъ ты! Зійды зъ очей мойихъ, бо голову свою я объ стину зъ досады розибью, колы ще довшъ твій голосъ чуты буду!.. Геть! ворогъ лютый мій!

Герцель.

Ха, ха, ха! Ну, що ты зробышъ противъ сылы? Якъ будешъ воювать, велю звязать тебе, тай год и Покорысь, Тетянко! Ты не въ такыхъ рукахъ, щобъ выпручатысь скоро!..

Тетяна.

О, Боже! Що робыть? Явы свою Ты мылость, не дай въ безчести згынуть! (*Безъ сылы пада на стильчыкъ*).

ЯВА II.

(Вбигае челядынець)

Челядынець.

Вельможный панъ староста прыйихавъ. (*Уходыть*).

(*Тетяна, стрепенувшысь вся, пиднимаеться*).

Герцель.

Отъ бачъ, якъ же тебе тутъ рятувать?.. И радъ бы,—вже не можу!.. Совитую тоби, Тетянко, покынуты свою пыху, свою дытячу соромлывисть и тоди засяешь ты такою новою красою, що и мертви бъ ожылы, якъ бы побачылы, а впосли и сама спасыби мени скажешъ!..

Тетяна (*до себе*).

Староста!.. Винъ панъ... вельможный!.. До ёго серця и душя я шляхъ найду скорище; винъ жалости повыненъ бильше мать, нижъ цей паскудный лызоблюдъ!

(*Входыть староста. Герцель ёму ныэько кланяеться. Староста показуе знакомъ, щобъ Герцель выйшовъ; той зныкае*).

Староста (*любуе*).

Не було кращойи на свити, и не буде! Очыма пью йийи я, и здаеться, що й въ раю такого щастя праведнійі души не зазнають, яке тутъ на земли вона дае тому, кого кохае!

Тетяна.

Самъ Богъ тебе прынисъ, щобъ выгнать зъ видциля того лукавого нечыстого, що душу тутъ мою винъ змучывъ.

Староста.

Крулева ты межъ усима жинками, и панъ Чеславъ тебе не поважавъ?

Тетяна.

Зневагы гиршъ таке, якъ въ нёго, поваження!.. Вельможный пане! На тебе дывлячысь, мени здается, що въ серцеви маешъ ты бильшъ жалощивъ, нижъ твій прыслужныкъ. Ты звеливъ ему... пожартувавъ... хотивъ ты посміяться може... щобъ винъ прывизъ мене сюда!.. Ну, годи жъ вже, доволи!.. Теперъ велы ёму назадъ мене вернуты заразъ, бо батька вы мого цымъ такъ уразыте, що занедужа винъ сердешный!

Староста.

Не жарты це... Безъ тебе жыты я не можу... Я не пустю тебе звидциль, покы моя не будешъ ты.

Тетяна (*до себе*).

Остатняя надія впала! О, нещаслыва доле, куды мене ты завела? що я робыты мушу?

Староста.

Просю тебе, просты мени! Я проклынаю самъ себе, що прычынывъ тоби таке горе! Просты и подывысь на мене прывитнище! Душе́ моя, я ввесь тебе бажаю бильшъ, нижъ раю! То що жъ мени

було зробыть, щобъ тутъ ще на земли у рай попасты? Тебе достать? Хочъ сылою, хочъ душогубствомъ... И я доставъ тебе... Я ридный край, лыцарьску честь, дитей и жинку—усе покынуты готовъ, абы зъ тобою часъ одынъ... а тамъ... умерты! (*Пидходыть трохы блыжче*).

Тетяна.

И ты такый, якъ твій прыслужныкъ! Васъ одна маты породыла! Я думала, що панъ вельможный справди лыцарь! Ажъ бачу, що и у тебе на макове зерно не майе чести! На щожъ поневирятыся задумавъ надо мною, надъ батькомъ мойимъ старымъ, надъ мойимъ мылымъ? Хто жъ може сылою кохать? Таке кохання йе зневага!.. Якый же лыцарь ты, що розпалывшы кровъ свою звирыну, готовъ виддать и ридный край, и жинку, котрій ты прысягавъ, и дитей свойихъ за те, що черезъ сылу я зроблюсь твоею на годыну! Не вельможный панъ ты, не лыцарь, а злодій, душогубъ роспутный, що впыну не майешъ свойимъ гыдкымъ бажаннямъ, и черезъ ныхъ свою й чужу губышъ ты честь!.. О, нещаслыва та земля, на котрій матери такыхъ якъ ты дитей родять...

Староста.

Мовчы, не докоряй! Ты робышся ще краща, колы тебе пизнаешъ! Бо до красы прыбавывся зновъ розумъ, якого я ще не выдавъ и мижъ жинкамы

выщойи породы!.. Царыця ты моя! (*Пидходыть до нейи. Тетяна вырыва у нёго зъ пыхвы шаблю и стае гризно противъ ёго*). Убый мене, а ни, то покохай! Колы жъ не зробышъ ты цёго, такъ я убью тебе, щобъ не досталась ты никому...

ЯВА III.

(Герцель вбига переляканый).

Герцель.

Пропалы мы, вельможный пане! насъ оточылы козакы, всякая голота, а челядь наша повтикала скризь по кущахъ.

Тетяна.

О, Боже! Це Тарасъ, мое кохання! Винъ прылетивъ орломъ мене обороныть! Теперъ, вельможный пане, ты лыцаря побачышъ.... Якъ чорна хмара передъ сонцемъ, такымъ ты будешъ передъ нымъ!..

Староста.

О, прокляття! (*Выхвачуе пистоль; до Тетяны*). Такъ думаешъ, що ты достанешся жывою у рукы лыцарю тому? Ни!!.. Тебе я обниму и поцилую, а потимъ вбью! (*Хоче взять Тетяну*).

Тетяна (*одступа и замиряеться шаблею*).

Я голову тоби размяжчу, якъ ступинь ты хочь одынъ до мене зробышъ!..

Староста.

Умры жъ сама першъ, колы такъ, бо бачу й я вже свій кинець!..

Тетяна.

О, не вбывай мене; я смерти не боюсь, але я знову на порози щастя: одна хвылына — и Тарасъ вже буде биля мене; дай жыть мени, я тилько гляну хочъ на нёго!..

Староста.

А я?.. Щожъ я тоди?..

Тетяна.

Я вымолю для тебе жызнь, тебе не вбьють: я прысягаю!..

Староста.

А ты зъ другымъ?.. Тай не помылують мене сичовыкы, доволи я йихъ знаю! Теперъ прыйшовъ вже мій кинець... Умры жъ и ты!.. (*Стреляе*).

Тетяна (*падае блызько авансцены, йійи заслоняе лижко видъ Тараса*).

Тарасе, Тарасе! Дежъ ты, коханый мій?..

Герцель (*трусыться*).

Тикаймо въ викна мы скорійшъ, поки воны ще

полисадъ не перелизлы! А двери я заперъ! (*Кыдаються обое до виконъ. Звидтиля показуються дула. Староста хватае шаблю, що лежыть биля Тетяны*).

Староста (*до Герцеля*).

Ну, панъ Чеславъ, не оддамо жъ себе мы дарма. Смерть легче нижъ жывымы попастыся теперь въ йихъ рукы!

(*Герцель хапае шаблю, але рука ёго зскакуе зъ ручкы; винъ другый разъ хапае и выносыть шаблю зъ пыхвы, але затрищалы двери и шабля выпала изъ рукъ*).

Староста.

Поганець ты — не шляхтычъ! Перелякався, якъ жыдовынъ! Беры шаблю, будемо оборонятьси!
(*Въ цей ментъ выламуються двери: входять козакы и прости селяне зъ косамы и ципамы; зъ нымы Тарасъ*).

Тарасъ.

Не вбывать! Визьмить жывыхъ! Обыдва тутъ: панъ староста и прыслужныкъ!

Староста.

Жывымъ я не виддамсь! (*Напада на народъ. Ёго оточылы. Йде боротьба зъ старостою. Тарасъ налита на ёго, збывае зъ нигъ. Други вяжуть нерухомо стоящого Герцеля*).

Тарасъ.

Звяжить ёго: винъ ще не мертвый. Росправа посли. (*До Герцеля*). Де дивъ Тетяну, людойиде?

Герцель.

Вона вже мертва, панъ староста вбывъ; а я просывъ, щобъ не займавъ!

Тарасъ (*повертается у той бикъ, де Тетяна; побачывъ йийи*).

Сылы небесни, пиддержте мене! О, бусурмены, бусурмены! Якою жъ мукою теперъ васъ покарать, щобъ вдовольныть себе хочъ трохы?! Вертить йимъ сверддомъ кисткы!.. Вирёвкою перепылять обохъ на двое! Не знаю гирше що; выдумайте жъ вы, паны товарыши!.. (*Кыдается до Тетяны, стае на колина, цилуе голову йий, очи*). Прокынься, прокынься, моя зоре! (*Пиднима йийи такъ, що вона нибы сыдыть*). Ще тепла.... серце бьеться ще.... одкрыла очи....

Тетяна (*одкрыва очи, тыхо*).

Тарасъ!! Щаслыва я, що передъ смертю тебе бачу!.. За честь свою й твою я умираю...

Тарасъ.

Благаю васъ уси святи: просить вы Бога, щобъ Винъ вернувъ йийи мени хочъ чудомъ. (*Цилуе*

йійи). Моя ты скошена травыченько зеленая, пахуча квитко степова! Не вьянь же ты въ мойихъ рукахъ такъ скоро.

Тетяна

Мылый!.. Я умираю, мій Тарасе... и тамъ, у Бога, любыть тебе не перестану!... Просты мене ты, мій талане безталанный... я... умираю... мы...-лый!.. (*Умира*).

Тарасъ (*дывыться на нейи довго, а потимъ прытуля до себе*).

О, за смерть твою я ворогамъ платыты буду, покы й самъ не умру; та хочъ бы другый Днипро потикъ видъ вражойи крови, тебе вже не верну, мое потухше щастя!.. (*Плаче, прыгорнувшы знов до себе Тетяну*).

Зависа.

И. Карпенко.

НА ЛЫМАНИ.

Ой, шyроко лыманъ
    Розлываеться,
Верболозомъ кругомъ
    Винъ квитчаеться.
Надъ нымъ сонце ясне
    Усмихаеться
И по хвылямъ вогнемъ
    Розсыпаеться.
Витерець подыха
    Тыхо, зъ ласкою,
Макивкы колыха
  По надъ ряскою,
А пидъ нею въ води
    Гуля рыбонька:
Очи ясни,—сама
    Наче срибненька.

Очеретъ шелестыть —
Нагынаеться;
Качкы тыхо плывуть—
Не лякаються.
За водою каюкъ
Тыхо сунеться,
То заверне у бикъ,
То закрутыться.
Тамъ хлопчя въ каюци
Зажурылося,
На блакитный лыманъ
Задывылося.
Безъ весла йде каюкъ
За хвылыною,
Моя жъ думка плыве
За дытыною:
— Чи на довго лыманъ
Такый тыхенькый?
— Чи на довго хлопчя
Не зна лышенька?
— Чи на довго весна
Прыкотылася?
— Чи на счастя хлопчя
Уродылося?
Може швыдко лыманъ
Встане горамы,
Заголосыть, якъ звиръ
За запорамы;

Сонце въ хмари схова
Ясне лыченько,
Замисть свитлого дня
Стане ниченька?
Може й хлопця чека
Зла недоленька,
Може втопыть ёго
Люте горенько,
Може й серце на лидъ
Переминыться,
Крышталёва душа
Геть розибьеться?...
Може ще... — Божый мыръ
Усмихаеться,
И погани думкы
Розлитаються.
Лышъ на серци одна
Ще зосталася
И въ молытву вона
Тыхо склалася:
«Не втопы, Боже мій,
Каюка въ води,
Збережы и хлопчя
Пры лыхій биди».

Днипрова-Чайка.

I.

Идиллія въ плавняхъ.

Взойдите на этотъ курганъ, поднимитесь на эту «Высоку могылу», гляньте: вонъ стелется могучее море, то желтое, то зеленое, то гладкое, то волнистое... вонъ тамъ вдали... сливающееся съ синевою неба; широкое да ровное, только курганы одни кой-гдѣ возвышаются! Распахали ихъ, попринизили, но не стерли съ лица земли, не отняли отъ родимой степи: и стоятъ они по хребтамъ, сторожатъ старики по высокимъ мѣстамъ и слѣдятъ за людскою неправдою своимъ всевидящимъ неподкупнымъ окомъ!..

Оглянитесь сюда, посмотрите!

Вонъ вдали изъ-за высокихъ деревъ мелькаетъ серебристая лента и вьется она межъ зеленыхъ плавень, и бѣжитъ, и мутитъ, пока не обнимется съ милымъ братомъ своимъ, съ тихимъ лиманомъ, пока не прильнетъ къ нему, не засветъ въ его свѣтлыхъ водахъ.

Далеко̀, далеко̀ раскинулась рѣка по широкой долинѣ: то замретъ она озеромъ, глубокимъ да яснымъ, то встрепенется бурнымъ Турунчукомъ, то разсыпется тьмою тихихъ ериковъ. А на берегу этой долины зеленой стоятъ села, залитыя садами, разстилаются хутора виноградниками...

Та рѣка серебристая—то мой Днѣстръ, та долина зеленая—то моя родина!..

Солнце успѣло уже высоко̀ взобраться на небо и кинуться въ плавни палящимъ зноемъ блестящихъ лучей, когда у переправы черезъ Турунчу̀къ показался фургонъ, запряженный парой гнѣдыхъ лошадокъ, которыми лѣниво правилъ Степанъ, парень высокій, смуглый, и охотникъ на славу. Онъ подъѣхалъ къ крутому спуску, слѣзъ съ фургона и, взявъ лошадей подъ уздцы, осторожно свелъ ихъ на паромъ.

— Здорова була̀ Окса̀но. Зъ пра̀здныкомъ! — сказалъ Степанъ стройной красивой ди̇вчинѣ, которая, оперши̇сь на перила, внимательно слѣдила, какъ плескалась рыба, то показывая свою серебристую спинку, то описывая сверкающіе круги.

— Спасы̀би—отвѣчала она, глянувъ на него.

— А куды̀ Богъ несѐ?

— Та до ди̇да, на горо̀ды.

— И я жъ туды̀; завтра у ра̀нци та̀то йидуть у го̀родъ зъ баклажанамы. Сида̀й лышѐнь я тебѐ пидвезу̀.

— А то жъ! Пойидемъ!

— Рушай! Зъ Богомъ!—крикнулъ паромщикъ, и всѣ взялись за канаты.

Паромъ медленно, почти незамѣтно двигался впередъ; однако когда Оксана оглянулась, то покинутый берегъ былъ уже далёко и стоялъ какою-то желтой высокой стѣной, по которой кой-гдѣ пробивались и ползли вверхъ узенькія тропки...

— У! Яка быстря!—вскинула дивчина на Степана своими темнокарими глазами, когда посреди рѣки закачало паромъ.

— Мабуть у гори дощи йдуть,—отвѣчалъ онъ.

Но вотъ высокіе камыши стали подходить все ближе, а толстые канаты съ плескомъ подниматься изъ воды, и паромъ толкнулся о берегъ.

Степанъ и Оксана сѣли въ фургонъ и быстро поѣхали по битой дорожкѣ, которая чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалась все топче и топче, такъ что вскорѣ лошади пошли уже шагомъ. Степанъ глянулъ назадъ: никого нѣтъ.

— Оксано,—заговорилъ онъ, бросивъ вожжи,—ты не любышъ мене! Ты за Ивана пидешъ.

— Ни... люблю—тихо отвѣтила она.

— Колы любышъ, кралечко моя, приходь до Мыкытыныхъ котцивъ, — и онъ, обнявъ ее, цѣловалъ. — Прыходь же, любко, ясочко моя!

Оксана точно замерла, но вдругъ прижалась, поцѣловала его и, ловко выпрыгнувъ изъ фургона, побѣжала по чуть замѣтной тропинкѣ «до дида».

—Прыйдешъ?—умолящимъ голосомъ крикнулъ онъ.

Дивчина обернулась, ласково кивнула головой и скрылась въ камышахъ.

Было за полдень, когда по тихому ерику неслышно плылъ каючекъ. На носу ходкой лодочки расположился Степанъ съ ружьемъ въ рукахъ и внимательно глядѣлъ впередъ, а на кормѣ Оксана, сидя на снопахъ рогозы̀, осторожно, безъ плеска, подвигала каюкъ по серебристой дорожкѣ, что тянулась далеко̀, далеко̀ промежъ могучихъ камышей.

Подъ палящими лучами степнаго солнышка все замерло въ плавнѣ: ни звука, ни шороха, — только гдѣ-то близъ лодки закричала камышевка и сразу смолкла...

А каюкъ, подгоняемый опытной рукою, ловко скользилъ то по ковру зеленой ряски, то между бѣлыми кувшинками, чудно блестѣвшими изъ-за большихъ зеленыхъ листьевъ... Вотъ онъ сразу свернулъ за осоку̀ и очутился въ озерцѣ. Съ шумомъ встрепенулась испуганная лыска и, неуклюже захлопавъ по водѣ своими короткими крыльями, спряталась въ камышѣ; нѣсколько крыжней, громко крякая, столбомъ поднялись изъ рогозы. Степанъ вскинулъ ружье; раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ нихъ глухо шлепнулся въ воду. Невдалекѣ сорвался табунъ чи̍рокъ и потянулъ на Драга̀нъ-озеро; сѣ̍рая цапля низко пролетѣла надъ каюкомъ, и снова настала тишь, плавневая тишь!

— Добрый крыжень, добрый, — приговаривалъ Степанъ, бережно пряча убитую птицу.

— Ну, и спека!— говорила Оксана, набирая черпакомъ воду...—Ото, яка тепла—и она выплеснула ее за бортъ лодки.

— А що, рыбко моя, рушаймо до Сенькинойи гряды? Тамъ холодокъ!

— Хиба що у холодокъ,—улыбнулась она: и подъ мощными ударами веселъ каюкъ быстро понесся по зеркальной водѣ.

Вотъ и гряда! Вотъ и каюкъ съ разлета выбѣжалъ на берегъ и врѣзался въ горячій песокъ! Степанъ зарядилъ ружье, и они оба побрели къ небольшой группѣ деревьевъ, стоявшей у самаго лѣска.

Нѣсколько высокихъ осокорей обнялись своими бѣлыми вершинами, а дикій хмѣль, перебрасываясь отъ дерева къ дереву, перебираясь съ вѣтки на вѣтку, сплелъ причудливую зеленую сѣть, подъ которой было теперь такъ прохладно, такъ хорошо: вверху кой-гдѣ сіяло голубое небо, внизу жъ—вся земля была обсыпана блестящими кружочками, которые при малѣйшемъ колыханьи серебристыхъ листьевъ мелькали и перебѣгали съ мѣста на мѣсто, точно ловя другъ друга; а по бокамъ, межъ бѣлыхъ стволовъ, росли широколистые лопухи, въ просвѣтѣ которыхъ виднѣлось небольшое озеро...

Степанъ раздвинулъ гирлянды хмѣля и они очутились въ тѣни...

Золотистая иволга, безпечно пѣвшая на вѣточкѣ, испугалась жаркихъ поцѣлуевъ и, вскрикнувъ, улетѣла; любопытный паукъ, услышавъ шумъ, выбѣ-

жалъ изъ своей засады и увидѣлъ, какъ Степанъ посадилъ Оксану къ себѣ на колѣни, какъ обнялъ онъ ее и, крѣпко прыльнувъ къ ея щечкѣ, началъ тихо покачивать свою любоньку, убаюкивать ее поцѣлуями...

— Дывы́сь, Степане, ось качка,—прошептала Оксана, указывая на озеро.—Не бый її: мо̀же во̀на зъ каченятамы!

— Хай жыве соби на Божимъ свити, хай плы́вае по ясній води, та радіе, мое сѐрденько,—отвѣчалъ Степанъ, цѣлуя ея смуглыя щечки, цѣлуя загорѣлую шейку... Вотъ онъ припалъ къ ея бѣлому плечику...

Тутъ старые о̀сокори сурово зашептались было, но потомъ ласково закивали своими сѣдыми вершинами, а серебристые кружочки на мгновенье освѣтили смущенное, но счастливое личико Оксаны и, блеснувъ на золотистомъ пушкѣ ея румяной щечки, разсыпались по землѣ...

II.

Богъ проститъ.

Блѣдный мѣсяцъ только что вырвался изъ-за тучъ и кротко глянулъ на землю; серебристымъ свѣтомъ облилъ онъ далекую песчанную степь: и высокія глиняныя стѣны стали еще выше, еще недоступнѣе, и темные окопы, угрюмо смотрѣвшіе на нихъ, еще темнѣе, еще мрачнѣе... Ночь была тихая, безгрѣшная: замерли за стѣнами кибитки; мирно блестѣли штыки за окопами; задумчиво глядѣли вдаль грозныя пушки. Оба враждебные стана точно забылись во снѣ, или затаивши дыханіе ждали только мгновенья, чтобы схватиться на смерть. Далеко отъ траншеи, чуть не у самыхъ стѣнъ залегла кучка солдатъ въ передовомъ ложементѣ: чутко прислушивались они къ малѣйшему шороху, зорко слѣдили они за широкимъ гребнемъ стѣны, рѣзко выдѣлявшимся отъ синяго неба, но все было тихо, спокойно...

Томительно лежать въ одиночку и въ безмолвной тиши слышать только, какъ колотится сердце твое, какъ рвется оно на просторъ... на далекую родину... Выставивъ двухъ часовыхъ для присмотра за «нимъ», солдатики сбились въ кучки: не такъ стало смутно, полегчало на душѣ.

Стемнѣло и еще стало тише... Яркой ниткой покатился золотистый клубокъ и потонулъ въ си-

немъ полѣ. Всѣ сняли кепи и набожно перекрестились.

— Якась душа христіяньска пишла до Бога,— задумчиво произнесъ малороссъ.

— Должно Иванъ нашъ померъ въ гошпиталѣ.

Вдали раздался выстрѣлъ.—Полетѣла за взяткомъ пчелка,—разсмѣялся ефрейторъ.

Молчанье.

— А у меня, братцы, дома десятковъ на пять пней осталось,—спохватился вдругъ солдатикъ, отставивъ въ сторону винтовку.—Вотъ та пчелка—Божья, не людская... Придешь это въ садикъ, а она тутъ гудитъ да летаетъ во всѣ стороны... У! работящая!..

— Ну, не больше нашего работаетъ, отозвался чей-то суровый голосъ; ей хоть днемъ работа, а намъ и ночью спокою нѣтъ... Чистая каторга!..

— Не гнѣви Бога: грѣхъ большой! возразилъ бородачъ.

— И безъ меня должно прогнѣвили,—огрызался тотъ:—намедни одну орудію таки забрали отъ насъ...

— Такъ у тебя пчелы есть, —заговорилъ степнякъ, придвигаясь поближе къ своимъ.

— У насъ почитай у самого бѣднаго пней сколько будетъ.

— А вотъ въ нашихъ степяхъ пчелы мало и медъ дорогъ: на Спаса и цѣны ему не сложатъ...

— Лѣсовъ должно нѣтъ?

— Нѣту...

— Чѣмъ же вы топите?

— Какъ чѣмъ? Камышомъ, соломой, либо изъ навозу кизякомъ...

— А на ниву-то чтожъ возите?—изумился сѣверянинъ.

— У насъ земля навозу не принимаетъ...

— Вотъ ужъ годъ, какъ письма изъ дому нѣтъ, съ грустью вспоминалъ бородатый «дядя» въ другой кучкѣ;—не знаю, какъ тамъ живутъ... Какъ взяли меня, осталась это дома жена съ сыномъ съ Ванюшей, да старики... Имъ всѣмъ пропитанье надо дать, а работниковъ всего одинъ я... Сердце съ горя запеклось: по міру должно пошли...

—Не герюй, «дядя», на осень домой пойдешь,—утѣшалъ его сосѣдъ.

—Вотъ радость была-бъ, просіялъ «дядя».—Такъ бы взялъ да бросилъ къ чорту (прости, Господи!) это ружье, да и домой: конемъ не догнали-бъ!..

Вдругъ раздался топотъ. Внезапно передъ ложементомъ выросла плотная масса враговъ; на мгновенье она пріостановилась и какъ бы всколыхнулась: послышался рѣзкій звонъ сабель о штыки, нѣсколько криковъ пронзительныхъ и все стихло. Мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и мирно заблестѣлъ въ вышинѣ: и стало свѣтло, свѣтло... Траншея точно оцѣпенѣла: руки судорожно сжимали берданки, глаза лихорадочно слѣдили, какъ за горстью «бѣлыхъ рубахъ» съ гикомъ бѣжали темныя толпы враговъ, потрясая сверкающимъ оружьемъ; вся траншея переживала одно: стрѣлять—побьешь своихъ, не стрѣлять—сом-

нутъ... ворвутся въ лагерь. Еще нѣсколько мгновеній—и все пропало...

Но вотъ изъ толпы бѣжавшихъ раздался крикъ «дяди»: «Стрѣляй, братцы; Богъ проститъ!».

Траншея вздрогнула, блеснула огнемъ и задымилась.

Еще нѣсколько прерывистыхъ залповъ, и непріятель отбитъ...

Легкій вѣтерокъ отнесъ въ сторону дымъ: вдали бѣжали враги, а вблизи... но Богъ всѣмъ простилъ: и побѣдителямъ и побѣжденнымъ!..

III.

Тырса.

Отъ тамъ, кругъ высокойи могылы, по степу безкрайимъ, розистлалася тырса. Мовъ кылимомъ густымъ вкрыла вона степъ шырокый, мовъ сестра зъ братомъ обнялася вона зъ нымъ и мицно держыть ёго, бо знае, що ни до кого йий бильше пригорнутысь на цимъ свити. Гляньте, якою сылою велыкою війе зъ того степу шырокого, вкрытого тырсою!

Высоко, высоко пиднялось сонечко и на все пролывайе свою сылу. Все затыхло въ чыстимъ поли: не

шелестыть травыця, не щебече пташка, навить и орелъ сызый мовъ замеръ на могыли. Розманижылась и стара тырса, згадала давню—давныну:

— «Чы то жъ такъ тутъ було перше? каже вона маленькій травыци: куды не кынь окомъ, куды не пиды—скризь степъ, и степъ нашъ бувъ. Людей мало було: жылы воны по свойихъ зимовыкахъ, жылы тыхо та любо, пчилку божу водылы, та чабанувалы... Эге! За запорожьця у степу у насъ, хвалыты Бога, добре жылося: табуны дыкыхъ коней бродылы, сайгакы паслысь... А звиря та птаства того скилькы було!..

Колы це зъ опивночи насунулы люде... Прыбралы до свойихъ рукъ степъ шырокый, почалы ёго паювать та роздавать усякому. Гирко намъ стало: багато мы горя вытерпилы, а ще бильше выслухалы, якъ набиглы сюда бурлакы зъ Украины. Утикалы сиромахы видъ панськойи неволи на «вольни степы», думалы тутъ знайты соби долю, та колы жъ и до вольныхъ степивъ добралася неволя: кого въ уланщыну повернулы, а хто и до цёго часу мисця соби не знайде. (Звисно мищане, що цыгане!)

Зъ того часу жыть стало все гирше та гирше: поогалы степъ шырокый, не злюбылы тырсы... Тилькы мы одни й жывемо теперъ, якъ перше жылы».

Пахнувъ витерець и щось шепнувъ тырси, та сказала другій, и въ той ментъ, мовъ хвыля, полетила та звистка по степу шырокому, дойшла до мо-

гылы и зныкла зъ очей. Тырса хмуро зашумила и заколыхалась!.. Що за знакъ?!

Тыхо-тыхо йшлы волы зъ плугамы, ледве чвалалы за нымы плугатари. Отъ воны вже й коло тырсы.

— Гей! Гей!..

И чорна смужка, мовъ гадына, простяглася по степу, простуючы прямо на могылу. Розсердывся степъ сывый, ще гирше зашепотила тырса, ще мицнише прытулылась вона до земли. А плугъ все йде та й иде: ще килька крокивъ—и винъ буде на могыли!

Щось хруснуло въ ёму и винъ повалывся на бикъ, мовъ пидкошеный! Зрадила стара тырса: йе ще сыла!

Тыхо зайшовъ въ борозну другый плугъ... Отъ винъ зривнявся зъ поламанымъ и тыхо выйшовъ на могылу. Тутъ винъ на хвылыну зупынывся и ще тыхше спустывся внызъ...

Здригнула стара тырса и затыхла... на викы.

А. Браунеръ.

СЕМЕЙНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДСКОМЪ УѢЗДѢ.

(Матеріалы по обычному праву).

Предлагаемые ниже матеріалы собраны въ нѣсколькихъ селахъ Семенастовской волости и въ селѣ Большой Выськѣ Елисаветградскаго уѣзда. Послѣднее селеніе находится въ совершенно исключительныхъ условіяхъ: это бывшее военное поселеніе, въ которомъ съ самаго момента перехода бывшихъ военныхъ поселянъ на оброкъ стоитъ постоемъ 2 или 3 эскадрона коннаго армейскаго полка. И, не смотря на то, что при военно-поселенческомъ режимѣ во всей своей неприкосновенности царили извѣстныя Аракчеевскія *правила* о благоустройствѣ въ селахъ южныхъ поселянъ, предусматривавшія не только столь важные предметы, какъ раздѣлъ имущества, сельскіе порядки и т. п., но и формы построекъ, число оконъ въ жилыхъ домахъ и проч., не смотря

на то, что военный постой не могъ не повлiять растлѣвающимъ образомъ на нравы населенiя,—не смотря на все это, въ народной средѣ осталось еще много старыхъ воззрѣнiй на право и на взаимныя отношенiя людей между собою. На сколько *старые общественные* порядки уступили мѣсто *новымъ*, ведущимъ свое начало отъ упомянутыхъ выше правилъ, на столько же въ *интимной*, *личной* жизни почти все осталось по старому: сгладилась только отчасти, какъ увидитъ читатель ниже, прежняя суровость, исчезъ древнiй пуризмъ въ народной этикѣ, красной ниткой проходившiй черезъ всѣ обычныя отношенiя между предками нынѣшнихъ обитателей уѣзда. «Время жертвъ искупительныхъ проситъ», сказалъ поэтъ. И этому времени сдѣлала уже много уступокъ крестьянская масса: вмѣсто прочной одежды изъ домашняго холста и сукна она носитъ ситцы, миткаль и дешевое фабричное сукно, вмѣсто прежней суровости, преслѣдовавшей всякаго, преступившаго дѣдовскiе обычаи, мы видимъ теперь если не полную терпимость, то безразличное отношенiе къ нарушителямъ традицiй; даже позоръ, падавшiй прежде на голову «согрѣшившей» дѣвушки (покрытки), теперь не проявляется съ такою ужасною силою, какъ это было въ старину. Городская «цивилизацiя» заманчива и сильно привлекаетъ падкую до новинокъ молодежь, приносящую изъ города въ деревню вмѣстѣ съ «модной кофтой въ три оборки» и модной солдатской пѣсней и такiя «модныя» явленiя, отъ которыхъ

старикамъ приходится открещиваться, которыя служатъ базисомъ для коренной ломки взаимныхъ отношеній между селянами. И хотя эта ломка производится медленно (такъ какъ деревня всѣми мѣрами старается отстоять свою самостоятельность), но все-таки она существуетъ, выражаясь наиболѣе рѣзко въ этическихъ воззрѣніяхъ народа.

Матеріалы наши не полны, такъ какъ собирались они при исключительно-неудачныхъ условіяхъ, и касаются они только одной стороны народной жизни; не смотря на это, мы все-таки предлагаемъ ихъ вниманію читателей по той причинѣ, что городская *цивилизація внѣшности* все болѣе и болѣе накладываетъ свою печать на деревенскую жизнь, «старосвѣтскіе» обычаи постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто городской модѣ и, быть можетъ, недалеко то время, когда и при болѣе удобныхъ условіяхъ работы изслѣдователю народной жизни не удастся подмѣтить и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые ниже предлагаются вниманію читателей.

Семья крестьянина — это рабочая ассоціація, съ болѣе или менѣе правильнымъ раздѣленіемъ труда и заработковъ. Такъ, домашнее хозяйство находится въ исключительномъ вѣдѣніи жены, полевое — въ вѣдѣніи мужа, хотя и здѣсь жена обязана работать наравнѣ съ мужемъ. Доходы съ женскаго хозяйства (птица, молоко, пряжа, огородъ, шерсть съ овецъ)

поступаютъ въ распоряженіе жены и употребляются ею на мелкіе расходы по хозяйству (покупка горшковъ, соли, «світла»), а также на нѣкоторыя части приданнаго дочерямъ (полотно, рушники, платки). Доходы же съ полеваго хозяйства (хлѣбъ, скотъ, пчелы) поступаютъ въ распоряженіе мужа и идутъ на подати, на улучшеніе хозяйства, одежу, на угощеніе во время праздниковъ, приданое дочерямъ (скрыня, кожухъ) и т. п. Женатые, но не отдѣленные сыновья не получаютъ въ свое распоряженіе ничего: все идетъ въ общую кассу, т. е., безконтрольное распоряженіе отца или старшаго брата, если семья по смерти отца не раздѣлится. Впрочемъ, случаи *нераздѣленныхъ* семей являются, какъ весьма рѣдкія исключенія. Обыкновенно же крестьяне живутъ *малыми* семьями: едва только женится меньшой братъ, старшему строятъ на общій счетъ хату и отдѣляютъ на томъ основаніи, что «дві невістки въ хаті—два коти въ мішку».

Старинныя традиціи наиболѣе сохранились въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ. Дѣти находятся въ полномъ подчиненіи у родителей: дочери до выхода замужъ, сыновья—до выдѣла. Но и женатые, отдѣленные сыновья обязаны почитать своихъ родителей; въ противномъ случаѣ послѣдніе могутъ фактически доказать свою власть надъ ними. Такъ въ 1883 году отецъ, за непочтеніе къ мачихѣ наказалъ розгами въ расправѣ своихъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій уже лѣтъ 8 былъ «на отдѣлѣ».

И никто изъ присутствующихъ не далъ себѣ права вмѣшаться въ это дѣло, хотя всѣ сознавали, что виновата была именно мачиха. Но—«батько то знае, що робе». Надъ дочерьми же родительская власть окончательно теряется послѣ выхода ихъ замужъ. Но если дочь овдовѣетъ и перейдетъ жить къ отцу,—родительская власть опять возстановляется съ прежнею своею силою.

По смерти мужа, если дѣти еще малы, главой семьи является жена до женитьбы старшаго сына, къ которому съ этого времени и переходитъ старшинство надъ всѣми остальными домочадцами (кромѣ матери) и хозяйствомъ. Если же вдова выходитъ замужъ, родительская власть переходитъ къ вотчиму, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями надъ взрослыми дѣтьми. Такъ, вотчимъ не имѣетъ права отдать пасынка въ наймы противъ воли послѣдняго, наказывать за неповиновеніе и т. п.

По народнымъ воззрѣніямъ, родители должны содержать дѣтей, учить ихъ страху Божію и вообще «довести до ума»: дочерей выдать замужъ, сыновей женить и отдѣлить, если возможно, на свое хозяйство. Въ свою очередь, дѣти обязаны почитать родителей, въ старости содержать и кормить, чтобы въ противномъ случаѣ не навлечь на себя гнѣва родителей и Бога. «Материне благословеніе зо дна моря виринае,—клятьба—въ кірці води потопляе». Обязанность кормить и содержать родителей лежитъ на младшемъ сынѣ, остающемся «на оселі». Если же

послѣднiй почему-либо отказывается, и мать переходитъ жить къ старшему сыну или дочери, онъ долженъ выдавать на содержанiе матери опредѣленное количество хлѣба, хотя подобные факты весьма рѣдки.

Существуетъ преданiе о томъ, что когда-то, очень давно, былъ обычай убивать всѣхъ стариковъ, неспособныхъ къ работѣ. Одному сыну жаль стало своего отца: онъ спряталъ его въ погребъ и тайкомъ кормилъ тамъ; «громадi» же заявилъ, что его отецъ убитъ. Прошло довольно много времени. Наступаетъ страшный голодъ. Нѣсколько лѣтъ неурожая довели до того, что люди умирали съ голода и матери рѣзали своихъ дѣтей, чтобы прокормиться. Но тотъ продолжалъ беречь и кормить своего отца, отрывая послѣднiй кусокъ отъ себя и дѣтей. Наконецъ Богъ сжалился надъ людьми, далъ хорошую весну: пошли дожди, пригрѣло солнышко «пiшла земля парувать», а люди не ѣдутъ въ поле, такъ какъ нечѣмъ даже обсѣменить нивы. Вотъ старикъ и говоритъ: «вiзьми, сину, околотъ зъ стрiхи, перетруси: може найдеться яке зерно, та посiй, дасть Богъ—вроде». Сынъ поступилъ по совѣту отца, собралъ такимъ образомъ немного жита и посѣялъ. Урожай былъ обильный. Люди удивились и пристали къ нему съ разспросами: «хто тебе навчивъ?» — «Батько», каже: «вы свойихъ стребляли зъ свiта, а менi жалко стало, и теперь вiнъ менi въ пригодi ставъ».—«Бо, звiсно, що стара голова, то не блазень». Съ тѣхъ поръ и стали по-

читать стариковъ и не было больше помину объ ихъ истребленіи *).

Всеобщее *уваженіе къ старшимъ*—явленіе всеобщее. Старшій братъ пользуется почетомъ и уваженіемъ меньшихъ, особенно малолѣтнихъ; старшая сестра имѣетъ преимущество передъ прочими сестрами еще дѣвушкой: ей «справляется» лучшая одежда, она имѣетъ право ходить въ праздники въ церковь въ цвѣтахъ, имѣетъ право не позволить остальнымъ сестрамъ танцовать на свадьбахъ и вечеринкахъ и даже можетъ запретить имъ бывать на тѣхъ гуляньяхъ, гдѣ бываетъ она, и этимъ правомъ пользуется въ тѣхъ случаяхъ, когда младшія красивѣе старшей.

Старшинство соблюдается даже въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ женитьба и выходъ замужъ. При выдачѣ дочерей замужъ строго соблюдается очередь и младшая только въ томъ случаѣ выходитъ раньше старшей, если послѣдняя калѣка или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ потеряла надежду выйти замужъ. Если же въ семьѣ есть неженатый старшій сынъ, то ни одной дочери не выдадутъ раньше его женитьбы (конечно, если онъ не взятъ въ солдаты).

---

*) Подобное же преданіе существуетъ и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи. Такъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 годъ разсказанъ обычай, записанный г-жею Литвиновой въ Глуховскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, о «сажаніи на лубокъ» дряхлыхъ стариковъ.

Привязанность къ семьѣ—основная черта характера мѣстнаго жителя. По этому, появленіе дѣтей въ свѣтъ составляетъ радостное событіе въ жизни селянина даже въ тѣхъ случаяхъ, когда экономическое положеніе семьи неудовлетворительно. Нужно, впрочемъ, сказать, что рожденіе сына встрѣчается въ семьѣ съ большею радостью, чѣмъ рожденіе дочери, такъ какъ отъ сына все же больше пользы: онъ и лучшій работникъ, и дольше пробудетъ въ семьѣ, и невѣстку работницу приведетъ въ домъ; да и заботъ о немъ меньше: приданаго не нужно готовить.

Желаніе родителей, съ одной стороны охранить чистоту нравовъ дѣтей, а съ другой — пріобрѣсти новую работницу въ семьѣ, а также стремленіе сыновей къ индивидуальности, выдѣлу — побуждаетъ заключать ранніе браки. «Рано встанеть—діло зробить, рано женится—дітей до ума доведе», говоритъ народная пословица. Вступаютъ въ бракъ обыкновенно мужчины отъ 18 до 25 лѣтъ, а женщины отъ 17 до 23; позже этого возраста уже считаются «старі». Обыкновенно, чѣмъ раньше женятъ паробка, тѣмъ лучше: «поки не розбалувався, а то ніякий чортъ за ёго й не піде. Та таки й хати держатиметься и, може, до хозяйства братиметься лучче. А съ парубка що? аби на досвітки!» При выборѣ невѣсты обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на то, чтобы она была «роботяща, проворна, здорова и не балувана, щобъ не довелось на весіллі передъ родомъ

очима кліпати». Не лишнимъ считаютъ и физическую красоту. На богатство же мало обращаютъ вниманія, такъ какъ приданное почти одинаково у богатыхъ и бѣдныхъ, съ тою только разницей, что «багатій батько справить, а бідна сама заробить». Дѣвушка бѣдная, но работящая и нравственная имѣетъ даже преимущество передъ богатой, такъ какъ она «зазнала горя по чужіхъ людяхъ, то лучче буде слухати». Браки обыкновенно заключаются по обоюдному соглашенію какъ родителей такъ и жениха и невѣсты; принужденій почти не бываетъ, развѣ ужъ женихъ завѣдомо пьяница или не «хазяинъ», но и тогда стараются больше дѣйствовать убѣжденіями, «щобъ потімъ не плакалась на батька та матіръ». Впрочемъ, протесты бываютъ очень рѣдки со стороны невѣсты: «аби батько та мати, а дівка якъ коза: куди схочешъ—поженешъ». Паробки тоже относятся къ этому довольно индифферентно: «гулявъ зъ дівчиною годъ—два, пішовъ сватать, — не дали: мабуть, не судилась» и конецъ. Идетъ онъ тогда къ другой, третьей, пока найдетъ свою суженую.

Разъ, одного 18-ти лѣтняго хлопця пришлось спросить, зачѣмъ онъ такъ рано женится.—«А мені що! Хіба мені хочеться? Батько кажуть: нехай хлопья жениться». Безъ благословенія родителей никто и не подумаетъ жениться или замужъ выходить; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было примѣра. «Богъ ёго знайе: по другіхъ може де й йе, а у насъ

до которого часу Богъ милувавъ». Если же кто-нибудь изъ вступающихъ въ бракъ сирота, то «клопітъ» беретъ на себя старшій братъ, дядько, или кто-нибудь изъ родныхъ: «таки жъ найдеться хочъ хрещений батько та мати». И уже въ этихъ случаяхъ посаженныхъ должны «до віку почитать якъ рідниxъ». «Хрещений батько и мати» пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ. Посаженными «батьками» они бываютъ даже преимущественно передъ дядьками и другими родичами.

Говоря о роли и значеніи духовнаго родства при бракѣ, нельзя не упомянуть, что ему придается особое значеніе. Кумовья считаются близкими родственниками. «Кумові перша чарка», говорятъ въ народѣ. Воспріемники между собою считаются близкими родными, на что указываетъ и пѣсня:

А хочъ покумаймось,
А хочъ повінчаймось,
Таки мое серденятко
По вікъ не розстаньмось.

Такое отношеніе къ духовному родству часто является затрудненіемъ при вступленіи въ бракъ: на кумѣ или «горільчаній сестрі» никто и не подумаетъ жениться, а въ 6-й 7-й и 8-й степени родства если бы и захотѣлъ, такъ «батюшка дорого за вінчання візьме, бо родичі: хочъ на друге село їдь!»

Такое же значеніе имѣетъ и установленное народными обычаями родство, извѣстное подъ именемъ

«братання» (побратимства). Оно встрѣчается довольно часто и самый обрядъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: люди, хорошо знающіе другъ друга, сходятся гдѣ-нибудь на «беседі» или въ шинкѣ и предлагаютъ другъ другу побрататься; потомъ идутъ къ которому-нибудь изъ нихъ въ домъ, тутъ снимаютъ икону, и присягаютъ быть «до віку рідними братами», цѣлуютъ икону, цѣлуются сами, дарятъ другъ друга иногда иконами, большею же частью «ягницю, рій» и т. п., пьютъ горілку и расходятся уже «рідними» (горільчані брати). Повидимому «братанне» имѣетъ большое значеніе, такъ какъ даже дѣти побратимовъ считаются родными; такъ на вопросъ: могутъ ли они вступать въ бракъ между собою, отвѣчали: «оце хто ёго знае, треба спитать батюшки, бо, признаться, такъ не траплялось. А мабуть не можна, бо ми жъ присягали». Ссориться и браниться съ «горільчанимъ братомъ» не можно: «гріхъ». «Сестраються» также точно; только дарятъ уже другъ другу рушникъ, платокъ, курку, поросятко—вообще что-нибудь изъ «жиночого» хозяйства и сестрами считаются только онѣ, а мужья и дѣти ихъ не считаются родными.

Вдовцы, въ особенности семейные, стараются какъ можно скорѣе найти себѣ жену-хозяйку; «безъ хазяйки й хата плаче», говоритъ пословица, Такимъ образомъ народная совѣсть не упрекнетъ вдовца, который уже послѣ панихиды на 9-й день станетъ заботиться о пріисканіи себѣ хозяйки. Женятся вдовцы обыкновенно на вдовахъ же или на «пок-

ритках», потому что за вдовца, хотя бы молодаго и бездѣтнаго, дѣвушка рѣдко пойдетъ (развѣ ужъ старая или безобразная), считая такую партію для себя унизительной: «на посаді» придется одной сидѣть, «покрывать» ее одну будутъ, и вообще всѣ свадебные обряды совершаются только въ честь невѣсты.

«Чи я жъ тобі, неиько моя, не казала,
Щобъ ти мене за вдівця не давала:
Ёго борода—припічки замітати
Мое личенько—слезами умивати».

Да и «на тімъ світі якъ же воно буде? Вінъ стоятеме зъ першою жінкою, а друга буде безъ пари». А женится вдовецъ на вдовѣ—у него будетъ первая жена, у нея нервый мужъ — и всѣ будутъ довольны.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ бракѣ отношенія между супругами одни и тѣ же: жена является хозяйкой и другомъ. Добрыя отношенія между ними — явленіе обычное: бить жену хотя и допускается народной совѣстью, но въ послѣднее время мало по малу это явленіе выводится, такъ что встрѣчаются семьи (хотя и въ видѣ рѣдкихъ исключеній), гдѣ супруги не только не дерутся, но впродолженіи 15—20 лѣтняго сожительства одинъ другому «брешешъ» не сказалъ. Если мужъ «вчить» жену, т. е. бьетъ, по народному воззрѣнію, за дѣло (пьянство, лѣнь, дурное поведеніе), никому до этого дѣла нѣтъ, и смотрятъ на это, какъ на печаль-

ное, но тѣмъ не менѣе необходимое явленіе. Если же мужъ пропиваетъ хозяйство, буянитъ въ пьяномъ видѣ «убивае» жену, разгоняетъ дѣтей, общество считаетъ своею нравственною обязанностью вмѣшаться въ это дѣло, даже безъ жалобы со стороны жены (такія жалобы бываютъ очень рѣдки, такъ какъ на женщину, хотя и справедливо жалующуюся на мужа, смотрятъ съ презрѣніемъ). Его призываютъ (если добровольно не идетъ—приводятъ) въ «росправу» на сходъ стариковъ, съ сельскимъ старостой во главѣ, уговариваютъ не дѣлать «розлуціі», а если уговоры не дѣйствуютъ, запираютъ въ «холодну».

Нарушеніе супружеской вѣрности, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, считается крайне безчестнымъ и позорнымъ дѣломъ. Разница только въ томъ, что за нарушеніе супружеской вѣрности женою мужъ «вчить» ее, сколько силъ хватитъ, а жена, какъ болѣе слабая физически, ограничивается упреками, слезами; болѣе энергичныя бьютъ окна своей соперницѣ, бьютъ ее самую и т. д., вообще расправляются по мѣрѣ силъ сами, безъ посторонняго вмѣшательства.

Формальныхъ разводовъ никогда не бываетъ. Иногда же расходятся безо всякаго суда; въ особенности часто встрѣчаются такіе разводы у вдовцовъ, женатыхъ на дѣвушкѣ или бездѣтной вдовѣ. Здѣсь жены уходятъ потому, что «скільки не роби, а все тобі нема дяки отъ чужихъ дітей». Дѣйстви-

тельно, положеніе жены вдовца, если у нея нѣтъ дѣтей, если и отличается отъ простой наймички, то только тѣмъ, что она не получаетъ за свой трудъ жалованья; что дѣти (если есть взрослые) могутъ упрекать ее въ томъ, что она пришла на все готовое и растрачиваетъ ихъ «материзну», и что мужъ имѣетъ право безнаказанно бить ее, сколько влезетъ. Въ такихъ случаяхъ разводы не осуждаются народною совѣстью: «а доки жъ вона робитиме на чужий гуртъ? Що наше, то не мое». Бываютъ случаи, когда расходятся и женатые первымъ бракомъ. На такіе разводы смотрятъ иначе: «ледача собака хати не держиться». Хорошій хозяинъ, трезвый, работящій не покинетъ жены, даже если она и стоитъ того. Онъ ее «*вчитиме*», пока или «навчить», или приколотитъ до смерти. Съ своей стороны, и жена не покинетъ «чоловіка», какъ бы онъ дурно ни обращался съ нею, или былъ не хозяинъ и пьяница. Въ такихъ случаяхъ порядочная жена сама содержитъ семью, какъ бы ей трудно ни приходилось. Покинетъ только такая, которая «скаче въ гречку» *), а для такихъ законъ не писанъ: «потеліпаеться годъ-два, а тамъ зновъ не куди прийде: до хати». И живетъ опять, пока надоѣстъ, а тамъ опять за свое. Бывали случаи, что такимъ образомъ дѣло велось до старости: «покине, та зновъ прийде». Мужъ, разумѣется, «*повчить* іі трохи» и такъ до

---

*) Скакать въ гречку—измѣнять супругу.

слѣдующаго раза. Но кто бы ни оставлялъ семью, мужъ или жена, дѣти, если есть, остаются при томъ изъ супруговъ, который останется «на оселі» и ни въ какомъ случаѣ тотъ, кто «пішовъ въ мандри», не имѣетъ права требовать ихъ къ себѣ. Жена, бросившая мужа, не имѣетъ права требовать содержанія. «Зъ якоі речі? Вона мене покинула, дітей посиротила, хазяйство розорила (жена, уходя, имѣетъ право взять свое приданое), а я ій за те ще й платитиму?!»

Такая терпимость, какую мы только что видѣли въ отношеніяхъ мужа къ блудной женѣ, проявляется и по отношенію къ «покриткамъ».

Еще въ недавнее время, лѣтъ 10—15 тому назадъ случаи рожденія дѣтей внѣ брака были очень рѣдки и считались позоромъ не только для всей семьи, но и для всѣхъ родичей. Теперь же на это смотрятъ болѣе снисходительно, такъ какъ, въ особенности въ деревняхъ, гдѣ стоятъ войска, случаи эти становятся все чаще и чаще. Незаконнорожденныхъ дѣтей хотя и называютъ «жировими», «байстрюками», но не относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, считая дѣтей не виновными въ грѣхѣ родителей. Когда въ семьѣ станетъ извѣстно, что дѣвушка готовится быть матерью, родные ея выспрашиваютъ у нея имя виновника, при чемъ рѣдко обходится безъ упрековъ, ругательствъ и даже побоевъ. Узнавъ имя соблазнителя, отецъ (рѣдко мать) идетъ сначала къ мѣстному священнику за совѣтомъ; тотъ

призываетъ паробка, его отца и мать, и послѣ приличнаго тому случаю выговора роднымъ обѣихъ сторонъ за то, что не умѣютъ учить своихъ дѣтей, а молодымъ, что не умѣли «шановаться» предлагаетъ «покрить грѣхъ» т. е. жениться. Случается, что здѣсь же и оканчивается все дѣло, условливаются съ батюшкой о времени и цѣнѣ вѣнчанья и конецъ; но бываетъ, что родные жениха (рѣдко самъ женихъ) не согласны; тогда дѣло переходитъ на судъ громады: обиженная сторона подаетъ въ мѣстное сельское или волостное правленіе жалобу и, въ ближайшій праздникъ, на сходку призываютъ спорящихъ и «громада» большинствомъ голосовъ рѣшаетъ: или жениться или уплатить «безчестье» обыкновенно отъ 25 до 100 рублей, у очень (богатыхъ 200—300), и почти не случается, чтобы родные согласились платить, разсуждая такимъ образомъ: «плати цій, а тоді зновъ втрачайся на весілля, бо все равно женить прийдеться, то нехай лучче, вже яка буде, та буде—бери синку хочъ свинку, аби по хаті хрюкала». Если же виновникъ жениться не согласенъ, то онъ обязанъ уплатить, сколько присудитъ громада. Но за кого бы ни вышла дѣвушка, за того ли, за другаго, дитя принимается въ семью, какъ свое, и никто уже не имѣетъ права упрекнуть его именемъ «байстрюка», да и права его по отношенію къ имуществу одинаковы съ законными дѣтьми.

До женитьбы или выхода замужъ дѣтей имущество, кѣмъ бы оно пріобрѣтено ни было (исключая одежи) считается *общимъ*. Отецъ или мать имѣетъ право отдать дѣтей въ наймы, брать ихъ заработанныя деньги и употреблять, какъ имъ заблагоразсудится: хотя бы даже деньги были пропиты, дѣти не имѣютъ права протестовать. Женатые же, хотя бы и не отдѣленные, имѣютъ неотъемлемое право на имущество 1) принесенное въ приданное женой, 2) подаренное на свадьбѣ, 3) заработанное на сторонѣ (въ семьѣ всѣ работаютъ въ «гуртъ», а если кто-нибудь изъ женатыхъ членовъ семьи идетъ на заработки, деньги эти считаются его собственностью). Дочери же пользуются такимъ же личнымъ правомъ собственности на приготовленное къ свадьбѣ приданное. Оно какъ у бѣдныхъ, такъ и у болѣе или менѣе зажиточныхъ состоитъ изъ: скрині, кожуха, подушекъ и ряденъ, иногда коровы или нѣсколькихъ штукъ овецъ (но это уже въ видѣ подарка на свадьбѣ молодыхъ). Денегъ не даютъ вовсе. Какъ только дѣвочка подростетъ на столько, что уже можетъ прясть «валъ», мать начинаетъ понемногу приготовлять для нея приданное: 2 подушки, 1 віяльне рядно, 2—3 малыхъ, «налавники», «килимъ» (коверъ), сувоя 3 полотна, аршинъ 40 мѣшковъ, рушники (послѣднихъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше, такъ какъ они могутъ идти на подарки во время свадьбы, что значительно сокращаетъ расходы; въ противномъ случаѣ для подарковъ поступа-

ютъ платки). Когда уже дѣвушкѣ 16 лѣтъ, батько покупаетъ ей «скриню» и кожухъ (бѣдныя и сироты зарабатываютъ деньги и покупаютъ сами) и приданное готово. При выходѣ замужъ все это составляетъ собственность жены, такъ же какъ и скотина, подаренная на свадьбѣ отцемъ и матерью невѣсты. Все же остальное (подарки родныхъ и постороннихъ па свадьбѣ) поступаетъ въ общее пользованіе мужа и жены. Въ случаѣ смерти жены приданное ея переходитъ дѣтямъ; если она умретъ вскорѣ послѣ выхода замужъ черезъ годъ-два и не оставитъ дѣтей, родные ея имѣютъ право требовать назадъ приданное; если же поживетъ нѣсколько лѣтъ то оно остается въ пользу мужа.

Въ крестьянскомъ быту дѣти только до 9—10 лѣтъ въ тягость роднымъ; дальше они уже составляютъ богатство семьи, такъ какъ прибавляются рабочія руки, безъ которыхъ невозможно хлѣбопашество: нуженъ погонычъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, какія бы они ни были: единородныя, единокровныя и единоутробныя; разъ они работаютъ въ пользу семьи, они пользуюся одинаковыми правами, какъ въ семьѣ такъ и при раздѣлѣ имущества.

Отдѣленныя дѣти не имѣютъ никакого права на имущество отца; неотдѣленныя же при раздѣлѣ имѣютъ право требовать свою часть изъ него. Кромѣ того, какъ женатые неотдѣленные, такъ и неженатые взрослые члены семьи обоего пола имѣютъ пра-

во пріобрѣтать свое собственное имущество на заработанныя на сторонѣ деньги, и уже на это имущество никто другой не имѣетъ права. Въ случаѣ же растраты послѣдняго отцемъ или матерью, судъ стариковъ принуждаетъ ихъ вознаградить пострадавшаго. Наслѣдство, полученное помимо отца, отъ дѣда, переходитъ также въ непосредственное распоряженіе дѣтей и считается ихъ неотъемлемою собственностью. Въ свою очередь, отецъ имѣетъ право распорядиться по своему усмотрѣнію еще нераздѣленнымъ имуществомъ, все равно, родовымъ или благопріобрѣтеннымъ: можетъ продать, заложить, но только,—если есть взрослые сыновья—не пропить; въ послѣднемъ случаѣ дѣти могутъ жаловаться «громаді», что отецъ раззоряетъ хозяйство и громада (обыкновенно въ лицѣ сосѣдей—стариковъ) сначала уговариваетъ отца, «покаяться», а если уговоры не помогаютъ, передаютъ главенство въ семьѣ старшему, обыкновенно, если есть, женатому сыну; если же отецъ и послѣ того продолжаетъ пьянствовать и раззорять хозяйство, то разрѣшаютъ ему запереть отца въ «комору» на день-два «щобъ покаявся». Бывали примѣры, что сыну наконецъ надоѣдала возня съ пьяницей отцомъ и онъ просто выгонялъ его изъ дому, и народная совѣсть не была возмущена: это является, какъ печальная необходимость.

Такъ какъ хозяйство въ опредѣленныхъ выше случаяхъ, и если есть дѣти, считается общимъ, принадлежащимъ всей семьѣ, хотя и находится въ ис-

ключительномъ вѣдѣніи главы дома, то кто бы ни сдѣлалъ долгъ, мужъ или жена, хотя бы для пьянства, уплата производится съ общаго хозяйства.

За личные долги, и вообще всякія обязательства отца, дѣти не отвѣчаютъ. Подати же и всякія мірскія повинности (общественныя работы и проч.) отбываются всѣми членами семьи. Если отдѣленный сынъ получаетъ отъ отца надѣлъ, онъ также принимаетъ на себя всѣ платежи и налоги, распредѣленные на надѣлы. Случается, что бездѣтные старики, имѣющіе надѣлъ, но могущіе платить за него повинностей, идутъ въ «прийми» къ совершенно постороннимъ людямъ. Въ такомъ случаѣ заключается условіе въ волостномъ правленіи, что берущій надѣлъ обязанъ кормить и содержать старика до смерти, заботиться о немъ, какъ о родномъ отцѣ, въ случаѣ смерти похоронить, отбывать за него всѣ повинности, и за это имѣетъ право пользоваться его надѣломъ, который, по смерти старика, переходитъ къ нему.

Бездѣтные, но зажиточные крестьяне берутъ себѣ за «дитину» (усыновляютъ) какую-нибудь сироту, (предпочитая мальчиковъ), иногда же просто дитя бѣдныхъ родителей, хотя бы послѣдніе были живы лишь бы было кому «доглядать іхъ на старості», да и имущество было бы кому передать. Если усыновляемый—сирота, берутъ нѣсколько свидѣтелей, идутъ въ расправу, тамъ заявляютъ о желаніи взять такого-то ребенка «за дитину», пишутъ условіе или

обязательство (которое хранится при расправѣ), по которому берущій долженъ воспитать ребенка, кормить и одѣвать до совершеннолѣтія, женить или выдать замужъ и послѣ смерти оставить ему все свое имущество движимое и недвижимое, а также и надѣлъ.

Но обязательство это дѣйствитеньно только тогда, когда пріемышъ будетъ почитать своихъ пріемныхъ родителей, относиться къ нимъ съ уваженіемъ и покоить ихъ старость. Въ противномъ случаѣ его могутъ выгнать, не давъ ничего. Если ребенокъ берется отъ живыхъ родителей, то кромѣ этого обязательства, родители даютъ подписку, что они съ этого времени не имѣютъ никакого права на ребенка, да и на возрастѣ не вздумаютъ отбирать у его воспитателей. Усыновленный носитъ фамилію своего пріемнаго отца. Усыновляютъ какъ родственниковъ, такъ равно и чужихъ (но всегда малолѣтнихъ отъ 1—5 л.) обыкновенно мущины, такъ какъ женщинѣ нѣтъ смысла усыновлять: бѣдной пе нужно, да ей и не дадутъ, богатая бездѣтная вдова выйдетъ замужъ, а имѣющая своихъ дѣтей не нуждается въ чужихъ.

Пріемные зятья, «приймаки», встрѣчаются только въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ сыновей. Но если въ семьѣ нѣсколько дочерей, самый младшій зять идетъ въ «прийми», старшимъ же никогда не предложатъ, да они бы и не согласились, такъ какъ, за неимѣніемъ сыновей, хата и грунтъ (дворъ, огородъ, садъ, ле-

вада) переходитъ къ младшей дочери, при которой родители и остаются до смерти. Положеніе зятя—пріемыша въ семьѣ, особенно первое время (лѣтъ 5—6) очень незавидное: оно напоминаетъ положеніе невѣстки въ домѣ свекрови. Онъ долженъ подчиняться всѣмъ требованіямъ тестя и тещи, исполнять безпрекословно ихъ волю, не имѣя права распорядиться ничѣмъ подъ опасеніемъ бытъ выгнаннымъ изъ дома, такъ какъ при пріемѣ зятя никакихъ письменныхъ договоровъ не заключается. Иные не выдерживаютъ такого положенія и оставляютъ тестя, иногда взявъ съ собою и жену, если, разумѣется, она захочетъ, — чаще сами, такъ какъ въ прыймы идутъ только бѣдные, не имѣщіе своей усадьбы, слѣдовательно, не имѣющіе гдѣ пріютить себя и семью. Если же зять въ продолженіи первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ заявилъ себя, какъ хорошій хозяинъ, работящій, смышленный и не пьяница, тесть передаетъ ему хозяйство, оставаясь, впрочемъ, до смерти номинальнымъ хозяиномъ—главою семьи. Если въ первые годы жена умретъ, родные имѣютъ право выгнать зятя, а дѣтей, если есть, оставить у себя. Когда же зять женится на второй женѣ, (что обыкновенно бываетъ очень скоро послѣ смерти первой), онъ имѣетъ право взять дѣтей къ себѣ, при чемъ получаетъ все женино приданное (одежу, сундукъ, скотъ), котораго, впрочемъ, не имѣетъ права растратить, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности на волостномъ судѣ по жалобѣ родныхъ жены за

растрату дѣтскаго имущества. Зятья, поступая въ прыймы, удерживаютъ свою фамилію.

Послѣ смерти родителей общество назначаетъ надъ оставшимися малолѣтними сиротами опеку, состоящую изъ двухъ самыхъ близкихъ родичей. Имущество, если оно есть, въ большинствѣ случаевъ продаютъ опекуны по согласію съ обществомъ, деньги отдаются на проценты, а сиротъ до совершеннолѣтія разбираютъ родичи, иногда усыновляютъ, а то и такъ воспитываютъ и держатъ до возраста. Вообще сиротъ съ охотой разбираютъ, особенно мальчиковъ, такъ какъ расходъ на нихъ не великъ—«хліба не переість», одежа тоже не много стоитъ, а начиная съ 8—9 лѣтъ онъ уже становится помощникомъ въ семьѣ: сначала пасетъ волы, телята, а тамъ годенъ за «погонича» и чѣмъ дальше, тѣмъ полезнѣе. По достиженіи мальчикомъ 18 л., а дѣвочкой 16, они имѣютъ право требовать отъ опекуновъ свое имущество. Сдача опеки происходитъ въ присутствіи старосты и нѣсколькихъ сосѣдей свидѣтелей, при которыхъ опекуны принимали имущество. Если же имущество было продано, то опекуны съ наслѣдниками идутъ въ «росправу» и тамъ, въ присутствіи старосты, вручаютъ послѣднимъ деньги. Если имущество продано не было, опекунъ, который держалъ у себя скотъ наслѣдниковъ, имѣетъ право взять себѣ приплодъ, оставивъ наслѣдникамъ то, что получилъ при пріемѣ; если же имущество было продано, то опекуны не получаютъ ничего, такъ какъ считаютъ, что своей

работой наслѣдники съ избыткомъ отплатили опекуну за его заботы. Когда умираетъ только отецъ, опека не назначается, такъ какъ мать имѣетъ на дѣтей и имущество такія же права, какъ и отецъ. Когда вдова вторично выходитъ замужъ, заботы о сиротахъ принимаетъ на себя вотчимъ, и почти не бываетъ примѣра, чтобы относился къ нимъ дурно: по большей части онъ ни чѣмъ не отличаетъ ихъ отъ своихъ дѣтей, почему и дѣти относятся къ нему какъ къ отцу, въ особенности если онъ взялъ ихъ маленькими.

Марія Ганенко.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ

ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДСКОМЪ УѢЗДѢ.

Предлагаемыя ниже пѣсни записаны въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ Елисаветградскаго уѣзда и въ разное время. Большая часть ихъ (119 номеровъ) записаны нами лично въ Елисаветградѣ въ 1884 году отъ дѣвицы родомъ изъ д. Катериновки, бывшей много разъ свитылкою и дружкою на свадьбахъ въ Катериновкѣ, Алексѣевкѣ, Обозновкѣ и Водяной Обозновской волости, т. е. въ поселеніяхъ, лежащихъ въ нѣскольких верстахъ отъ г. Елисаветграда. Записавъ пѣсни съ голоса диктовавшей ихъ дѣвицы, мы провѣряли ихъ потомъ изъ ея устъ нѣсколько разъ; при послѣдней редакціи ихъ мы пользовались указаніями лицъ, хорошо знакомыхъ съ свадебнымъ ритуаломъ той мѣстности, и потому полагаемъ, что требуемая точность отъ такого рода этнографическихъ матеріаловъ нами вполнѣ достигнута.

Другая часть пѣсенъ (41 номеръ) заимствована нами изъ рукописнаго сборника П. И. Дебренандера, который записалъ ихъ еще въ 1859 году также въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, но далеко южнѣе, именно въ поселеніяхъ Шамовкѣ, Алексѣевкѣ, Васильевкѣ и Инжинеровкѣ—волостей Лозоватской и Антоновской, лежащихъ на границѣ съ Александрійскимъ уѣздомъ.

Эти пѣсни дополнены нами со словъ г-жи О. И. Канищевой, жившей около того же времени (1859 г.) въ д. Львовкѣ той же Лозоватской волости. Пѣсни, которыя она сообщила, пѣлись на свадьбахъ въ поселеніяхъ Наглядовкѣ, Анновкѣ, Львовкѣ, Коротякѣ, Лозоваткѣ и Доніевкѣ Лозоватской волости. Варьянты ихъ приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Сравненіе пѣсенъ, нами записанныхъ, съ пѣснями, обязательно предоставленными въ наше распоряженіе г. Дебренандеромъ и г-жею Канищевою, показало, что при общемъ сходствѣ ритуала въ двухъ названныхъ мѣстностяхъ и при совершенномъ тождествѣ нѣкоторыхъ пѣсенъ, есть въ то-же время и много разницы. Такъ, изъ 41 пѣсни Лозоватской и Антоновской волостей, 6 оказались совершенно одинаковыми съ пѣснями Обозновскими (именно означенныя у насъ №№ 33, 50, 65, 105, 110 и 112); затѣмъ 12—представляли довольно близкіе варьянты пѣсенъ нами записанныхъ, а 23 номера—или очень далекіе варьянты или совершенно своеобразныя и самостоятельныя по содержанію пѣсни. Поэтому, располо-

живъ въ порядкѣ свадебнаго ритуала тѣ и другія и обозначивъ для Обозновскихъ пѣсенъ моментъ, когда онѣ поются, изъ пѣсенъ Лозоватской и Антоновской волостей мы совершенно опустили первыя шесть, болѣе или менѣе близкіе варьянты помѣстили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ Обозновскимъ, а остальныя—приводимъ цѣликомъ, только обозначая день, въ который онѣ поются. Замѣтимъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ у насъ вошли только пѣсни, относящіяся ко времени приготовленія къ свадьбѣ (шитье приданаго, приготовленіе коровая, «дивычъ—вечиръ») и ко дню вѣнчанія. Свадебныя же и уличныя пѣсни, поющіяся послѣ воскресенья женщинами, не вошли въ настоящій сборникъ.

Разнообразіе самихъ пѣсенъ, а также разнорѣчія варьянтовъ, записанныхъ въ двухъ мѣстностяхъ Елисаветградскаго уѣзда, могутъ дать лицамъ, изучающимъ народную жизнь, поводъ къ разнаго рода соображеніямъ относительно вліянія на ходъ «весилля» разныхъ причинъ: въ одномъ случаѣ, можетъ быть, играютъ роль особенности природы мѣстности *), въ другомъ — перенесеніе обычаевъ переселенцами, въ третьемъ—личныя особенности или происхожде-

*) Упоминанія о „Дунаѣ" въ смыслѣ текучей воды, о горахъ каменныхъ, о извѣстныхъ породахъ деревьевъ — въ варьянтахъ одной мѣстности выдерживается напр. въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, относящихся къ разнымъ моментамъ обряда.

ніе поющихъ и т. п. Не наша задача разбирать эти причины. Мы считаемъ нелишнимъ съ своей стороны дать только матеріалъ для такого рода соображеній. Сравненіе записанныхъ нами пѣсенъ въ Обозновской волости съ варьянтами, записанными другими изслѣдователями народной жизни, напр. Терещенкомъ, Николайчикомъ и особенно Чубинскимъ, показываетъ, что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается около половины болѣе или менѣе близкихъ варьянтовъ къ записаннымъ нами пѣснямъ. При этомъ болѣе близкихъ съ послѣдними встрѣчаемъ въ Полтавской губерніи — 10, въ Черниговской—11, въ Кіевской—10, въ Подольской—7, въ Волынской—8 и въ Слободской Украйнѣ — 5. (Эти замѣченные нами варьянты обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ — ссылкою на N пѣсенъ въ IV томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-Западный край» г. Чубинскаго). Можетъ быть такое сходство съ пѣснями разныхъ далекихъ мѣстностей можно объяснить составомъ населенія Обозновской волости по его происхожденію. Самое древнее изъ перечисленныхъ нами поселеній — Обозновка было заселено, сколько можно судить по документамъ и по преданіямъ, въ началѣ XVIII столѣтія переселенцами изъ Константиноградскаго и Золотоношскаго уѣздовъ Полтавской губерніи; позже во времена крѣпостнаго права сюда были переселяемы малороссы изъ Курской и Харьковской губерніи. Предки жителей нѣ-

которыхъ поселеній Антоновской волости также были переселены изъ Полтавской и Харьковской губерній. Такимъ образомъ для мелочей обряда и пѣсенъ, совершенно тождественныхъ съ встрѣчающимися по той сторонѣ Днѣпра является самое простое объясненіе; что же касается вліянія Волыни, Кіевщины, Подоліи и Галичины на мѣстный Елисаветградскій свадебный ритуалъ, то разъясненіе этого предмета будетъ возможно тогда, когда будутъ записаны и изданы пѣсни и обряды еще въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ какъ Херсонской губерніи, такъ и Юго-Западнаго края.

Елена Марковичъ.

I. Пѣсни Обозновской волости.

За недѣлю или двѣ до свадьбы невѣста приглашаетъ къ себѣ дивчатъ *шить приданое*, и тогда работа сопровождается слѣдующими пѣснями:

1.

Чы мы жъ тоби, Палажко,
Чы мы жъ тоби, дивочко,
Зъ осены не казалы,
Шо не копай грядочкы,
Не сады мьяточкы,
Бо не будешъ полываты.
Покопаю грядочкы,
Насажу мьяточкы,
Тай буду полываты.
Хочъ не буду я,
Буде ненька моя,
Тай буде полываты.

А выйде ненька,
На грядкы гляне—
У нейи серденько звьяне:
О це-жъ грядочкы
Моейи дочкы
Зъ хрещастымъ барвиночкомъ *).

2.

А ще не цвилы, та вже поспилы
У лузи полуныци,
Уже-жъ мынулыся и мынаються
Палажчыни вечорныци.
Шо дивчата гуляють, кисонькы мають,
А йийи не прыймають.
А хочъ и прыймуть, хочъ и посадють,
Та правдонькы не скажуть.
А скажуть: «пиды, ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена!»
А скажуть: «пиды, ты засватана
Ты отъ насъ одбратана,
Ой, пиды-жъ, пиды, ты повинчана,
Ты уже не дивчына»!

3.

Чы мы-жъ тоби, та, Палажко, не казалы,
Чы мы-жъ твого та серденька не втишалы,

---

*) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западный край Чубинскаго. Т. IV. Свадебныя пѣсни, № 639.

Шо не ходы та до броду рано по воду,
Тай не слухай ты голубивъ, де въ пари гудуть [1]),
Та не беры гостынчыкивъ [2]), шо даромъ дають,
Бо ти-жъ тебе гостынчыки изъ ума зведуть [3]),
Одъ батенька до свекорка замижъ оддадуть [4]).
А свекорко—не батенько, не бье, та болыть,
Якъ увійде у свитлоньку тай загомоныть,
Твое сердце камьянее кровью обкыпыть *).

4.

А хочъ думай ты, Палажко,
Думай и гадай,—
Бресты тоби дви риченькы
А третій Дунай.
За Дунаемъ черешенька зъ ягодкамы
А уже-жъ тоби не гуляты зъ дивкамы!
—«А я-жъ тую черешеньку изрубаю,
Такы пиду зъ дивчатамы погуляю!».

5.

Ой казавъ соловейко:
Въ саду не впаду.

---

[1]) ...де два загудуть (*Дебр.*)...зозуленёкъ, що рано кують (*Кан.*)
[2]) ...подарочкивъ (*Дебр.*).
[3]) ...израдять (*Дебр*).
[4]) Одъ матинкы до свекрухы переведуть. (*Кан.*)
Воны тебе одъ батенька переманять,
Одъ ридного батенька до сверкорка,
Одъ риднойи матинкы до свекрухы (*Дебр.*).
*) Чуб. № 171.

Ой казала Палажка:
Замижъ не пиду.
Ой казавъ соловейко: политаю!
Ой казала Палажка: погуляю!
Годи-жъ тоби, соловейко, по саду литаты,
Годи-жъ тоби, Палажко, изъ намы гуляты.

6.

Ой хмиль по тыну не вьеться—
Багатый, ненько, не шлеться;
А убогый, ненько, не сміе:
Такъ моя роса-коса измарніе!

7.

Ой хмиль долыною, жовте стебелечко!
Хвалывся гой Петро, шо Палажка ёго сердечко.

8.

Чымъ я тоби, ненько моя, наскучыла,
Шо ты-жъ мене зъ подругамы розлучыла?
Та не будуть подруженькы наскучаты
И не будуть на вулыцю выклыкаты,
Теперь будешъ, ненько моя, тыхо спаты.

9.

Ой уже, ненько, тай не раненько!
Чомъ не учышъ мене, ненько,
Ой, чомъ же не учышъ, не научаешъ,
Якъ свекруси годыты?

—«Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты,
Будь сама розумній:
Свекруси годы, у головци гляды,
Годы̀, доненько, годы̀!
Сверкруси годы, билу постиль стелы,
Годы̀, доненько, годы̀!
Зовыци годы̀, росу-косу чешы,
Годы, доненько, годы!
Держы въ свитлоньци, якъ у виночку,
Рушнычокъ на килочку;
Держы видерце, все чыстесеньке,
Водыци повнесеньке.
Прыйдуть зовыци пыты водыци,—
Воны сами здывуються:
Що мы въ батька булы, чомъ насъ не вчылы,
Щобъ мы такъ соби робылы *).

Приготовленіе къ самой свадьбѣ начинается съ среды или четверга. Дивчата приходятъ къ невѣстѣ качать локшыну (лапшу) и дѣлать коровай.

Качая локшыну, дивчата поютъ:

10.

Ой нихто-жъ не знае,
Хто у насъ локшыну качае:
Чы зъ города городяночкы,
Чы зъ деревни поселяночкы,

*) Чуб. № 197.

Чы Катерыновськи дивчата,
Та вси молодята?

Выдѣлывая коровай, поютъ:

11.

Ой пійду я до Дунаю,
Та стану я, та подумаю,
А чы мени воды браты—
Кличуть мене коровай бгаты.
Наберу я водыци зъ кырныци
Зибгаю коровай сестрыци *).

Въ это время мать невѣсты ходитъ по селу, приглашая «жинокъ» прійти дѣлать «шышкы», а дивчата въ хатѣ невѣсты поютъ по этому поводу:

12.

А Палажчына ненька
Та по улыци ходыть,
Та сусидочокъ просыть:
Сусидочкы, мойи голубочкы,
Та идите до моейи хаты,
Та до мого дытяты,
Та шышочокъ зибгаты**).

*) Чуб. № 493.
**) Чуб. № 484.

Приготовляя «шышкы», поютъ:

13.

Ой годи, годи, пшеныце,
Симъ рикъ у стози стояты:
Часъ тебе, пшеныце, почати,
Палазци шышочокъ зибгаты *).

Въ субботу съ утра невѣста со старшею своею дружкою сзываетъ къ себѣ дивчатъ. Послѣднія, прійдя въ хату невѣсты, сажаютъ её на кожухъ, постеленный «дружкомъ» (старшимъ шаферомъ), Старшая дружка *расплетаетъ косу* молодой и всѣ дивчата поютъ:

14.

Ой тыхо, тыхо
 Цей Дунай воду несе,
А щей тыхище
 Палажка косу чеше.
А шо начеше,
 На тыхый Дунай несе,
А шо роспусте,
 На тыхый Дунай пусте.
Ой плывы, косо,
 Пидъ батенькивъ двиръ просто,
Тай слухай, косо,
 Шо батенько говоре.

*) Чуб. № 487.

Батенько каже:
    —Лыхая годынонька,
Шо йде одъ мене
    Ридная дытынонька.
Якъ я одивавъ,—
    Не буду одиваты,
Якъ я годувавъ,—
    Теперь треба оддаты.—
Ой тыхо, тыхо
    Дунай воду несе
А щей тыхище
    Палажка косу чеше.
А що начеше,
    На тыхый Дунай несе,
А що розпусте,
    На тыхый Дунай пусте.
Ой плывы, косо,
    Пидъ свекорkивъ двиръ просто,
Тай слухай, косо,
    Шо свекорко говоре.
Свекорко говоре:
    —Добрая годынонька,
Шо йде до мене
    Чужая дытынонька.
Я й не годувавъ,
    Тай буду годуваты;
Я й не одивавъ,
    Тай буду одиваты;

Сватъ выгодувавъ,
    А сыну моему взяты *).

15.

На двори просо молотять,
А въ хати косу золотять.
Уже просо помолотылы,
Уже косу позолотылы.
На двори теренъ тешуть,
А въ хати косу чешуть;
Уже теренъ дотисують
Уже косу дочисують **).

Распустивши косу, заплетаютъ кончикъ, надѣваютъ вѣнокъ и идутъ *сзывать на свадьбу*. Встрѣчая каждаго, приглашаютъ всѣхъ—«й старого, й малого», при чемъ говорятъ: «просылы батько и маты, и я прошу на весилля».

Выходя изъ хаты поютъ:

16.

Благословы маты,
Выйты зъ цеи хаты,
Село обходыты,
Усихъ обпросыты.

---

*) Николайчикъ. Кiев. старина. Стр. 379.
**) Чуб. № 628.

Выходя со двора:

17.

Ой по малу, дружечкы, выступайте,
Нашого винограду не ламайте.
Бо нашъ виноградъ самъ порисъ,—
Куды-жъ нашу Палажку Богъ понисъ?
Бо нашъ виноградъ самъ росте,—
Куды-жъ нашу Палажку Богъ несе?

Ходя по деревнѣ поють:

18.

Дывлються селяне,
Шо идуть городяне,
Попереду та Палажка иде,
За собою дружечокъ веде.
Симсотъ щей пятнадцять,
Та вси у сапьянцяхъ;
Симсотъ щей чотыри,
Та вси чорнобрыви;
Одна була чорнобрыва,
Та всихъ закрасыла *).

19.

Ой идемъ мы, йдемъ
Та все однымъ слидомъ;

*) Николайчикъ. Стр. 374.

Все село зваловалы,
Въ свекрухы не бувалы.
Якъ бы пишлы до свекрухы,
То бъ напылысь варенухы *).

20.

Пиднимай, дружко, ногы,
Бо высоки порогы,
Будуть тоби ричкы и калюжкы,
Будуть тоби гиркіи дружкы.
Нонъ [1]), дружко, не гайся,
До вечора не добирайся [2]);
Бо буяре въ дорози
На лютимъ морози.
Накажите юдко [3]),
Шобъ булы буяре прудко [4]).

22.

Оце-жъ тоби, дружко,
За твою послужку.
Це-жъ тоби рушныкъ тканый,
Шовкомъ вышываный,

---

*) Ibid срт. 374.
[1]) Ну...
[2]) ...прыбирайся
[3]) Та наказуйте чутко
[4]) ....хутко,
Та наказуйте гараздъ,
Щобъ булы бояре заразъ. (*Кан.*)

Шовкомъ змереженный,
Зъ Кіева прывезенный.

23.

Не вій, витре, зъ розы (рожи)
Повій по дорози,
Розвій росу-косу
По червонимъ поясочку;
По червонимъ поясочку,
По одному волосочку *).

24.

Не я вышеньку садывъ,
Богъ йійи въ саду вродывъ;
Не Петро Палажку любывъ,
Богъ йійи ему судывъ **).

25.

Тыхо, дружкы, йдите,
Пыломъ не пылите,
А щобъ наша пава
Пыломъ не прыпала,
Пыломъ не прыпала—
Зъ лыченька на спала;
А щобъ наша слава
По всимъ сели стала.

*) Николайчикъ. Стр. 594.
**) Чуб. № 13.

26.

Ой винку, мій винку,
Хрещастый барвинку,
Я-жъ тебе доносыла!
Щей вчора зъ вечора
Повисыла на гвоздочку
На шовковимъ шнурочку;
И теперь тебе носю,
Бо покынуты мусю.

27.

Ой булы мы у лужку,
Загубылы старшую дружку.
Якъ буде свитаты,—
Пидемъ дружку шукаты:
Чы въ ручи, чы въ мьяти,
Чы въ рубленій хати?

28.

Ой, рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ
Пидъ вышневымъ садочкомъ,
Та щыпайте руту мьяту зелененьку,
Та квитчайте Палажку молоденьку.

Когда «молодая» съ дружками и дивчатами возвращается изъ обхода по улицамъ села, то, приближаясь къ хатѣ невѣсты, поютъ:

29.

Не гнивайся, моя ненько, на мене,
Шо я веду усю челядь до себе!

—Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
Я-жъ твою усю челядь прыймаю.

30.

Уже-жъ мы обходылы,
Усихъ обпросылы:
Одъ хаты до хаты,
Не мынулы й дытяты;
Одъ колу до колу,
Не мынулы й двору.

Входя въ хату:

31.

Добрый вечиръ тому,
А хто въ цёму дому:
Старому й малому,
Й Богови Святому *).

Вечеромъ въ субботу начинается «*дивычъ — вечиръ*».

Въ хатѣ накрытъ столъ. На столѣ 2 «лежня» **), коровай, калачъ, а въ калачѣ двѣ ложки, перевязанныя лентою (для невѣсты и жениха), бутылка съ закрашенною водкою, (послѣдняя, между прочимъ,

*) Чуб. № 233.
**) Родъ «паляныци», плоскій хлѣбъ.

стоитъ нетронутою до понедѣльника) и «гильце» изъ калины, украшенное колосьями хлѣба.

Дру̀жка, обращаясь къ дружку̀, говоритъ:

«Старосто, пане старосто,
Благословить молоду за стилъ завесты».

Дружка даетъ «хустыцю» въ руки невѣстѣ и ведетъ её за столъ, а дивчата поютъ:

32.

Иде Палажка на посадъ,
Зостричавъ йійи Господь самъ
И зъ долею зъ щаслывою,
И зъ доброю годыною.

Невѣста садится подъ образами; дивчата поютъ:

33.

Славенъ вечиръ —
Дивычъ-вечиръ!
Та рано, рано, та ранесенько!
Чый найкращый?
Палажчынъ посадъ!
Та рано, рано, та ранесенько!
Палажчынъ посадъ
Пысарь спысавъ
На тры стины камьянійи,
На четверту золотую.

На золотій макивонька;
На макивоньци ластивонька
Звыла гниздечко
Зъ чорного шовку,
Зъ чорного шовку,
Зъ тонкого лёнку,
Та вывела дитки
Однолитки.
Перве дытятко—
Молодый Петро,
Друге дытятко—
Молода Палажка *).

Окончивъ ужинъ, убираютъ все со стола, и дру̀жки, обращаясь къ дужку̀, говорятъ три раза:

«Старосто, пане старосто,
Благословить гильце выть!».

Онъ отвѣчаетъ на третій разъ:—Богъ благословыть! Гильце украшаютъ пряниками, орѣхами, конфектами, и въ это время поютъ:

34.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже,

---

*) Чуб. № 239.

Намъ гилечко звыты —
Цей двиръ звеселыты.
(Ввесь ридъ звеселыты). *).

35.

Не идите, молодыци,
До насъ гильце выты,
Зовьемо мы сами,
Краще якъ зъ вамы **).

36.

Гильце-деревце
Зъ червонойи калыны,
Зъ хрещатого барвинку,
Зъ пахучого васылька ***).

37.

Якъ мы свойій Палажци гильце вылы,
Вси лужечкы, бережечкы выходылы,
Червоную калыноньку выламалы.
Такы свойій Палажци гильце звылы.
Гильце вылы и горилку пылы,
На тонесенькій, на билесенькій скатерци ****).

---

*) Чуб. № 94; Николайчикъ, стр. 594.
**) Чуб. 562 стр.
***) Чуб. № 103.
****) Чуб. стр. 104, е.

38.

А у насъ на сели новына,
Зацвила у лузи калына,
Такъ не такъ у лузи, якъ на сели
У нашойи Палажкы на столи.

Убранное «гильце» устанавливаютъ на столѣ и въ ожиданіи пріѣзда жениха поютъ:

39.

Зеленая дибривонька, зелена була,
Чомъ тебе, Петро, такъ довго нема?
Пысала бъ пысьмо,—не вмію;
Послала-бъ посла,—не смію;
Пишла-бъ сама—боюся:
Далекая дориженька—забарюся.

40.

А въ Кіеви гримъ загрымивъ,
А въ Полтави чорни хмари.
Та рано, рано, та ранесенько.
То-жъ не хмара,—зъ коней пара;
Ой то-жъ Петро конемъ грае.
Та рано...
А винъ хоче тестя звоюваты,
А винъ хоче Палажку соби взяты!
Та рано...
Якъ винъ хоче,—Богъ ёму поможе.

Въ субботу-же *у жениха* также собираются дивчата, приглашенныя свитылкою: они ужинают. Послѣ ужина дивчата поютъ:

41.

Не стій, сосно, розвывайся!
Извый, сосно, симсотъ квитокъ,
Симсотъ квитокъ, щей чотыри.
Прыйидуть до тебе [1]) симсотъ буяръ щей чотыри.
Всимъ буярамъ по квиточци,
А Петрови квиткы не стало.
На що ёму квитка [2]), якъ Палажка дивка!
Буярыну квитка часовая,
А Петрови дивка викова *).

(Пѣсня эта поется съ припѣвомъ: та рано-рано, та ранесенько—за второю строкою).

Затѣмъ начинаютъ у жениха украшать гильце, при чемъ поются тѣ же пѣсни, что у невѣсты. Когда готово гильце, мать благословляетъ сына: осыпаетъ его овсомъ, пшеницею, орѣхами, деньгами, въ это время дивчата поютъ:

42.

Ой доломъ, доломъ,
Ой йидь сыночку зъ Богомъ.

---

[1]) Бо до насъ найидуть... (*Кан.*).
[2]) Есть у ёго квитка—Параска дивка
Дивчына гарна, чорнобрывая. (*Дебр.*).
*) Чуб. № 141.

Тай долыною—
Зъ доброю годыною [1]).
Ой, йидь сыночку
Въ чужую староночку,
Прывезы мени
Чужую дытыночку.
—«Ой не такъ, маты
Чужее дытя взяты,
Щей треба [2]), маты,
Въ порогахъ постояты.
Та треба, маты,
Червоньця розминяты,
Ой тоди-жъ, маты,
Чужее дытя взяты.

43.

Маты Петра выряжала!
Якъ выряжала, тай научала,
Та рано, рано, та ранесенько.
'Не пый, сыну, повнойи чары,
Вылый, сыну, конямъ на грыву,
Та рано...

---

[1]) Маты сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зорею пидперезала,
До тещи выряжала:

[2]) А треба буде... (*Дебр.*).

Шобъ була грыва кудрявая,
Шобъ була теща ласкавая.
Та рано...

44.

А нашъ Петро, якъ молодець,
Та вырубавъ вышеньку пидъ коринець.
А зъ тіи вышеньки тры ризкы,—
Якъ ударе коныченька по пидъ нижкы:
— «Бижы, бижы, коныченьку, къ тестю въ двиръ,
Та до тіи Палажкы ажъ за стилъ.

Если у жениха нѣтъ матери, то еще поется пѣсня:

45.

А Петрова ненька
Тай передъ Богомъ стойить,
Та Господа Бога просыть:
А пусты-жъ мене, Боже,
А изъ неба до долу,
А изъ долу та до дому.
Нехай же я хочъ подывлюся
Та на свойе дытятко:
Чы такъ воно та наряжене,
Чы въ добрый-же часъ посажене?
Ой такъ воно тай наряжене,
И въ добрый часъ посажене.

Нарядылы все добрійи люде,
Посадылы блызкійи сусиды *).

Затѣмъ свитылка съ дружками, буярами, свахами и женихомъ *идутъ къ невѣстѣ*.

Если невѣста-сирота, то въ ожиданіи жениха дивчата поютъ:

46.

Ой ходыла та Палажка
По крутій гори,
Нагледила щуку-рыбу [1])
На тыхій води.
Плывы, плывы, щуко-рыбо,
Тыхо по води,
Прыбудь, прыбудь, ненько моя,
Теперь икъ мени [2]).
— Ой рада-бъ я, дочко моя,
Прыбуть икъ тоби;
Насыпано сырой земли
На груды мойи.
Склепылыся кари очи
Щей уста мойи,
Склепылыся кари очи
На вси ночи,

*) Чуб. 269.
[1]) ...селезня.
[2]) Ой дай мени порадоньку,
Бидній сыроти.

Не дамъ тоби порадонькы,
Ни помочи.
Поклоныся, дочко моя,
Чужій чужыни:
Нехай дають порадоньку
Бидній сыроти.
—Ой кланялась, ненько моя,
Не разъ и не два [1]),
Тай не дайе порадоньки
Чужа чужына *).

При пѣніи этой пѣсни невѣста всегда сильно плачетъ.

Узнавъ *о приближеніи жениха* къ хатѣ невѣсты, дружки поютъ:

47.

Гусла гудуть, у двиръ идуть,
Та рано-рано, та ранесенько.
Та наряжайся, дивко Палажко,
Бо возьмуть тебе,
Та рано...
Я хоть нарядюся, я ихъ не боюся,
Бо у мене ненька ридненька,
Та не дасть мене.

---

[1]) Не два и не разъ,
Нихто не дасть порадоньки
Лучшойи одъ васъ. (*Дебр.*).

*) Чуб. № 161.

Женихъ, буяре, свитылка со «свитыльныкомъ» и свахи останавливаются около воротъ, а въ хатѣ поютъ:

48.

А уже гости на перемости,
А Палажка нейме виры;
По двору ходе, рученькы ломе,
Свого батенька просе:
—«Заховай мене, ты мій батеньку,
За горы камьянійи,
Обсады-жъ мене, ты мій батеньку,
Запашненькымъ васыллячкомъ!»
—«Зховаю-жъ тебе, доненько моя,
За столы тесовійи,
Обсадю тебе, доненько моя,
Пышнымы дружечкамы,
Обсыплю тебе, доненько моя,
Дрибнымы слизонькамы».

49.

Грайте, музыкы, грайте,
Та въ двиръ не вънзжайте.
Ще-жъ Палажка не ваша, та наша,
Бо ще-жъ вона тай не зряжена,
На посади не посажена.

Свитылка съ дру̀жками отвѣчаетъ:

50.

Ой довы-жъ мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ
Червонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы?

Подходя къ сѣнямъ дру̀жки поютъ:

51.

А й у синечкахъ тры верхы,
Тай никуды Петрови увійты:
Треба ёму соколонькомъ летиты,
Шобъ коло Палажкы сыдиты.

Свахи и свитылка поютъ:

52.

Пусты, свату, въ хату,
Тутъ насъ небагато:
Четгеро, та пьятеро,
Усихъ девьятеро.
А якъ-же мы оглянемося,
То и въ хату не ιберемося *).

---

*) Чуб. № 1254.

Дру̀жки отвѣчають изъ хаты:

53.

Просымъ, буяре, въ хату!
Годи травыщю топтаты
Червонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы.

Отецъ и мать невѣсты выходятъ и приглашаютъ молодаго *въ хату*, а старшій буяринъ (шаферъ) говоритъ дружку̀:

«Старосто, пане старосто,
Благословить молодого за стилъ завесты»
(3 раза).

Дружко̀ отвѣчаетъ: «Богъ благословыть!» (тоже 3 раза).

Свитылка и дру̀жки жениха поютъ:

54.

Ой иде Петро на посадъ,
Зостричайе ёго Господь самъ
Зъ долею, зъ щаслывою,
Зъ доброю годыною.

Дружко̀ даетъ конецъ платка жениху, а за другой конецъ обводитъ молодаго по скамейкѣ кругомъ невѣсты 2 раза. За третьимъ разомъ женихъ са-

дится подлѣ молодой; подлѣ жениха—свитылка, держа «свитыльныкъ»; около неё свахи. Дивчата поютъ сестрамъ жениха:

55.

Здвыгнулысь свитлыци,
Якъ силы зовыци;
Щей гирше здвыгнуться,
Якъ горилкы напьються.

Обращаясь къ буярамъ:

56.

Здвыгнулысь [1]) стины,
Якъ буяры силы;
Щей гирше [2]) здвыгнуться,
Якъ горилкы напьються [3]).
Трищать та лущать ослоны
Пидъ отецькымы сынамы,
Пидъ дорогымы сукнамы *).

---

[1]) Стынулыся...
[2]) ...лучше (*Дебр.*).
[3]) Здвыгнулыся лавкы,
Якъ силы паняикы;
А ще дужче здвыгнуться,
Якъ меду напьються. (*Кан.*).
*) Чуб. № 336.

57.

Ой вы, старосты, вы люде статецькійи!
Ой вы, буяры, вы сыны отецькійи!
Де-жъ вы, старосты, коныкивъ добувалы,
А вы, буяры, жупанивъ позычалы?

Свахи и свитылка отвѣчають:

58.

Ой вы, дружечкы, вы наши голубочкы,
Десь вы, дружечкы, сорому не знаете,
А шо вы-жъ бо насъ за кони пытаете.
А у насъ конықы все по станяхъ стоялы,
А у насъ жупаны все по скрыняхъ лежалы.
Забарыла-жъ насъ та Петрова ненька,
Забарыла насъ ласкавымы словамы,
Напувала насъ солодкымы медамы,
Годувала насъ билымы калачамы,
Выряжала насъ зъ скрыпкамы, зъ цымбаламы.

Въ это время мать подаетъ *вечерять*, а отецъ «частуе горилкою». Дивчата просятъ свитылку кушать, но свитылка не ѣстъ ничего. Дивчата ей поютъ:

59.

Свитылочко, пани,
Вечеряй изъ намы;

Та не будь така пышна,
Якъ у саду вышня [1]).

Свитылка отвѣчаетъ:

60.

Ой якъ бы-жъ я паня,
Не сыдила-бъ зъ вамы,
Сыдила-бъ зъ панамы,
Зъ кращымы, якъ зъ вамы [2]).
Не велила маты
Зъ вамы вечеряты,
А велила маты
Зъ вамы погуляты *).

Обращаясь къ матери, поютъ:

61.

Одъ столу до прыпичка
Утоптана дорижечка.
Матинка утоптала,
Вечерять подавала.

---

[1]) Не будь така горда,
Якъ свыняча морда;
А будь така веселенька,
Якъ у саду соловейко. (*Кан.*).

[2]) Яжъ не така горда,
Якъ свыняча морда. (*Кан.*).

*) Чуб. № 447.

Обращаясь къ отцу:

62.

Частуй, батеньку, частуй,
Щастемъ, долею даруй;
А якъ я жъ жыва буду,
Я жъ тебе не забуду *).

Если свитылка, забывшись, возьметъ чего-нибудь то сейчасъ дивчата подхватываютъ:

63.

Свитылочка ласа
Ухватыла кусокъ мняса;
Якъ бы не Даныло,
Було-бъ удавыло **).

Она отвѣчаетъ:

64.

Коло млына, млына
Зъйила щука лына,
А рыба—карася,
Знайте, дружкы, зася.

---

*) Никол. стр. 689.
**) Чуб. № 448.

Разсердившись, дивчата поютъ:

65.

Свитылка—шпылька
      Пры стини;
На ній сорочка
      Не йійи.
Прыйшла сусида
      Изъ-за сонця:
«Скыдай сорочку,
      Не соромся!»

Свитылка отвѣчаетъ: [1]).

66.

Брешете, дружкы, якъ свыни [2]),
Въ мене сорочка изъ скрыни [3]),
Мене маты выряжала,
Зъ скрыни сорочку давала.

---

[1]) У сома велыка голова,
А зубы—якъ у щукы:
Брешете дивчата,
      Якъ сукы.
Мене маты въ свитылкы проважала
И сорочку зъ скрыни выймала. (*Кан.*).

[2]) .... изъ ману

[3]) .... изъ краму. (*Дебр.*).

Такая перебранка бываетъ очень рѣдко, а вообще дружки поютъ, сидя за столомъ:

67.

Ой, ходыла та Палажка по городу,
Тай садыла садъ-выноградъ изъ прыходу,
Та забула воритечка зачыныты,
Та мусила свого батенька розбудыты.
Вставай, вставай, мій батеньку,
Годи-жъ тоби спаты,
Бо вже-жъ мени та у тебе
Не викъ викуваты.
Одну ничку суботнюю переночувать,
Одынъ денёкъ—недиленьку тай переднювать;
А ввечери повечерять,
Тай подякувать.
А я жъ тоби нызенько уклонюся,
Дрибнымы слизонькамы умыюся.
Пиду-жъ, пиду, мій батеньку,
Тай одъ тебе,
Остайеться рута-мьята
Уся у тебе *).

Когда вечеря кончена, дружки просятъ старосту повести ихъ во дворъ *танцевать*.

68.

Староста старесенькый,
Голубчыкъ сывесенькый,

*) Чуб. № 286.

Выведы насъ зъ хаты [1])
На двиръ танцюваты,
На двиръ танцюваты,
Буяръ оглядаты:
Чы не крывійи [2]), чы не горбатійи,
Чы вміютъ танцюваты,
Чы высоки пидборы,
Чы буяры чорноброви *).

На это свахи отвѣчаютъ:

69.

И не крыви, и не горбати [3]),
И вміютъ танцюваты,
И высоки пидборы,
И буяры чорноброви.

Староста даетъ конецъ платка жениху, этотъ беретъ невѣсту за руку, и староста выводитъ

---

[1]) Уже-жъ мы поиидилы
Мы свита не выдилы,
Пустить погуляты

[2]) ... слипи (*Дебр.*).

*) Чуб. № 803 и стр. 309, *в*.

[3]) Булы бъ вы дружкы гарни,
А у насъ бояре славни:
И не крыви...

ихъ *изъ хаты*; за невѣстой идутъ всѣ дивчата и поютъ.

70.

Вутка йде,
Вутенятъ веде,
И на рясочку,
И на попасочку!
На холодну водыцю,
На зелну травыцю *).

Въ ночь на воскресенье все время танцуютъ или во дворѣ или въ хатѣ у кого-нибудь изъ сосѣдей. Въ воскресенье утромъ *идутъ въ церковь*, тогда поютъ:

71.

Ой попе, попе, батьку нашъ,
Одчыны церковку за для насъ,
Звинчай дитκы-однолиткы
Въ добрый часъ **).

Выйдя *изъ церкви* начинаютъ пѣть сейчасъ-же:

72.

Ой булы мы въ церкви
Та бачылы дыво:

*) Чуб. № 187.
**) Чуб. № 683.

Два винци на стильци,
А два на головци *).

73.

Обманулы попа,
Якъ дурного хлопа;
Далы ёму пьятачыще,
Та и той щербачыще;
Далы ёму золотого,
Шобъ звинчавъ молодого **).

Изъ церкви всѣ идутъ *въ хату «молодито»*; по дорогѣ поютъ:

74.

Винчалася та Палажка, винчалася,
Въ червонійи чобиточкы узувалася.
Червонійи чобиточкы на нози,
Золотый перстень на руци,
Шо купывъ Петро у дорози:
«Носы, носы, Палажко, здорова,
Я тоби не скажу ни слова».

Подходя къ хатѣ:

75.

Леты, леты, соловейку, попереду,
Перекажы моій неньци, шо я иду [1]).

*) Чуб. № 692.

**) Чуб. стр. 277.

[1]) Ой выйды, батеньку, зъ калачемъ,
Звинчалы твою дочку зъ панычемъ;
Хочь не зъ панычемъ.... (*Кан.*).

Хочь не зъ панычемъ, та зъ мужикомъ,
Звязани били ручкы рушныкомъ *).

76.

Выйды, матинко, проты насъ,
Та розпытай дружечокъ усихъ насъ:
«Де-жъ твое дытятко бувало,
Шо-жъ твое дытятко чувало?».
«Пидъ царскымъ винцемъ шлюбъ брало,
Шлюбъ брало, шлюбъ шлюбовало,
Трычимъ разомъ передъ образомъ прысягало:
И передъ попомъ, и передъ дьячкомъ,
Зъ славнымъ козакомъ пидъ винкомъ».

Приближаясь къ хатѣ, поютъ:

77.

Не переходьте, ворогы,
Нашому князеви дорогы;
Нехай перейде родына,
Шобъ була доленька щаслыва.
Нехай перейде увесь ридъ,
Шобъ була доленька на ввесь викъ.

На встрѣчу молодымъ выходятъ мать и отецъ съ хлѣбомъ, берутъ икону, принесенную изъ церкви и

*) Чуб. № 742.

благословляють молодыхъ. Въ хатѣ накрытъ уже столъ. Молодой съ молодою садятся на «покутти». Послѣ нихъ дружки, свахи, свитылка и бояре. Отецъ частуетъ, а мать подаетъ кушанья. Послѣ обѣда невѣста съ дружками идетъ къ своей матери, а мо-слодой со своими остается. Дружки снова поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись, когда шли къ жениху.

Мать и отецъ молодой выходятъ также благословить дочь. Всѣ входятъ въ хату и снова обѣдаютъ. *Послѣ обѣда* поютъ:

Зеленая дибривонька, зелена була
и проч. (См. № 39).

и еще:

78.

Выглянь, Палажко, въ виконьце,
Чы высоко на неби та сонце,
Чы высокый Петро на коню?
Ой высокый, моя ненько, выще всихъ,
Скынувъ шапочку краще всихъ,
Поклонывся отцю ныжче всихъ.

Послѣ обѣда приходитъ молодой въ домъ невѣсты, бояре несутъ гильце съ музыкою; но хлопци со стороны невѣсты не пускаютъ ихъ во дворъ, а *въ хатѣ* дивчата поютъ:

79.

Ходять буяре по двору,
Сыплять золото по столу.

Мы жъ того золота не беремо.
Своей Палажкы не даемо.

Сваха и свитылка поютъ:

Ой докы-жъ та на двори стоятымемъ
и пр. (См. № 50).

Бояринъ беретъ *кружку воды*, кладетъ на кружку шишку и идетъ въ хату. Предлагаетъ «дружкови» воду; дивчата поютъ:

80.

Первійи послы прыйшлы
Не уміють говорыты,
Ни шапочки зняты,
Ни ручечкы даты.
Шапочка прышытая,
Ручечка прыбытая *).

Дружко пробуетъ воду, но ему не нравится и онъ говоритъ: «тай невирне! де ты ёго у чорта выдравъ?» Бояринъ уходитъ и возвращается, неся на тарелкѣ рюмку водки и шишку; дружки поютъ:

81.

Другійи послы прыйшлы,
Уміють говорыты,

*) Чуб. № 882.

И шапочку зняты,
И ручечку даты.
Шапочка не прышыта,
Ручечка не прыбыта.

Старшая дружка беретъ кружку съ водою изъ рукъ старосты и сливаетъ на руки всѣмъ старостамъ; подаетъ рушники. Старосты вытираютъ ими руки и перевязываются рушниками, а дружки поютъ:

82.

Мыють старосты ручкы,
Поглядаютъ на килочкы:
Чы не высять рушнычкы
Нашойи паняночкы.

83.

Не дывуйтесь, старосты,
Що коротки рушныкы;
Прядыво не уродыло,
Стара маты не вробыла,
А я, молоденька,
Гуляты раденька.

Бояринъ (шаферъ со стороны молодаго) идетъ *выкупать гильце* невѣсты у дружекъ. Дружки поютъ:

84.

Буярынъ, билозирочко [1]),
Выкупы соби гилечко.
Якъ не будешъ выкупляты,
Повеземо продаваты,
Та выкуплять чужи люде,—
Стыдно буярыну буде.

Бояринъ бросаетъ деньги, но дружки недовольны и поютъ:

85.

Було-бъ тоби у буяры не йты,
Було-бъ тоби день молотыты,
Грошей заробыты;
Грошей заробыты—
Гильце выкупыты.

Бояринъ вырываетъ гильце изъ рукъ дивчатъ. Послѣ этого въ хату вносятъ гильце жениха, ставятъ на столъ. Мать и отецъ невѣсты на дворѣ да-

---

[1]) Старша дружка на шовку стояла
И боярына частувала:
Боярыну, билозирочку,
Просю у васъ на горилочку;
Та не знаю, якъ васъ зваты,
Буду васъ частвуваты.
Боярыну, сердце.
Купы въ мене гильце. (*Кан.*)

рятъ платки свахамъ, свитылкѣ и боярамъ; а братъ невѣсты становится продавать молодую, при чемъ онъ беретъ палку или качалку въ руки и стоитъ за спиною невѣсты. Невѣсту дружка покрываетъ платкомъ. Молодая плачетъ. Входитъ женихъ и староста, начинается выкупъ. Дивчата поютъ:

86.

Братику, сокильчыку,
Сядь соби на стильчыку,
Не продавай сестры
За рубъ, за чотыри,
За тры золотійи *).

Женихъ бросаетъ деньги, братъ сразу не соглашается за столько продать сестры. Тогда женихъ уговариваетъ его: «годи уже! хиба тоби сестра такъ дорого стойить?» Братъ отвѣчаетъ: «я ногы поперебывавъ соби, янъ качаны кравъ, сестру годувавъ, а вы хочете такъ дешево узяты!» Дивчата поютъ:

87.

Братику не лякайся,
Сестры не цурайся.
Сестрыця родына—
За столомъ, якъ калына.

---

*) Чуб. Стр. 588.

Братъ продолжаетъ: «я въ празныкъ гуску укравъ, за те въ сушни тры дни сыдивъ; гускамы сестру выгодувавъ, а вы хочете, шобъ вамъ даромъ прыйшлась?» Старосты замахиваются на него палками и кричатъ: «тикай, бо мы тоби очи повыдырайемо»; братъ въ свою очередь на нихъ замахивается палкою или качалкою, говоря: «чортового батька выдерете; у мене бильше есть, не пиду! Давайте ще грошей». Женихъ кидаетъ ему еще денегъ, и тогда онъ убѣгаетъ, говоря сестрѣ: «теперъ ты не моя,—теперъ ты Петрова; я тебе продавъ». Дивчата поютъ.

88.

Ой татарынъ, братичокъ, татарынъ
Продавъ сестрыцю, якъ даромъ [1]):
Росу-косу за пьятакъ,
Биле лыченько отдавъ такъ [2]) *).

Староста заводитъ жениха за столъ и сажаетъ подлѣ невѣсты. Дивчата поютъ:

89.

Ой ишовъ Петро на посадъ,
Зустричае ёго Господь самъ—
Зъ долею зъ щаслывою,
Зъ доброю годыною.

---

[1]) ... за талиръ
[2]) ... пишло й такъ (*Дебр.*).
*) Чуб. стр, 588.

Сестра молодой беретъ цвѣтокъ отъ ея вѣнка и пришиваетъ его на шапку жениха. Дивчата поютъ:

90.

Ой дай, маты, голку
И ныточку шовку,—
Квиточку прышываты
Золотому брату *).

91.

Я учора у торгу була,
Я учора торгувала:
За тры копы шовку [1])
За чотыри шовку,—
Квиточку прышываты
По золотому брату **)

Пришивши цвѣтокъ, сестра надѣваетъ эту шапку себѣ на голову и кланяется молодому. Дивчата поютъ:

92.

Ой глянь, зятеньку на мене,
Кращая звистонька одъ тебе!

---

*) Чуб. № 383.

[1]) .... голку.
И червоного шовку,
Прышываю винокъ
Зъ зеленого барвиночку. (*Дебр.*).

**) Чуб. стр. 192, з.

Зять на мене тай не дывыться,
Винъ же мени опротывыться.
Зять на мене скоса поглядайе,
Винъ мене нышкомъ лайе.
Хоть лай, зятеньку,
Хоть не лай,
А шо мени слидуйе,—
То те й дай:
Дай мени стричечку червоненьку
Та за мою сестрыцю молоденьку *).

Послѣ этого женихъ раскрываетъ платокъ, которымъ покрыта невѣста и *цѣлуетъ ее*. Отецъ частуетъ молодаго и молодую; всѣ ихъ поздравляютъ, а дивчата просятъ старосту, чтобы тотъ повелъ ихъ и молодыхъ танцевать.

Танцы устраиваются во дворѣ. Кромѣ жениха всѣ танцуютъ. Молодая должна танцевать съ бояриномъ. Танцы продолжаются цѣлый день до вечера. Въ сумеркахъ свитылка зажигаетъ «свитыльныкъ» и входитъ въ хату. Отецъ и мать въ сѣняхъ еще благословляютъ молодыхъ, при чемъ дружки поютъ:

93.

Похырлыве то дерево похыляеться,
Покирлыве то дытятко поклоняеться!
Ой прыступы ты, Палажко, та щей блыжче,
Поклоныся отцю, неньци, тай ще ныжче;

---

*) Чуб № 389.

Тай оглянься ты, Палажко, назадъ себе:
Стойить твоя родыноньна кругомъ тебе! *)

Молодыхъ заводятъ за столъ. Староста беретъ платокъ и очипокъ, кладетъ на коровай. Положивъ коровай на голову, несетъ къ столу. Дивчата поютъ:

94.

Ой глянь, Палажко,
Кризь калачъ
Карымы очима,
Тай заплачъ [1]).
Ось твій иде,
Розмай несе [2]),
Розмай—косу;
Загубывъ красу—
Все забере.

95.

Ой, глянь на поригъ,—дыво!
Несуть твойе дило [3]):

---

*) Чуб. № 112.

[1]) .... не плачъ

[2]) Розмай-коса
Загубывъ краса, (?)
Горыховый цвите,
Завьязаный дитє. (?) (*Дебр.*).

[3]) Яке твойе дило.

Якъ биръ [1]) билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
Биле извывання [2]),
Вичне покрывання.
Изъ билого цвиту,
Есть ёго по всимъ свиту;
Биле, не лынюще,
Всимъ дивкамъ не мынуще.

Сваха беретъ *очипокъ*, *надѣваетъ* его на голову невѣстѣ. Дивчата поютъ:

96.

Що-жъ бо ты, свашечко, робышъ,
На що-жъ ты кисоньку ломышъ?
Що-жъ бо ты изробыла?
Кисоньку поломыла!

97.

Искынь, искынь, бо не годыться:
Краще дивка, якъ молодыця.
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстайе очипокъ до лоба.

Невѣста срываетъ очипокъ съ головы, бросаетъ его на полъ; сваха подымаетъ и снова надѣваетъ

---

[1]) .... снигъ.
[2]) .... завывання. (*Дебр.*).

на голову молодой. Такъ повторяется 2 раза и оба раза дивчата поютъ ту же пѣсню. За третьимъ разомъ очипокъ остается на молодой. Одна сваха становится по одну сторону молодой и надѣваетъ на себя цвѣты невѣсты, а другая по другую сторону, надѣвъ шапку жениха. Обѣ свахи вѣютъ платкомъ надъ головою молодой; та плачетъ, а свахи при этомъ поютъ:

98.

Покрыватка плаче,
Чого жъ вона хоче?
Чепчыка, кытайечкы
На свою головочку.

Дивчата молчатъ, а свахи поютъ:

99.

Я тебе, сестрыце, покрываю,
Щастямъ, здоровьямъ надиляю:
Шобъ була здорова, якъ вода,
Шобъ була багата, якъ земля [1]).

Свахи складываютъ на двое платокъ (большой шерстяной съ цвѣтами) покрываютъ имъ голову и лицо, завязавъ сзади платокъ лентою. Нѣкоторое

---

[1]) Чуб. № 1015.

время такъ невѣста и сидитъ *покрытою*. Староста беретъ коровай, на которомъ лежалъ очипокъ, дѣлитъ его на куски и роздаетъ не только всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, но въ маленькой деревнѣ поочередно всѣмъ крестьянамъ, при чемъ староста выкрикиваетъ: «Десь у нашого князя, княгыни есть братъ, сватъ, дядько, знакомый (такой-то—имя и фамилію)! Обносять ёго молодый и молодая «честнымъ» подаркомъ. Есть винъ, чы нема? Нехай бере!» Бояре стараются украсть побольше для дивчатъ, а дивчата, замѣтивъ это, поютъ:

100.

Чы бачышъ ты, дружко,
Шо буяре коровай крадуть:
Хто въ михъ, хто въ кышеню
Дивчатамъ на вечерю;
Хто въ михъ, хто въ рукавыци
Дивчатамъ на вечирныци *).

101.

Ой, край, дружбонько, коровай,
Всю свою родыноньку обдиляй,
Тай насъ, дружечокъ, не забувай.

102.

Ой, край, дружбонько, коровай,
Первую шышечку мени дай;

*) Чуб. № 1069.

Бо якъ не дасы,
То дорогу перейду,
И коня одниму;
Старшому буярыну подарую;
Старшого буярына сподобала,
Я жъ ёму коныченька дарувала.

103.

Нашъ пивень билокрылый,
Нашъ дружко чорнобрывый
Хорошенько коровай крайе,
Семеро дитей майе;
Прыйшлы зъ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Когда староста окончитъ дѣлить коровай, то свахи обращаются къ дивчатамъ съ пѣснею:

104.

Ой, пора вамъ, дивчаточка, прощатыся,
Зъ нашею Палажкою розстатыся,
Теперь вона тай не ваша,
Теперь вона наша:
Бо вже-жъ вона пидъ винцемъ стояла,
Хрестъ цилувала, прысягу давала.

105.

Брала Палажка лёнъ, лёнъ,
Выганяла дружокъ вонъ, вонъ;

На що було зазываты,
Якъ вонъ выганяты *)?

На это дивчата отвѣчаютъ:

106.

Жаль намъ, Палажко, на тебе,
Що зазывала до себе,
А теперъ розлука зъ тобою,
Якъ зъ ридною сестрою.

Молодая плачетъ, дивчата прощаются съ нею, а свахи поютъ:

107.

Поглядайе дружка скоса,
Чы немайе на печи проса.
Якъ бы йій утикты
Шобъ проса не товкты.

Дивчата и дружки отвѣчаютъ свахамъ:

108.

Не сама я прыйшла,
Що бъ сама я пійшла;
Дайте мени челядына,
Молодого буярына,

*) Чуб. 590 стр.

И скрыпкы, и цымбалы,
Пожалуйте й сами.

Бояре берутъ подъ руки старшую дружку, выводятъ ее; за нею выходятъ изъ хаты всѣ дивчата и поютъ:

109.

Прощай, прощай, подружечко,—
Мы вже идемо̀;
А мы жъ твойе дивування
Изъ собою беремо.
Якъ выйдемо на вулыцю,
То будемъ гуляты,
Твойе дивування спомынаты.
А вы жъ, подружечкы,
Не журиться,
Возьмить мойе дивування,—
Подилиться!

Когда всѣ дѣвушки разойдутся, то начинаютъ *снаряжать молодую*, чтобы везти въ хату молодаго. Но прежде чѣмъ брать вещи ея, бояре должны ихъ выкупить у брата. Выкупивши «скрыню» и подушки, складываютъ ихъ на возъ; тамъ же садятся двѣ свахи и везутъ въ домъ жениха. На другой возъ садятся: молодая, одна изъ свахъ и молодой; но прежде чѣмъ сѣсть, онъ бьетъ кнутомъ кругомъ воза

и говоритъ: «кыдай батькови норовы, та беры мойи!» Свахи, обращаясь къ матери молодой, поютъ:

110.

Выгортай, маты, жаръ, жаръ,
Колы тоби дочкы жаль, жаль;
Кыдай у пичъ дрова,
Оставайся здорова *).

Мать прощается съ дочерью и приказываетъ: «гляды, доненько, не пидтопчы батька та матиръ пидъ ногы, тай всю родыну!»

Поѣздъ трогается; во время пути свахи поютъ:

Рыстю, коныкы, рыстю,
Веземо корыстю,
Корыстю корысточку,
Молоду невисточку [1]) **).

Подъѣзжая къ жениховой хатѣ, поютъ:

112.

Выйды, матинко, огляды,
Шо-жъ тоби буяры привезлы,

---

*) Чуб. № 1145.

[1]) И скрыню, и перыну,
И молоду княгыню. (*Кан.*).

**) Чуб. № 1214.

Чы вивцю, чы ярку,
Чы невистку коханку;
Чы вивцю, чы ягныцю,
Чы хорошу молодыцю *).

Мать жениха выходитъ на встрѣчу, беретъ икону изъ рукъ невѣсты и хлѣбъ, ею привезенный, и благословляетъ молодыхъ. Ихъ ведутъ въ хату кого-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ приготовлена *брачная постель*. Сопровождаютъ и остаются съ молодыми свахи и бояре, а остальные остаются въ хатѣ родителей молодаго. Когда молодые входятъ въ отведенную для нихъ комнату, то свахи поютъ:

113.

Ой, пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломлю калынову квитку,
Та покладу пидъ билу намитку;
Колы-бъ мени калыноньки не подавыть,
Колы-бъ мени родыноньки не прогнивыть,
Бо у мене увесь ридъ пышный,
А у мене батько велышный.
А свекруха не ридная маты,
Шобъ не выгнала зъ хаты **).

Затѣмъ свахи и дружко остаются близь помѣщенія молодыхъ. Спустя нѣкоторое время они входятъ

*) Чуб. № 1242.
**) Чуб. № 1292.

въ комнату, гдѣ оставались новобрачные и, убѣдившись *въ цѣломудріи* молодой, заставляютъ её пѣть здѣсь же слѣдующую пѣсню:

114.

Ой не бійся, матинко, не бійся,
Та въ червони чобиточкы озуйся,
Та топчы ворогы пидъ ногы [1]),
Шобъ твойи пидкивкы брязчалы,
Шобъ твойи ворогы мовчалы.
А неньчыни пидкивкы: брязь, брязь, брязь,
А нашымъ ворогамъ: зась, зась, зась! *)

Тогда свахи берутъ „шишку“, обворачиваютъ красной лентой и бояринъ везетъ шишку къ матери молодой, гдѣ его угощаютъ той водкой подкрашеной (варена), которая была приготовлена еще въ „дивычъ—вечиръ“.

Молодымъ подаютъ ужинъ и всѣхъ угощаютъ тоже „вареной“. Послѣ ужина молодые ложатся спать, а гости „гуляютъ всю ночь“. До свѣта еще молодая должна принести съ колодца воды и сама подать умыться всѣмъ гостямъ. Сама она умывается и её повязываютъ тѣмъ платкомъ, которымъ она была наканунѣ покрыта. На обязанности молодой

---

[1] А супостаты пидъ пьяты. (*Дебр.*).
*) Чуб. № 1346.

лежитъ утромъ *въ понедѣльникъ* прибрать въ хатѣ мужа, и тогда всѣ идутъ къ ея матери, при чемъ несутъ „виху“ (красный платокъ, навязанный на длинной палкѣ) и поютъ:

115.

Знаты Палажку, знаты,
Зъ которойи вона хаты
Чебрикомъ обсыпана,
Калыною обтыкана;
И лавки и перелавкы
Зъ червонойи кытайкы *).

116.

Тутъ наша родына,
Тутъ намъ заробыла
И пыты, и йисты,
И за столомъ систы.

У родителей молодой приґотовленъ обѣдъ. Послѣ ѣды старосты и зять ведутъ подъ руки мать молодой въ домъ молодаго, при чемъ поютъ:

117.

Ой, зять тещу веде
За билую ручку,

*) Чуб. № 1348.

За билую ручку
За честную дочку.

Мать церемонится, падаетъ, её подымаютъ и поютъ:

118.

Ой, зять тещу просе,
Въ рукахъ шапку несе:
И теще моя, и голубко моя,
Иды жъ до мене,
Та и есть у мене
Ажъ тры бочкы меду
Все для твого роду *).

119.

Ой, брехалы превражійи люде,
Шо Палажка недобрая буде;
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повнесенька,
Ажъ вона прыдалася,
Якъ роза розцвилася **).

---

*) Чуб. № 1375.
**) Чуб. 592 стр.

II. Пѣсни Лозоватской и Антоновской волостей.

Приготовленія къ свадьбѣ до пятницы включительно.

120.

Иихалы бояры горою,
Та клыкалы (имя невѣсты) зъ собою:
«Иды, иды, дивчыно, изъ намы,
Дамо тоби хусточку *) зъ квиткамы.»
— А я тіи хусточкы не зношу,
Полюбыла (имя жениха) якъ душу.

121.

Ой, ходыла дивчына по вгороду,
Та садыла садъ—выноградъ изъ прыходу,

*) Хусткою называютъ у Малороссіи небольшой бѣлый платокъ, вышитый по краямъ крашеною бумагою (заполочью).

Та забула воритечка зачыныты,
Та мусила братика попросыты.
Ой, зачыны, братику, тіи воритця,
Та не впускай молодого того молодця;
Якъ зайиде молодый зъ боярамы,
Та вытопче садъ-выноградъ копытамы,
Позбывайе вси гроночкы нагайкамы.
Не жалуй, сестро моя,
Та гроновый цвитъ,
Та пожалуй, сестро моя,
Молоденькыхъ литъ;
Цвиты твойи гроновійи
Розростуться —
Лита твойи молодійи
Не вернуться.

122.

Ой, по пидъ лисомъ бытая дорижка,
Туды йихавъ молодый зъ боярамы;
Ёму калына дорогу заступыла.
Винъ пиднявъ [1]) шабельку, ставъ калыну рубаты;
Стала калына до ёго промовляты:
Не за для тебе ця калына сажена,
А за для тебе та дивчына наряжена.

123.

Летять галочкы
У тры рядочкы,

---

[1]) выиявъ (*Кан.*).

Зозуля попереду;
Уси галочкы
На лузи силы,
Зозуля на калыни.
Уси галочкы
Защебеталы,
А зозуля закувала.
— «Ой, чого куйешъ,
Чого жалуйешъ,
Сывая зозуленько?
А чы жаль тоби
Темного луга,
Чы гиркойи калыны?»
—Ой, не жаль мени
Темного луга,
Ни гиркойи калыны;
А жаль мени
Политаннячка,
Раннёго куваннячка.
Идутъ дружечкы
У тры рядочкы,
А молода попереду;
Уси дружечкы
По лавкахъ силы,
А молода на покутти.
Уси дружечкы
Та заспивалы,
А молода
Заплакала.

—Чого плачешъ, чого жалуйешъ,
Молода (имя невѣсты)?
А чы жаль тоби
Батенька свого,
Чы подвирьячка ёго?
—Не жаль мени батенька свого,
Ни подвирьячка ёго?
Тилько жаль мени
Русойи косы,
Дивоцькойи красы:
Що дивкы гуляють,
Косамы мають,
А мене не прыймають.
—Бижы, бижы, ты засватана,
Ты одъ насъ украдена;
Ой, бижы, бижы, ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена.

124.

Трійця по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла:
—Та ходимъ, Спасе, до насъ;
У насъ усе гараздъ:
Хорошійи коровайныци,
Хороше коровай бгають,
Сыромъ прысыпають,
Маслычкомъ прылывають [1]).

---

[1]) Кучерявый пичъ выметайе,
Кучерява въ печъ заглядайе.

Наша пичъ гогоче,
Короваю хоче,
Прыпичокъ усмихайеться—
Короваю дожыдайеться [1]).
Свашка не липашка,
Шышокъ не липыла,
Бояръ не дарыла.
Излипыла зъ сина,
Тай ту сама зъйила.
Нашъ пивень билокрылый,
Нашъ дружко чорнобрывый,
Не жаль ёму даты
Короваю сажаты.

СУББОТА.

125.

Ой, брязнула ключмы, (подразум. невѣста),
Одъ коморы йдучы,—
Спивайте, дивчата,
Слободою йдучы.
Не пизнала маты
Свого дытяты
Помижъ дивочкамы [2]).
(Имя невѣсты) [3]) зъ квиточкамы

---

[1]) Ой пичъ стойить на сохахъ,
Дижу носять на рукахъ.

[2]) ...дружечкамы.

[3]) Зъ червонымы

Уси дворы выходыла
И слизонькы не вроныла,
Якъ до батька въ двиръ явылася,
Слизонькамы умылася:
«Ой, дворе, мій дворе,
Чы буде мени добре?»
—Просы, дочко, Бога,
Щобъ було щастя й доля,
Встаючы й лягаючы,
Господа благаючы.

126.

Снигомъ, дивчыно, снигомъ,
А мы за тобою слидомъ.—
Бытымы дорижкамы
Зъ свойимы дружечкамы,
Зъ скрыпкамы, зъ цымбаламы,
Зъ хорошымы боярамы.

127.

Гильце вьють, гильце вьють,
И горилку пьють [1]),
Та намъ не дають.
И гильце довывають,
И горилку допывають,

---

[1]) Та на тонесенькій,
Та на билесенькій
Скатерци. (*Кан.*).

Дижу пидкыдають,
Молодого обсыпають,
Молодого обсыпають,
У дорогу выряжають.

128.

Изъ-за горы гуска летила,
Зъ перцемъ капуста кыпила,
Хочъ зъ перцемъ не зъ перцемъ,
Просымо зъ щырымъ сердцемъ:
Ӥижте, бояре,—я не хочу,
Грайте музыкы, а я поскачу;
Есть у мене черевычкы зъ сапьянцю;
Ӥижте вы, бояры, безъ перцю.
Ты, свату, старенькый
Одчыны комору новеньку,
Сыпъ перець на папирець,
Та на гусятыну и на курятыну
Сыпъ, посыпай;
А ты, музыко, грай!
Тутъ нашъ рай! [1])

Ӥижте, бояре, ложкамы,
Бо въ насъ капусты дижкамы,
Бо въ насъ (имя молодой) садыла,
То въ насъ капуста вродыла.
Вы, бояре, вы чужесторонци,
Та не берить по повній ложци,
А берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

129.

Не сыды, молода, не сыды,
А одсунь виконце, погляды,
Чы высоко сонечко на неби,
Чы хорош молодый на кони?
Ой хорошъ, моя маты,
Краще всихъ,
Изнявъ шапочку, моя маты,
Прежде всихъ,
Поклонывся на порози
Ныжче всихъ.

130.

Ой на двори зилля,
А въ хати весилля;

***

Мыръ мыромъ...
Пырогы зъ сыромъ,
Вареньчкы въ масли,
Дружечкы прекрасни,
Просымо васъ!

***

Йилы бояре, йилы,
Цилого вола зъйилы;
На столи ни систочкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы.
Йилы дружечкы, йилы
Пивъ голубчыка зъйилы;
Пидъ столомъ ни систочки,
А на столи вси кисточкы.

(*Кан.*).

На двори бояры,
Якъ макъ процвитайе,
Межъ нымы молодый,
Якъ золото сяйе.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

131.

Сичена калына, сичена,—
Уже наша (имя невѣсты) звинчана;
Червони чобиткы на нози,
Що купывъ молодый въ дорози [1]).
Носы, молода, здорова
За молодого здоровья.

132.

Старшая дружечко,
Одсунь виконечко,
Подывысь на сонечко!
Якъ ище рано,
То ще погуляймо,
Якъ уже пизно,
То розійдемся ризно.

---

[1]) На торзи (*Клн.*).

Жаль намъ, молода,
    На тебе,
Що зазывала насъ
    До себе;
Розлука наша
    Зъ тобою,
Якъ изъ ридною
    Сестрою.

133.

Тоби, дружко,
Не дружкуваты,
Тоби, дружко,
Свыней пасты;
Молодому завертаться [1]),
Бо не вміе цилуваться.

134.

Та казалы люде,—
    Зять багачъ,
Та казалы люде,—
    Грошей михъ:

---

[1]) Молодому заганяты,
Бо не вміе цилуваты. (*Кан.*).

Выкынувъ копійку,
Якъ на смихъ!

135.

Тече, зятю, ричка,
Готовъ, зятю, стричку;
Якъ не буде стричкы,
Йды зъ за столу причкы.
Я не вмію казанивъ лататы,
Я не вмію пьятакивъ браты,
Дайте мени золотого
Одъ князя молодого.

136.

Братику, сокилочку,
Сядь соби на стильчыку,
Не продавай косы
За рубъ й за чотыри.

137.

Ой по малу, бояры, дружку ведить,
На йій сорочкы не подерить,
Бо на йій сорочка [1]) шовкова
Одъ старшого боярына подарована.

---

[1]) .... тонесенька
Що дала ненька риднесенька. (*Кан.*).

138.

Чого, (имя невѣсты) ты сыдышъ?
Чомъ не дякуйешъ батеньковы?
Уже коныкы позапрягалы
И рыдванчыкы понаготовлялы,
Тилькы систы, та пойихаты.
Велю коныкамъ вивса дать,
А рыдванчыкамъ пидождать,
Покы прыйде батенько зъ саду
До мене на пораду.
Тилькы батенько на поригъ —
(Имя молодой) ёму нызько до нигъ:
— Спасыби тоби, мій ридный батеньку,
За твойе коханнячко:
Що я у тебе гуляла,
Тяжкого дила не знала;
Тяжкого дила не знала,
Русую косу чесала. [1])

139.

Зеленая дибривонько
Чого у тебе такъ пенькивъ много,

---

[1]) Тяжкого дила не робыла,
Що недиленькы въ церкву ходыла. (*Кан.*).

Зеленого та ни одного
Отросточкивъ ни у одного?
Молодая ты, (имя невѣсты),
Чого въ тебе такъ батькивъ много,
А ридного та ни одного:
Порадоньки ни одъ одного;
Все таки щобъ напытыся,
А никому зажурытыся;
Все таки щобъ пыты та гуляты,
А никому порадоньки даты.

140.

Ой кони, кони сываши,
Чы булы вы сёгодня на паши?
Чы чуйстеся на сылу,
Чы вывезете княгыню
На тую гироньку крутую,
У тую свитлоньку новую.

141.

Слава Богу, сына оженыла,
Слава Богу, невистки дождала.
Не пиду теперъ сорочокъ праты,
Не буду хаты замитаты,
Не буду дижи мисыты,
Не буду воды носыты.

142.

Ой на гори лёнъ;
По лёнови витрець вiйе,
Молода (имя невѣсты)
Онъ тебе (имя жениха) ключе.
—«Ёго воля поклыкаты,
Моя воля послухаты».

ИЗЪ УГОЛОВЩИНЫ.

(Разсказы).

I.

Иванъ изъ Буджака[1]).

— Иванъ изъ Буджака[2])—звѣрь, а все же—товарищъ хорошій, а главное, душа—человѣкъ! говорили арестанты.

— Это — неисправимая личность, это — грубый, «закоренѣлый преступникъ»,—на лицо прошу взглянуть, прошу обратить вниманіе на это упорное молчаніе, на этотъ упорный, угрюмый взглядъ—и ужасный преступникъ предстанетъ предъ вами, милостивые государи! говорилъ на судѣ прокуроръ.

— Эту бестію за одну морду слѣдуетъ повѣсить; этакая подлая харя! Его исправитъ только перекладина да петля... говорилъ смотритель тюрьмы, заслуженный и уважаемый штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ.

---

[1]) «Слово» 1881 г., кн. III.

[2]) Буджакъ-степь между Днѣстромъ и Дунаемъ.

И, дѣйствительно, Иванъ изъ Буджака былъ совсѣмъ особаго рода арестантъ: каждый порядочный, «приличный» человѣкъ, глядя на него, возмущался до глубины души... Да какъ и не возмутиться? Арестантъ, убійца, такъ сказать, послѣдній изъ людей— и вдругъ такая осанка, такой видъ, какъ будто онъ какой-нибудь владѣтельный князь... Понятно: всякаго порядочнаго человѣка взорветъ. Объ Иванѣ только и знали, что онъ былъ чабаномъ въ Буджакѣ, зарѣзалъ изъ-за семи копѣекъ хозяйскаго приказчика, приговоренъ за то въ каторгу на 20 лѣтъ— и больше ничего. Да чего же еще надо? Дѣло ясно: сознаніе полное, улики—на лицо. Только одно мѣсто въ слѣдственномъ производствѣ по его дѣлу было смутно и темно: это, именно,—фактъ его происхожденія, справка объ его лѣтахъ и званіи. «Таковой справки» «по справкѣ не оказалось», и Иванъ оказался бродягой и упрямой скотиной, отказывающейся объявить свое имя и званіе.

Но это была ошибка: званіе его—чабанъ, имя Иванъ изъ Буджака.

Лѣтъ 25 тому назадъ, когда народъ массами бѣжалъ въ степи отъ своихъ благодѣтелей и цивилизаторовъ — помѣщиковъ, у «тырла» [1]) одного богатаго болгарина, въ Буджакѣ, нашли неизвѣстно

---

[1]) Тырло, одая, стына—родъ хутора, кочевье овечьяго стада.

когда и кѣмъ подкинутаго мальчика лѣтъ пяти; наканунѣ видѣли нѣсколько семей, уходившихъ въ глубь степей. Мальчика взяли чабаны, заставили перекреститься — умѣетъ, спросили имя — отвѣтилъ «Иванъ», и съ той минуты Иванъ былъ признанъ свободнымъ гражданиномъ вольныхъ степей, сотоварищемъ. Росъ Иванъ, какъ и всѣ «подпаски»: день онъ проводилъ съ овцами, а по ночамъ у него были товарищи теплые, вѣрные—собаки овчарки. Онъ спалъ въ шалашѣ. Одѣли его въ кожаные башмаки безъ каблуковъ, мѣховые штаны, шерстью вверхъ, въ овечью шубу и такую-же шапку,—а главное сдѣлали ему «чересъ», широкій кожаный поясъ съ отдѣленіями для ножей, корня «талана», употребляемаго при лѣченіи скота и для ношенія всякихъ другихъ снадобій. Жилъ Иванъ также, какъ жили и всѣ чабаны: зиму и лѣто—на полѣ съ овцами и собаками; товарищи чабаны—все общество его; какъ и другіе, Иванъ былъ въ деревнѣ одинъ или два раза въ теченіи 25 лѣтъ.

Степь необъятная, борьба съ холодомъ, вьюгою, съ дождями, съ іюльскими жарами, съ волкомъ и степнымъ воромъ наложила свою печать на всю фигуру и характеръ Ивана. Высокій, стройный, съ острымъ, пронизывающимъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ поднятою головою, съ мертвою неподвижностью лица, загорѣлаго и напоминавшаго собой блѣдно-красную стату,—съ вѣчною голою, волосатою грудью— онъ наводилъ страхъ, безотчетный страхъ на сла-

быхъ и внушалъ отвращеніе къ себѣ всѣмъ исковерканнымъ, золотушнымъ, чахоточнымъ сынамъ нашей уличной, городской цивилизаціи... Мирный горожанинъ, привыкшій въ общежитіи лишь къ мелкимъ пакостямъ, коварству и обману, невольно блѣднѣлъ передъ этою цѣльною натурой, передъ этимъ сильнымъ, могучимъ Степнымъ Царемъ... Въ 16 лѣтъ Иванъ далъ самъ про себя безмолвный обѣтъ безбрачія и хранилъ его ненарушимо...

Онъ получалъ отъ хозяина деньги на бѣлье, т. е. на рубаху и штаны: все остальное было самодѣльное, ѣда—хозяйская. И онъ, какъ и всѣ прочіе чабаны, жалованье получалъ безъ уговора: сколько понадобится; а надобилось ему, обыкновенно, не слишкомъ много—2—3 рубля въ годъ. За годъ до тюрьмы, Иванъ попросилъ однажды у прикащика тридцать копѣекъ; просилъ нѣсколько разъ, но прикащикъ, пріѣзжавшій въ степь раза три, четыре въ годъ, все не давалъ ему денегъ; наконецъ, однажды, выдалъ ему двадцать три копѣйки. Иванъ сосчиталъ...

— Еще семь надо... сказалъ Иванъ,—не разговорчивъ былъ.

— Убирайся къ чорту! Сказано: не дамъ... сердито огрызнулся прикащикъ.

Но онъ не успѣлъ еще кончить свои ругательства, какъ Иванъ уже свалилъ его на землю и перерѣзалъ ему горло... Страшно дивились четыре чабана, и долго не могли понять: для чего Ивану по-

надобились тридцать копѣекъ и зачѣмъ надо было изъ-за нихъ рѣзать прикащика...

И въ первый разъ за всѣ 30 лѣтъ Микита чабанъ пошелъ въ село, за 50 верстъ, къ хозяину—сказать, что умеръ прикащикъ, и что его «поризавъ» Иванъ; первый разъ пришлось Микитѣ долго искать по селу хозяина и выдержать пытку допросовъ, но кромѣ короткихъ, односложныхъ фразъ ничего не могли добиться отъ него...

— Иванъ поризавъ прыказчыка... прыказчыкъ не давъ симъ копiёкъ! твердилъ онъ—и только.

Наѣхала полицiя и разныя власти, пошли допросы и, для скорости, тамъ же, у «тырла». Допросъ обвиняемаго былъ кратокъ: онъ спокойно отвѣтилъ, что это именно онъ «поризавъ» прикащика, а на вопросы о причинахъ, побудившихъ его на такое звѣрское преступленiе, онъ отвѣтилъ очень просто:

— А якъ же? винъ казàвъ, що дасть гроши, и не давъ, винъ повыненъ бувъ даты...

Такимъ образомъ, Иванъ не призналъ себя виновнымъ. Когда его взяли за руки и сказали, что арестуютъ, т. е. уведутъ его въ городъ и запрутъ въ тюрьму, тутъ произошло нѣкоторое недоразумѣнiе,—вслѣдствiе котораго сотскiе и десятскiе разлетѣлись во всѣ стороны съ разбитыми носами и съ вывихнутыми членами, а затѣмъ прибыло человѣкъ 40 селянъ, которые, выдержавъ надлежащее сопротивленiе и не досчитавшись нѣскольких зубовъ, связали — таки, наконецъ, Ивана по рукамъ и но-

гамъ, и доставили въ такомъ видѣ въ тюрьму. Блѣдный, избитый въ кровь, съ отекшими отъ веревокъ руками и ногами, Иванъ стоялъ предъ ругавшимся смотрителемъ и спокойно и тихо пошелъ въ камеру подслѣдственныхъ.

Съ глухимъ шумомъ, съ визгомъ захлопнулась за нимъ тюремная дверь; съ нею вмѣстѣ захлопнулась за нимъ и дверь вольной жизни...

Этотъ «звѣрь», «эта харя», «этотъ преступникъ неисправимый» осужденъ и долженъ былъ идти въ каторгу, въ Сибирь; но здѣсь, въ тюрьмѣ, съ нимъ произошло что-то странное, чего не могли объяснить себѣ ни арестанты, ни даже самъ штыкъюнкеръ смотритель, — никто... Передаю все, какъ слышалъ...

Это было ночью. Темнота и туманъ окутали темный, спящій уѣздный городокъ; только на выѣздѣ блестѣло одно свѣтлое пятно... То, какъ далекое зарево потухающаго пожара, зіяла, окруженная фонарями, тюрьма. Непривѣтно выглядывала она даже среди такой жалкой, грязной обстановки, и осенняя, южная туманная ночь казалась теплѣе этого холодно-бѣлаго дома, съ восемью мутно-свѣтящимися глазами по угламъ каменной ограды и у воротъ ея. И внутри все замерло. Ночники чадили, въ камерахъ—зловоніе и сумракъ... Въ камерѣ осужденныхъ, на голомъ полу валялось семь-восемь арестантовъ, а сквозь слуховое оконце въ двери слышалось завыванье вѣтра, врывавшагося въ разбитыя окна

сквознаго корридора, да стукъ шаговъ по каменному полу дежурнаго ключника...

Среди этой мертвящей тишины послышался стонъ, сначала легкій, сдавленный, затѣмъ стоны усилились и по пустымъ корридорамъ пронесся раздирающій, мучительный женскій крикъ... Арестанты прискочили... Стоны и затѣмъ болѣзненныя вскрикиванья и рыданья усиливались... Послышалось бряцанье ключей, отперли замокъ, засовъ отодвинули, затѣмъ шаги, крикъ часоваго: «ефрейторъ!» потомъ опять торопливые шаги, опять стукъ двери—и, мимо камеры осужденныхъ, по направленію къ больницѣ, что-то пронесли, но это что-то стонало сдержанно, мучительно...

Иванъ первый услыхалъ этотъ крикъ; онъ замеръ, онъ весь превратился въ слухъ: блѣдный, съ блуждающими глазами, стоялъ онъ у стѣны. Такого крика онъ еще не слыхалъ на своихъ родныхъ степяхъ... Поле, степь—его домъ и колыбель—такихъ мукъ и такихъ стоновъ не давали ни разу подслушать ему: ни вѣтеръ злой, ни вьюга, ни стаи волковъ, ни больной или умирающій чабанъ—не стонутъ такъ; такія муки, видно, только у людей въ городахъ и селахъ. Всѣ арестанты стояли и сидѣли молча; дьячекъ, судимый за разбой, молился, два цыгана сидѣли на корточкахъ, уставившись въ землю, конокрадъ вытиралъ рукавомъ мокрые глаза—всѣмъ имъ ясна была мелькнувшая драма, всѣ они или были женаты или были у нихъ сестры, и всѣмъ

живо представились родной домъ, страдающая мать или жена, крики и стоны, затѣмъ плачъ новорожденнаго ребенка и общая радость. Всѣ молчали, всѣ знали: что̀ происходитъ въ стѣнахъ тюрьмы въ эту теплую, осеннюю ночь... А Иванъ не зналъ... Только почему-то теперь, въ эти минуты онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Передъ нимъ, какъ на ладони, промелькнуло его прошлое: голодъ, холодъ, лихорадки, масса насѣкомыхъ, заѣдавшихъ его въ дѣтствѣ. — онъ даже почувствовалъ холодъ и боль въ ногахъ—такъ живо вспоминалось ему его босое, голое дѣтство....

— Что-то теперь? Родила ли уже? сказалъ дьячекъ послѣ долгаго молчанія.—Мальчикъ или дѣвочка?.. Ну, да завтра узнаемъ, заключилъ онъ.

— Бѣдная! Она, братцы, должно быть изъ благородныхъ... Я видѣлъ её мелькомъ въ прачешной: блѣдная, тоненькая такая... Должно изъ благородныхъ... глубокомысленно замѣтилъ конокрадъ.

— Да и не слыхать, за что. Сидитъ въ «секретѣ». Говорятъ, въ Сибирь пойдетъ... То-то будетъ ей горя... Холода, снѣга, съ ребенкомъ—и безъ грошей...

—Ну ужь въ Сибирь безъ денегъ и не думай! Съ голоду околѣешь,—какъ собака: «проціонны»—то въ карманѣ у «партіоннаго»; въ пересыльныхъ тюрьмахъ—тоже не медъ... Одно слово, безъ денегъ—лягъ и умри... разсказывалъ бѣглый изъ Сибири «непомнящій».

Долго еще говорили арестанты о новомъ человѣкѣ, а главное, о Сибири, о бѣдахъ въ дорогѣ, на этапахъ, въ пересыльныхъ тюрьмахъ—и наконецъ всѣ уснули, и все затихло въ тюрьмѣ...

Только Иванъ не спитъ: онъ лежитъ съ открытыми глазами, уставившись въ стѣну; въ его ушахъ всё еще ясно отдается стонъ и мучительный крикъ, а предъ глазами—полумракъ... И чудятся ему лѣса безконечные, снѣга, снѣга сыпучіе, глубокіе, а среди ихъ женщина—слабая, блѣдная, съ ребенкомъ на рукахъ...

На утро въ тюрьмѣ шла бѣготня и хлопоты; день этапный; надо вещи выдать, надо снарядить, заковать, списки составить, по спискамъ провѣрить—много работы! Въ 6 часовъ утра дежурный вызвалъ Ивана и другихъ въ кузницу, внизъ. Ивана заковали по рукамъ и по ногамъ, обрили полъ-головы, выдали новый армякъ съ бубновымъ тузомъ, подкандальники, шапку:—ему долгій путь, его прямо въ каторгу, въ Сибирь ведутъ. Мертвенно-блѣдный, съ сухими губами и лихорадочно-горящими глазами, Иванъ вошелъ въ контору.

— Чего лезешь? спросилъ конторщикъ.

— До смотрителя, чуть слышно проговорилъ Иванъ.

— Ты чего? обратился къ нему штыкъ-юнкеръ смотритель.

— До васъ... У ночи... дытына... съ разстановкой началъ было Иванъ, тяжело дыша.

— Ну да, дитя ночью родилось. Ну, а тебѣ-то что? Ужь не твое-ли? со смѣхомъ сказалъ смотритель.

— Ни, не моя. Дытына.... Сибиръ... отъ-тутъ у мене чѐресъ... (не глядя на смотрителя, онъ началъ снимать кожаный поясъ). Тутъ йе грóши—нехай дытыни. Малé... гдѣ... жинка нездужайе,—выпалилъ вдругъ Иванъ торопливо, несвязно и, все тяжело дыша, весь облитый пòтомъ, подалъ смотрителю чересъ, а изъ него выпало нѣсколько монетъ... Затѣмъ, Иванъ быстро, торопливо повернулся и пошелъ въ камеру, тяжело ступая и позвякивая кандалами. Смотритель, конторщикъ и солдаты стояли молча—изумленные: они этого не понимали...

Войдя въ камеру, Иванъ остановился у порога и окинулъ всѣхъ товарищей взглядомъ. Мнѣ дьячекъ разсказывалъ потомъ, что Иванъ такъ смотрѣлъ на нихъ, какъ будто ему объявили помилованіе, и онъ, вотъ, сейчасъ выйдетъ на волю и возвратится въ свои степи—къ овцамъ и овчаркамъ; доброе, теплое выраженіе свѣтилось въ его взглядѣ, а на вопросы товарищей: не выходитъ ли онъ на свободу,—Иванъ только тихо засмѣялся: это была его первая улыбка и его первый смѣхъ въ тюрьмѣ...

Часа черезъ два ворота тюрьмы широко распахнулись, и изъ нихъ вышла нестройная толпа арестантовъ и конвойныхъ, и долго, затѣмъ, виднѣлись вокругъ блестящіе штыки, а среди сѣренькихъ людей выдавался нашъ высокій, могучій Иванъ—«за-

коренѣлый преступникъ», Иванъ изъ Буджана. И въ дальній путь онъ шелъ попрежнему съ поднятой головой.

II.

Два платочкы.

....«Та ты бъ ёму у морду! Чого на йихъ дывыться? Воны шляються, та крадуть, а мы йимъ будемъ потураты, чы що?».

— Та я ёму и то вже добре наклавъ...

— Кажы, ледащо, хто, якъ и писля чого? Почему такее срамленіе? Звидки прыйшовъ?—А ну, Федоръ Ивановычъ, пышить! сказавъ голова до пысаря и сердыто подывывся на рыштанта, а дали додавъ: —Эчъ! сукынъ сынъ!.. Красты умійе,—а теперъ дрижыть!...

И справди «сукынъ сынъ» дрижавъ, мовъ пропасныця ёго трусыла. Кудлате волосся на голови, обсмыкана борода, лыце—блиде, сыни губы, очи горять—то було облычча недужого чоловика. «Злодій» бувъ одягненый, чы то пакъ роздягненый, бо не можна жъ сказаты одягненый, якъ у ёго сорочкы нема, а тилькы якыйсь пинжакъ куцый, штаньци рвани, та калоши... Не можна,—бо на двори таке

лыхо робылось: дощъ лье, лье, а витеръ загуде, завыйе и поверне на снигъ, а тамъ знову дощъ полье, холодно, й не розберешъ чы воно зима, чы воно осинь, якась нисенитнеця у прыроди.

— Ну, кажы, чого безъ пуття шляйешся, та крадешъ?

Але сыни губы злодія не вымовыли й слова, а зубы тилькы ляскоталы, а самъ винъ дрижыть, та у землю дывыться.

— Кумедія! Злодій, краде!—Эчъ, погань яка. Да ты хто такый? уже прыхильнище запытавъ голова.

— Дворянинъ Сокольческій, ледве пробуркотивъ злодій.

— А! «Ваше благородіе»! Панъ, значыть. Ну, й добре; соцькый! веды йихъ благородіе у холодну. И соцькый повивъ.

«Йихъ благородіе» йшло якось пидстрыбуючы, плечи здрыгають; нестатне, довге, худе его тило перегнулось хутко на двое и зховалось за дверыма холоднойи.

Довго, довго корпивъ Федоръ Ивановычъ пышучы дознаніе; звавъ винъ разивъ пьять соцького, звавъ бабу Ковалыху и шынкаря, й шынкарку; свидкивъ чоловика зъ двадцять розпытавъ и запытавъ. Та що! Пытавъ, пытавъ, а дали ставъ розпытувать по якомусь цыркуляру, по такому, якого николы й не було, розпытувавъ бабу Ковалыху: якого роду, чы вчылась де, яке майе имущество, зъ кымъ жыве. Але

не добывся одъ нейи гараздъ, запысавъ тильки: «баба Ковалыха отъ рожденія тупая, имущества окромъ двоихъ краденыхъ платочкивъ не имѣетъ, живетъ при дочери, а мужъ онной у солдатахъ, а хата обвалылась, а дѣтей у онной трое». Та те дознаніе зъ рыштантомъ и двома платочкамы прыпечатаными поперлы до урядныка. Пишовъ пакетъ и «при семъ слѣдуетъ арештантъ» до урядныка. Потяглы люде по калюжи пидъ дощемъ. Урядныкъ щось пытавъ та пысавъ. И знову повелы «злодія» до станового. Становый пысавъ, чытавъ, зновъ пысавъ, и поперлы злодія зъ пакетомъ и зъ тымы хустками ажъ до слидователя, бо укравъ не простый чоловикъ, а дворянынъ. Але до слидователя прыйшовъ тильки пакетъ да хусткы—арештанта не було,—десь загубылы, чы въ калюжи застрявъ, чы отъ дощу роскысъ—не знайемо, але вирно, що не знайшлы, та й годи.

Багато, кажу, паперу извелы, а ричъ проста: якось до хаты бабы Ковалыхы прыйшовъ мокрый, слабый Сокольческій и попрохався на ничъ. Прывиталы ёго жинкы, послалы соломы, ряденьцемъ вкрылы, далы шматокъ хлибця й поклалы ёго одпочыты. Бо звисно подорожній чоловикъ. У ночи чують, що стогне винъ, не спыть. Сталы пытать, чы не болыть що,—але винъ мовчыть. Всталы у ранци, гарненько силы прясты, а винъ лежыть... Уже обидать зварылы, й силы за стилъ—лежыть подорожній. «Може зъисы чого?» пытають бабы.

— Ни, каже, спасыби, трошкы полежу... Перевернувся на другый бикъ, та й зновъ мовчкы лежыть та стогне. Ажъ ось, у вечери вже, ставъ, перехрестывся и сивъ у куточку. Довго, довго сыдивъ, а дали й каже, та такъ жалибно: — бабуню! щось коло серця ссе, тягне—хочъ бы краплыну горилкы.

— Ой лышенько, дежъ у насъ горилка? заговорыла москлыха.—Тутъ абы на шматокъ хлиба заробыть, а то ще й горилка!..

Але у бабы Ковалыхы инше було на думци. Довго вона сыдила та дывылась на подорожнёго, а дали достала зъ скрыньки хустку, розвьязала одынъ клунокъ, другый и третій й подала ёму два шагы. Схопывъ подорожній й побигъ у шынокъ.

— Ачъ, якъ потягъ, промовыла баба, усмихаючысь... Слабый винъ—може й полегшайе...

Тилько що налагодылысь лягать, ажъ и винъ у хату. Ставъ коло порога, вклонывся нызенько, та й каже: —Спасыби вамъ бабусю. Багато я горя на вику прыйнявъ, чужый на свити, нема де й головы прыхылыты. Переночую у васъ ще цю ничъ та й пиду... Поклалы ёго зновъ й сами ляглы. Ураньци всталы, а подорожнёго вже нема,—до скрыни, ажъ тамъ усе перекыдано: сорочкы, де яке шмаття повыкыдано и взято два платочкы. Заголосыла баба и москалыха. Скилько баба пряла, скильки робыла, щобъ на смерть прыдбаты сорочку, сувій полотна, та ти платочкы—ажъ ось и нема! Зновъ робы, та ще чы заробышъ? Смерть

не за горамы, баба вже старенька. Побигла стара по селу, плаче та пытае, чы не бачылы такого й такого зъ выду подорожнёго. Бачылы, кажуть люде, потягъ у шынокъ. Прыбигла до Гершка,—ажъ винъ тамъ. «Де платочкы»? пыта. А винъ блидый, блидый мовчыть. «Да кажы що-ныбудь, або платочкы оддай, не гнивы Бога! Оддай заразъ! На смерть готувала, а ты онъ що! Ахъ ты харцызныкъ: оддячывъ за хлибъ, за силь!» крычыть баба Ковалыха. Зибралыся люде, прыйшовъ и соцькый. Цей заразъ до Гершка, и вытягъ зъ ящыка платочкы, забравъ йихъ и поклыкавъ до волости подорожнёго.

— Вставъ пьяныця, такъ мовчкы, якъ и перше, пишовъ за соцькымъ, тилько голову ще ныжче схылывъ на груды.—Такъ розсказувала баба Ковалыха на допроси у слидователя.

Пишлы справкы, розыскы, да одпыскы. Сталы шукать того дворянына, сталы печатать розыскы у газетахъ,—але нема Сокольчевського—неначе у воду упавъ: одпысують що «по самотщательному розыску таковаго не оказалось,»—та й годи.

Мынувъ рикъ, мынувъ й другый. Лежыть дило, лежать и ти два платочкы, пробыти ныткою, зъ лоскуткомъ паперу и сургучною печатью.

Ажъ ось, на третю весну, у саме розпуття прыходыть якась баба до слидователя.

— Здрастуйте, каже.

— Здорови булы, бабусю; а що майете?

— Та це я до васъ за пла точкамы.

— За якымы платочкамы?

— Та це я—та баба, за котру чоловика водылы, баба Ковалыха зъ Кирьянкы.

— А! Знаю, знаю. Нате ваши платочкы. А знайете, бабусю, того злодія й доси нема.

— Та нема жъ! Наробывъ такы клопоту, царство ёму небесне, каже баба.

— Якъ царство небесне? Хиба жъ винъ умеръ?

— А вмеръ, паночку. Ото якъ повелы ёго, лыха тоди була годына: холодъ, дощъ лывъ. Добрый хазяйинъ собакы не выжене. Прыйшла я оце до дому—такъ мени сумно стало, такый жаль мене ухопывъ. Лягла одпочыты, а винъ такъ и стойить проты мене. Заплющу очи, хрещусь,—а винъ тутъ такы: дывыться на мене жалибно-жалибно, й чуты мени у ночи неначе винъ говорыть: «багато я горя на вику прыйнявъ, нема де й головы прыхылыты, одпочыну я у васъ, бабусю...» Такъ пройшовъ тыждень, важко мени та й годи, а я вже й зъ печи не злазю: де-жъ такы! платочкы на смерть заховала, по души, до Бога збиралась, а тутъ за ти платочкы та загубыла людыну, загубыла свою душу. Чы не грихъ же то? Лежу такъ у ночи, ажъ чую щось стука у виконце. Встала я, одчыныла двери—ажъ винъ стойить. Не перелякалась я, паночу, ни, а тилькы перехрестылась,—ото, думаю, смерть по мене прыйшла. Ажъ ни: винъ, жывый, тилько блидый-блидый, худый-прехудый й безъ шапкы. Якъ стоявъ, такъ и бухнувъ мени у ногы: «простить, каже, бабусю!»

— Э, та що згадувать... Було—мынуло... сказала бабуся, та й утерла здорову краплю зъ очей, а дали—згодомъ: побувъ винъ у насъ тыжнивъ зо тры, тай преставывся...

Й замовкла стара, перехрыстывшысь по души покойныка.

— Здався такы отой сувій полотна, усмихаючысь додала,—а платочкы нехай вже зостануться мени на смерть.

1 Сичня, 1885.

III.

„Шматокъ".

— Эге! Шматокъ—це ричъ не мала!

Шматокъ—це сыла грошей! У шматку, колы знайете, 2000 ягныць. Та не простыхъ, мужычыхъ, не бассарабська погань, а «шпанка»! Голова-въ-голову, однадо-однойи, одна одъ другойи краще! Ухопышъ таку ягныцю, — зверху вовна трошкы сиренька, а дали до тила усе свитлій, та свитлій, а дали ажъ рожевенька и неначе хто йийи намастывъ, така повна, жырна. Чыста шпанка, доглядена добре, годована гарно... Та що й казать! Такый шматокъ вартъ

12 т. карбованцивъ. Господы милосердный! Якъ згадаешъ, що то за сыла грошей, такъ ажъ страшно стане. Переличыть йихъ простому чоловикови треба добрый тыждень, а скилькы жъ то робылы люде, щобъ збыть ти гроши до купы, скилько жъ то поту людського, а може й слизъ полывало йихъ?! На те жъ воны и грошы, щобъ усе куповать: и працю людську, й сылу, й волю, й... та що базикать! Шматокъ, кажемо, добрый!

Й доглядають же ёго! Самъ хазяйинъ йиздыть що тыжня разъ подывытысь. Винъ бы и частише йиздывъ, та не майе часу: за тыждень на добрыхъ коняхъ тилько що объйидешъ уси «сараи», та поглядомъ, здалека обкынешъ окомъ усю свою землю.

И правду въ тихъ письняхъ спивають: то «степъ шырокый—край веселый».

Йидешъ по ёму, йидешъ день, й два, й пьять — и нема кинця тому шырокому степу. Села, та хутори десь по ярахъ поховалысь, а середъ степу тилько де-не-де «сарай» стойить... А дали знову ривно и вильно: тилько тырса шумыть, та часомъ перекотыполе зирветься, и понесе ёго витеръ якымсь чаривнымъ клубкомъ...

Коло «шматка» людей чымало. Оце найперше «атагасъ», два чабаны. Чымало було й пидпасычивъ, та повтикалы до дому, зостався тилько одынъ. А собакъ? Цила череда. Здорови, волохати,—воны добри сторожи, кращыхъ, мабуть, й на свити нема: вовкъ и блызько не пидійде, а злодія за мылю чують!

Тай не можна безъ людей та собакъ, — бо сыла грошей! «Шматокъ»—велыкый капыталъ!..

Людямъ багато роботы. Цилу ничъ хмарылось: не выдко було й свого носа, якъ то кажуть. «Шматокъ» збывся у купу. Чабаны й собакы навкругы полягалы,—атагасъ не пустывъ и пидъ гарбу лягты спаты, бо винъ добре знавъ, що означайе та тыша въ прыроди; й справди: ще на свитъ не благословылось, а вже потягнувъ витрець одъ схидъ сонця... холодный, ризкый, — винъ дошкулявъ и собакъ... Собакы забигалы, або лягалы одна коло другойі.

Ажъ ось затыхло на хвылыну и посіявъ дрибный, дрибнесенькый дощыкъ... Стало свитать; на самимъ краю̀ стѐпа, де винъ зъ небомъ злывайеться, показалась сиренька смужка, а дощыкъ свойе робыть: лье, та лье... Атагасъ уже ходыть—змерзъ; чабаны плечыма водять — дощыкъ и за шыю вже натыва... «Шматокъ» пишовъ на друге мисце—цапы здорови повелы, й люде потяглы за нымы...

Дощъ лье. Небо сире, свиту мало, уже й день, а за дощемъ темненько. Ось пада винъ прямисенькымы смужкамы густо, густо. Пронисся витрець — й ёго повернуло: смужкы вже ридки, вся ситка ихъ похылылась, и бьють смужкы зъ боку... Витеръ все крипчавъ та крипчавъ...

— Збывай «шматокъ»! крычыть атагасъ, и чабаны хутко закыдалы кгырлыкгамы, побиглы и сталы

збывать шматокъ до купы. Собакы, глядючы на чабанивъ, й соби кынулысь збывать вивцю до гурту.

— Чого трештышъ, паршывый? Не бачышъ, витеръ набига? Не знайешъ, що винъ розибье увесь шматокъ?! А ты сыдышъ? Бижы мерщій по ливоручъ, збывай *йгйи!* крычавъ голосно атагасъ на пидпасыча.

Чы мале хлопья схопылось зъ земли й пошкандыбало у ливоручъ шматка.

— Эчъ, погань! Мерщій, кажу! гримавъ атагасъ й «погань» наддала ходу.—Отъ ще здохне. Й наймають же таке ледащо: у полотняныхъ штанахъ, та въ латаний свытыни дума за пидпасыча буты?! бурчавъ соби пидъ нисъ атагасъ.

А тымъ часомъ витеръ лютуйе. Дощъ замовкне, десь заховайеться, а витеръ гуде, реве. То ныzомъ по земли несеться винъ, набижыть на шматокъ, и шматокъ подасться у край и одибьеться кильна ягныць; чабаны кыдаються за нымы, збывають до гурту. То зъ нызу пидхопыть чымало кущивъ перекотыполя, закрутыть, закрутыть йихъ, зибье й завье у стовбъ и пидійме геть у гору высоко... Завыйе витеръ, розибьеться стовбъ й кущи велыки—неначе птыци чудови—полетять далеко по степу.

Витеръ лютуйе, витеръ реве...

Здалека выдко якусь сиру кучку. Вона хутко наблыжайеться... То витеръ кильна валахивъ одъ чужойи отары одбывъ и жене йихъ по степу.

Чабаны загналы и йихъ до гурту.

Знову дощъ холодный, осинній полывъ и бье винъ по щокахъ, якъ ризкою, лье за шыю, пробыва й сивякъ и кожухъ атагаса; давно пробывъ 'рвану свытку пидпасыча, пробывъ сорочку ёго, й холоднымъ, болячымъ жартомъ лоскоче по слабому тилу. У хлопця губы сыни, лыце жовте, зубы ляскотять... А одійты не можна. Людей мало бо люде теперъ дороги, «шматка» лышыть не можна. Ну, бороны Боже, витрова хвыля набижыть, розибье «шматокъ,» або й увесь пожене: вивця дурна, якъ рушыть, то йийи вже не вдержышъ! Тоди робы увесь викъ и не одробышъ. Атагасъ це добре знавъ и самъ не одходывъ, не спочывъ и хвылыны, и чабанивъ и пидпасыча не пускавъ.

Вогню той день не роскладалы—нема часу; у обидъ чабаны зъйилы по шматку хлиба, а пидпасычъ и не йивъ: ёго такъ трусыло.

Небо зтемнило, ничъ наступала, а витеръ крипчавъ и лютовавъ. Треба тикать—а то пропаде «шматокъ».

— Гей, ты! закрычавъ атагасъ на пидпасыча. Запрягай волы въ гарбу, та йидь мерщій до «двору», скажы, що мы женемо заразъ «шматокъ»; щобъ кошару зготовылы!

— Я, дядьку, дорогы не знаю: одынъ разъ тилько бувъ у двори, а поночи—дежъ я блукатыму? дрыжучы отказавъ пидпасычъ.

— Эхъ! горе мени зъ цимы полтавцямы: голе, босе, дорогы не знайе! а щобъ васъ побыла лыхая годына. Петро! гукнувъ винъ до чабана.—Рушай мерщій до двору, а мы поженемо «шматокъ». Що Богъ дасть! Може, мылосердный змылуйеться й доженемо благополушно! Гей! Даныло! Гей! закрычавъ винъ до другого чабана,—але витеръ односывъ, не чуть голосу.

Атагасъ побигъ до Даныла, постановывъ ёго збоку зъ пидвитрянойи стороны, самъ ставъ на передъ, пидпасыча зъ заду поставывъ и, перехрестывшысь, повивъ «шматокъ» до двору...

А дощъ лье, а витеръ лютуе...

Чабанъ Петро прыйихавъ до двору саме тоди, якъ хазяйинъ «одкушалы» чай и разивъ десять выбигалы на рундукъ подывыться, що робыться на свити Божому, але ничого не побачылы, бо хутиръ стоявъ у яру, витеръ бувъ, та не дуже велыкый, тилько ёго зразу повернуло, и зимою, пивничнымъ витромъ потягло. Хазяйинъ звивъ плечыма и хутко ускочывъ у теплу хату. Почувшы, що Петро прыйихавъ, винъ дуже перелякався, заразъ загадавъ парубкамъ позганять зъ кошаръ други шматкы, збыть у одну, а другу наготувать для шпанкы.

Перелякався хазяйинъ,—та й було чого! Позаторикъ витеръ та холодъ наробывъ клопоту: пьять

тысячъ карбованцивъ у одынъ день пропало. А тутъ—«шпанка»!

У одынадцятій годыни тилькы дійшовъ «шматокъ»—бо 8 верстъ ишлы—и загналы ёго у кошару. Атагасъ перехрестывся: теперъ уже не прыйдеться одроблять увесь викъ за отбыти ягныци.

Темно, дуже темно було. Уся челядь, уси парубкы сбиглысь и загналы шматокъ у кошару.

Уси пишлы въ хату. Мокри, холодни и голодни чабаны повеселишалы; вси радилы, що «шматокъ» не загнано витромъ, що пивничный витеръ заставъ йихъ у теплій хати.

Подалы борщу. Хазяйинъ прыславъ атагасови горилкы. Уси посидалы вечерять.

— А де жъ вашъ пидпасычъ? спытала куховарка.

— Оце такъ! А де жъ винъ? спытавъ и атагасъ.

— Я жъ ишовъ попереду и не бачывъ ёго.

— И справди—де жъ винъ? мени не выдко ёго було, я здержувавъ шматокъ зъ пидвитряной сторони, одмовывъ чабанъ Даныло.

— Може замерзъ?

— Оттаке! замерзъ! Хиба теперъ снигъ, чы що? Тилько витеръ холодный, та дощъ иде.

— Може утомывся, тагъ лигъ де пидъ скыртою сина.

— Ни, хлопци! сказавъ, хытаючы сывою головою, атагасъ.—Я трыдцять годъ на степу й знаю, що не знайде воно скырты... Таке дило. Треба йты шукать...

Вси засмутылысь; хто нисъ ложку до рота, той не донисъ йійи; усимъ зразу выдно стало, що пропасты легко на степу.

— Гм... неначе прокынувся и заговорывъ атагасъ, —хто жъ ёго зна, де винъ... Але я чувъ щось закрычало разивъ зо два, та я думавъ, що то наша слаба коза; де-жъ дочуть? Витеръ велыкый! Мени далеби здалось, ще неначе крычало «дядьку, дядьку!» — колы жъ проклята коза збыла зъ пантелыку...

— Та той хлопчыкъ бувъ погано одягненый... Чомъ вы ёго, дядьку, не доглядилы? докирлыво сказала куховарка.

— Тю! дурна! Чы ты зъ неба звалылась, чы що? Хиба не бачышъ, що у степу робыться? Що жъ я шматокъ шпанкы кыну, та за хлопцемъ дывытымусь? грымнувъ атагасъ.

— Чудни вы, титко, якъ подывлюсь на васъ; щожъ вы маленьки, чы що? Шматокъ вартъ зъ 12 тысячъ карбованцивъ,—а вы онъ що! Та тутъ уси бъ мы викъ робылы и вику не хватыло одробыть! сказавъ чабанъ Даныло.

Але якъ не грымалы на куховарку, а смутка не пройшла. Уси мовчкы сыдилы...

— Петре, йды лышень; выйды изъ яру зъ собакамы, може знайдешъ ёго, заказавъ атагасъ, и Петро пишовъ.

Витеръ ревивъ, дощъ розигнавъ; темно було. Петро гукавъ, гукавъ собакъ—тильки дви й пишло. Поблукавъ винъ по степу й вернувся до двору: пидпасыча не було.

Передъ свитомъ стыхло, шматокъ пишовъ знов у степъ...

Сонечно стало сходыть. Сумно йшовъ атагасъ, за нымъ пышно выступалы здорови цапы, вивци йшлы покирлыво; тилько собакы весело розбиглысь по степу шукать зайця, або видкопаты ховраха...

Одійшлы верствы за тры. Атагасъ зъ могылы побачывъ, що трохы дали щось билійе; собакы збылысь на тому мисти и прыхильно махають хвостамы. Винъ побигъ туды и зъ переляку закамьянивъ: на земли лежавъ пидпасычъ, очи розкрыти, велыки таки и докирлыво дывляться на свитъ Божый, пальци у роти, зубы йихъ зтыснулы, и кровъ на губахъ... Собакы прыхильно махають хвостамы и лыжуть ёму рукы й лыце.

На другый день прыбигъ становый, поняти, ликарь зъ фершаломъ. Сталы пытать людей, якъ и що. Ничого не узналы,—бо ничого й не було: йшовъ шматокъ, ничъ глупа, витеръ холодный, пидпасычъ, *козакъ* Полтавськойі губерніи Иванъ Вильный, йшовъ позаду и «одбывся» отъ шматка. Ричъ проста, выпадокъ звычайный.

Ликарь поризавъ Вильного и тутъ же, на степу, завивъ у бумагу усе, що знайшовъ, и видъ чого умеръ пидпасычъ. Винъ пысавъ такъ: «Смерть послѣдовала отъ сильнаго и продолжительнаго охлажденія тѣла. Способствовавшими моментами должно

признать: 1) плохую, способную промокать одежду; 2) пустыя тонкія кишки и желудокъ и 3) отсутствіе жира въ подкожной клѣтчаткѣ. Раненіе пальцевъ и кровь отъ того, произведены зубами самого умершаго во время замерзанія». Становый звеливъ покласты трупъ пидпасыча на гарбу, щобъ везты на кладовыще у село, а самъ сивъ пысаты бумагу до батюшкы.

Тилько що звалылы пидпасыча на гарбу, пидъйихавъ и хазяйинъ.

Сонечко высоченько стояло. Тепло було—неначе литомъ; витру, дощу й холоду неначе й не було. Одъ красного проминня усе стало свитлище, веселище: степъ не жовтый, а золотый, золотый здавався. Трошкы дали «шматокъ» безпешно, вильно розкынувся й гулявъ на простори...

Пидійшовъ атагасъ.

— Ну, що, якъ? Що наробывъ намъ холодъ та витеръ? тыхо запытавъ хазяйинъ атагаса, одвившы ёго трошкы у бикъ.

— Хвалыты Бога, добродію, ничого соби; тилько пьять ягнычокъ одбыло витромъ, не знайшлы ще. Ничого, благополушно!

— Ну, слава Богу, що пройшовъ той день благополушно! весело сказавъ хазяйинъ...

Гарба йихала тыхо и благополушно, тилько пидпасычъ мертвый зсунувся трохы на бикъ, та рука высила и чипала и черкалась объ колесо.

IV.

Омелько каторжный.

У волости переполохъ. Голова Мыкытенко, пысарь Здыбаевъ й урядныкъ прибиглы изъ шинку на выду червоненьки и дуже полякани.

— Якъ же, Иване Ивановычу? Винъ же убывця, винъ грабежныкъ? якъ же теперъ ёго буты?

— Отъ вы й голова, а порядкивъ не знайете: треба, щобъ, значыть, воны, то есть г. урядныкъ, далы началству звистку; мы напышемо бумагу, щобъ тую бумагу, значыть...

— А покы вы пысатымете, то винъ и утиче?

— Я думаю, што ето такъ; я паѣду къ становому, — блúдый, трусючысь, ледви ледви вымовывъ урядныкъ, хутко выйшовъ зъ волости, сивъ на коня и поскакавъ геть изъ села.

Голова и пысарь у двохъ якъ стоялы середъ хаты, такъ и зосталысь, дывлячысь одынъ на другого. Горилка у пысаря выйшла зъ головы и страхъ заславъ йому очи; голова, зъ переляку, ще бильше охмиливъ, розставывъ рукы, роззявывъ рота, та такъ и стоявъ.

И справди ричъ не пустяшна.

Тилько що у трахтыри розсилысь добре кумпанія началства, тилько що выпылы по четвертій чы по пятій, якъ прыбигъ нарошный зъ бумагою: справ-

нывъ пысавъ, що звисный на весь повитъ розбишака Омелько Полижай зъ Сибиру, зъ самойи каторгы утикъ и його бачылы въ сусиднимъ повити; що винъ, може, навернеться до дому, до жинкы, и тоди його заарештувать. Якъ бачете, дило важне. Якъ бы хто другый, то бъ ничого, а то Омелько! Якъ його визьмешъ? Вси, и волосне началство, й уси селяне, добре зналы, що то за птыця той Омелько; въ усихъ ще не заснуло те лыхо, що винъ накойивъ. Добре селяне памятають, якъ винъ перше почавъ красты зъ коморы, якъ його былы у волости, а винъ за те пидпалывъ старостыну хату й утикъ.

Сотни людей ходылы у обходы; жинку його що дня тягалы въ росправу и до волосты. Уси зналы, що Омелько бувавъ у сели, забигавъ до жинкы — и нихто його не піймавъ... Якъ же тутъ його, у бисового батька теперъ пійматы? Одночыли булы, якъ його заарештувалы у городи: винъ тамъ когось грабувавъ и застрелывъ чоловика у той часъ, якъ його ловылы. Засадылы у острогъ, судылы и катувалы середъ мисця, а винъ знову утикъ, пидпалывъ свойихъ ворогивъ и пропавъ. Тоди дойшла чутка, що його піймано десь коло Полтавы и зослано на Сибиръ. А теперъ знову горе... Прочытало началство ту бумагу и дуже засмутылось... Довго сыдилы мовчкы, выпылы ще по чарци и тилько що хотилы гукать соцькыхъ та десятныкивъ, щобъ зибрать людей и чекать Омелька,—якъ тутъ прыйихавъ крамарь зъ Самарий росказавъ, що на Нечайевимъ хутори учора

бачылы уже Омелька, й що винъ мабуть скоро прыйде до села, а теперъ переховуйеться у лиси...

Оце жъ та прычына, що поробыла голову безъ головы, а пысаря збыла геть зъ пуття, такъ що й про писменство свойе забувъ. Дуже, кажемо, перелякалысь воны. Якъ бы не соцькый, то й не зналы бъ, що ёго робыть.

— Та вы, панове, чого бойетесь? пытавъ соцькый, (винъ доводывся родычомъ, чы кумомъ Омельковiй жинци, чы що).

— Якъ чого? Хыба не знаешъ ёго? Хыба не чувъ, якъ винъ нахвалявся й мене вбыты и мойе добро зпалыты за те, що буцимъ я тое... що я... та за ти брехни..

— Яки таки брехни? не чувъ щось... А! це за ёго жинку?

— Эге-жъ! За те, що я, буцимъ, йийи державъ чотыри тыжни, чы що, у холоднiй, тоди, якъ ловылы Омелька... Винъ за це зарiже мене...

— О-охъ! простогнавъ пысарь... Кому, кому а мени капутъ; чуйе мойе серце: не жыття мени...Помьяне мене Омелько: винъ добре памьята, якъ я державъ ёго дитей у волости, щобъ винъ туды прыбигъ, а мы бъ ёго й пiймалы... Бу—уде мени!..

— Оце такъ, сказавъ соцькый,—за це такы буде вамъ... Такы правда,—було лыхо намъ за ёго проклятого, та було жъ мукы и Омельковiй жинци, було й дитямъ, що й казать!..

— Петре!.. Ты у мене права рука... я за тобою, якъ за камьяною стиною,—ты, Петре... Я тоби дамъ

мишокъ борошна и одъ громады прыбавымо тоби. Бо знайешъ, голубе, у мене... у мене й голова болыть, пропасныця, чы що... А ты вже піймай ёго, зберы людей, кильгы треба... А я тоби, щобъ, значыть, для смилосты, ще й горилкы дамъ...

— Та це не велыка ґричъ, на що мени борошно, або що? Горилкы, воно конечно треба, бо выдыма смерть страшна, а борошно... на що воно мени?.. Вы будьте безпешни, усе зробымо. Вы тильво мовчкы идить до дому, та лягайте, а я вже пиду на сторожу.

Соцькый Петро бувъ чоловикъ розумный, на все село голова, тильво дуже винъ бувъ прыхильный до горилкы; тому й бидный, тому ёго не выбиралы за старосту.

Петро пишовъ у шинокъ, добре выпывъ, а якъ сонечко сило, зибравъ пьять чоловика, знову выпывъ и людей почастувавъ, й тыхенько повивъ йихъ по задвиркахъ до Омельковойи хаты. Люде—звисно люде, выпылы добре й страхъ пройшовъ. Петро посадовывъ йихъ у хливъ, а самъ зализъ пидъ комору. Нихто ни въ сели, ни въ Омельковій хати не знавъ, що сторожа вже настановлена... Довго сыдилы сторожи, зъ вечора темно було. Де хто зъ ныхъ и позасынавъ...

Стало мисяшно... Ажъ ось, по пидъ тыномъ, городами хтось тыхенько иде. Середъ тыши чутко легкый ходъ все блыжче й блыжче... Хтось пере-

скочывъ, якъ кишка, черезъ тынъ и тыхенько пидкрався до викна... Глянувъ, и хутко увійшовъ у сины... То бувъ Омелько...

А у хати въ той часъ Явдоха—Омелькова жинка—поралась коло печи, вечерю готувала; на столи каганець мыготивъ червонымъ свитомъ, биля стола сыдила, та шыла старша дочка, Ганна, на полу Петро й Маруся, диткы годкивъ по 7—8, щось тыхенько розмовлялы та сміялысь...

Скрыпнулы двери, Омелько ставъ на порози и ледве промовывъ: «здрастуйте!»

Явдоха обернулась, зырнула на ёго и заразъ пизнала... Вона якъ стояла коло печи зъ рогачемъ, подалась трохы напередъ, та такъ и зосталась, закамянила: очи шыроко розкрыти, д[illegible] важке, якесь слово зъ губъ хотило злетить, [illegible]а такъ замерло... Ганна пидняла очи зъ шыття и изъ-за каганця прыдывлювалась до гостя; диткы замовклы...

— Здрастуй, Явдосю... Що? не пизнала?

Явдоха одхылылась назадъ и мицно прытулылась до прычилка.

— Диткы мойи люби! Ганнусю! Яка жъ ты велыка!..

Ганна швыдко одійшла до матери и спытала ййи тыхо: «Мамо! Хто се такый?»

— Диточкы мойи кохани!.. Петруню, Марусыно! йдить до мене—я васъ поцилую... каже Омелько и пишовъ до полу...

— Ай, ай! Мамо, мамо! закрычала не свойимъ

голосомъ Маруся, а за нею Петро; воны ховалысь за матиръ и голосно плакалы.

— Диточкы! та се я, я, вашъ батько, Омелько!... Диты ще гирше репетовалы.

— Явдохо! Що жъ се? Хиба не пизнала мене? Мойи люби! Я жъ, щобъ васъ побачыть, утикъ; я жъ два рокы йду тилько за-для васъ, голубята мойи. Йдить же до мене!.. Диткы!.. винъ приблызшався до Явдохы, простягъ рукы, щобъ узять Петра.

— Геть! крыкнула Явдоха и одвела ёго рукы; винъ похытнувся и безъ сылы сивъ на лаву, голова упала на груды...

Тыша стояла у хати...

— Чого... чого прыйшовъ? брязнувъ трымтячый голосъ... Явдоха важко дыхала...—Чого? Мало було тяганыны? Мало ще горя наробывъ, мало сорому впало на мою голову? Ты сыдивъ соби, а я робыла, дитей годувала, та лайкы одъ людей слухала!.. Ты знайешъ, яке мойе имья?—Явдоха злодіева, Явдоха каторжна!.. Геть! Иды соби... ще щось мала сказаты, та слова въ горли сталы, мова обирвалась, вона заголосыла.

Диты, почувшы, й соби сталы голосно плакаты... Омелько мовчкы якъ сивъ, такъ и сыдивъ; рукы мовъ бычи повыслы, увесь винъ зразу осунувся, згорбывся...

Знову скрыпнулы двери,.. Омелько здригнувся усымъ тиломъ, якъ хыжый звиръ, хутко оглянувся навколо; очи оббиглы хату, сталы на дитяхъ и винъ знову покирлыво сивъ...

У хату увійшлы соцькый й сторожи.

— Здрастуйте, зъ понедилкомъ будьте здорови, промовывъ соцькый й сивъ на лавци.

— Та се жъ вы, Омелько? спытавъ винъ.

— Я, ось якъ бачете, ледве вымовывъ Омелько...

— Такъ се вы утиклы?

— Утикъ...

— Гмъ...

Тыхо стало, тильки чутно якъ Явдоха хлыпа.

— Гм... чого-жъ се вы утиклы? уже зовсимъ не до ладу запытавъ соцькый. Тутъ Омелько вставъ хутко и голосно промовывъ.

— Чого утикъ? Чого бигавъ два рокы, якъ та звирюка, чого по тыжню не йивъ? А того, щобъ прыбигты до дому, щобъ диты батька не пизналы, щобъ жинка вид... видцура...—голосъ обирвався, не доказавъ.

Зновъ затыхло въ хати.

— Що? стереглы мене? За мною прыйшлы? Ходимъ!.. сказавъ Омелько и хутко выйшовъ зъ хаты, а за нымъ и вси люде...

Тильки що розвыднылось, якъ до волости пидъйихала пидвода и зибралось чоловика зъ пьятнадцять зъ дрючкамы. Изъ волости по схидцяхъ голова и пысарь вели рыштанта Омелька, бо самъ не мигъ иты: ногы въ кайданахъ, а рукы скручени на спыни... Винъ тыхо йшовъ, очи ёго бигалы, винъ дывывся навколо, прыдывлявся у той край, де ёго хата; очи когось шукалы промижъ людей; й того, кого шу-

калы, не знайшлы... Голова похылылась на груды. Ёго посадылы на визъ.

— Рушайте! голосно крыкнувъ голова и перехрестывся; уси перехрестылысь, и визъ тыхо покотывся. Мовчкы пишлы люде...

Сонечко уже пидіймалось: жинкы выганялы худобу до череды, ворота скрыпилы; диткы заспани у одныхъ сорочкахъ выскакувалы зъ хатъ и протыралы очи... Дивчата зъ видрамы биглы до крыныци... Село прокынулось. Люде повыходылы на вулыцю и дывылысь боязко на стороживъ зъ дрючкамы, а середъ йихъ—на понуре, прыхылене тило Омелька. Мовчкы визъ покотывся, мовчкы люде йшлы... Воны вже выйшлы зъ села, вже и греблю перейихалы, й на шляхъ звернулы, и тилько що поривнялысь зъ старою вербою, якъ изъ-за нейи выйшла Явдоха. Вона хутко пидбигла до возу, на ходу поклала клунокъ зъ сорочкамы й хлибомъ и, пахылывшысь, поцилувала звязану руку Омелька...

— Просты мене... тыхо промовывъ винъ; визъ и люде рушылы дали, а Явдоха одна зосталась середъ шляху...

Сонце пиднялось ще выще и ёго красне проминня ласкаво освитыло и вербы зелени, й дали купку людей зъ дрючкамы, и середъ шляху жинку занимилу, одну-одынисеньку, удову...

Дмитрій Марковичъ.

ЗИРКА.

Кругомъ мряка, кругомъ хуега
И морозъ лютуйе
Наганяйе витеръ тучу,
Дерева турбуйе.
Снигомъ билымъ замитайе
Зивьявшійи квиты,
Безъ жалю скризь обрывайе
Лысточки и вити.
Темно, сумно, страшно въ поли,
Не майе дорогы,
Незнайеме поле голе,
Потомылысь ногы.
Тилькы серце не втомылось
Не плаче—спивайе,
Бо хочъ темно, а на неби
Зиронька ще сяйе.

Нехай хмары небо крыють,
Нехай витеръ плаче,—
Вона сяйе—не журюся
Поки йийи бачу.
Поки сяйе, не загасла,
Не загасну въ свити,
Буду знаты, куды иты,
Що мени робыты:
Надо мною ще малою
Зирка та засяла,
Знання свита зъ того часу
Серце забажало.
Поки жыва, все одного
Я бажаты буду:—
Тейи зиркы, того свиту
Повикъ не забуду!
Одного ще тилькы въ зиркы
Щыро-бъ я просыла:
Трошкы свиту, щобъ я й другымъ
Колысь посвитыла...

Днипрова—Чайка.

УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ

по произведеніямъ г.г. Старицкаго и Кропивницкаго.

(М. Л. Кропывныцькый: «Збирныкъ творивъ», кн. I. Онъ же: «Докы сонце зійде, роса очи выйисть». М. П. Старыцькый: «Не судылось»).

Предлагаемая мною статья не представляетъ собою критическаго разбора драматическихъ произведеній гг. Кропивницкаго и Старицкаго. Намъ хотѣлось, на основаніи произведеній названныхъ авторовъ, не входя въ оцѣнку изображаемыхъ ими явленій и типовъ, опредѣлить взаимодѣйствіе различныхъ факторовъ жизни современной украинской деревни и изобразить хотя бы въ общихъ чертахъ внутреннюю ея обстановку.

Два поколѣнія живутъ и дѣйствуютъ теперь въ деревнѣ: одно—молодое, воспитанное на относительной свободѣ, и другое — старое, убѣленное бѣдами, вынесшее на себѣ весь гнетъ крѣпостнаго права.

Этотъ гнетъ не на всѣхъ отразился съ одинаковой силой. Были лица, въ особенности изъ дворовыхъ, которыя, подъ вліяніемъ его, окончательно потеряли нравственную связь съ остальнымъ сельскимъ міромъ; они забыли свое происхожденіе и, подобно барамъ, выработали въ себѣ крайнее презрѣніе къ мужику и ко всему тому, что тѣсно связано съ нимъ. У нихъ тѣ же барскіе взгляды и вкусы, только, конечно, приправленные своеобразнымъ запахомъ «людской». Внѣ панства, и притомъ стараго, они ничего не признаютъ и готовы оправдать всякое барское насиліе, способны, во имя барскихъ интересовъ, на всякое дѣло. Пусть въ результатѣ отъ барскихъ затѣй явится для селянъ потеря чести, добраго имени, или цѣлый рядъ нравственныхъ пытокъ, они не остановятся предъ подобными «пустяками» и твердо рѣшатся исполнить волю пана. Рѣшимость все сдѣлать для баръ вызывается у нихъ какимъ то ревнивымъ отношеніемъ къ прерогативамъ панства, и все, что такъ или иначе затрогиваетъ эти прерогативы, возбуждаетъ въ нихъ ненависть и омерзѣніе. Простота отношеній, которая, волею обстоятельствъ и времени, начинаетъ проникать и въ барскую среду, также глубоко возмущаетъ этихъ вѣрныхъ холоповъ. Они тоскуютъ за «бучнымъ» панствомъ, не дававшимъ никому спуску. «Де те вельможне панство дивалося?»—сожалѣетъ одинъ изъ нихъ:—«и знаку нема, мовъ корова языкомъ злызала! Теперъ, прымиромъ кажучы, му-

жыку волю далы̀, ну, й посида̀. Або ще жыдова та: ну, яки воны паны? Харкнувъ, та ногою ростеръ, та й уже! Сказано — одно Боже попущеніе, скусытельство!» *). Нечего и ґоворить о томъ, что малѣйшая попытка одемократизировать на сколько возможно панство встрѣчаетъ въ нихъ ожесточенныхъ противниковъ. Такъ, лакей Бѣлохвостова, Харлампій, съ ненавистью относится къ Павлу Чебаню, этому «лохмачу», заводящему какіе-то новы́е, непонятные для него порядки, явно указывающіе на «кинець свита». Внѣшнее мужицство панича Михайла не менѣе возмущаетъ его, а любовь панича къ Катрѣ, крестьянской дѣвушкѣ, доводитъ до полнаго остервенѣнія. Онъ издѣвается надъ несчастной дѣвушкой такъ, какъ можетъ издѣваться только рабъ; человѣкъ, сохранившій хоть долю чувства, не способенъ дойти до такого звѣрства.

— «А, це ты тутъ, преподобныце?» озлобленно накидывается онъ на Катрю, подавленную тяжелымъ горемъ. «Чого жъ мовчышъ? позакладало?»

Катря (трусыться, спершысь рукамы на стилъ). Дядьку...

Харлампій. Дядьку! та вже жъ, розумійеться не батьку... Де стара?

«**Катря** (не розбираючы добре). Не знаю...

Харлампій. Не знаю! А зъ паничемъ... знайешъ?

Катря (якось не пры соби). Паничъ! А!!

(* См. «Рада» — «Не судылось», стр. 322.

Харлампій. Свята та Божа! Ну, скойила грихъ тамъ, прогрипылась, значыть, то й крылася бъ уже, сыдила бъ слидственно соби, въ ротъ воды набравшы: зъ панычемъ не велыка й бида; паны бъ не зобидылы: далы бъ тамъ що; знайшовся бъ може и попыхачъ якый, прымиромъ, за якымъ бы голову соби скрыла, а то ще й прындыться! Куды маха? Що соби въ думку забрала? Тьху!

(Катря шыроко дывысься ёму въ вичи, мовъ божевильна).

Харлампій. Чого ты на мене вырячылась? Взявъ бы я васъ, прымиромъ, обохъ зъ матирью-чаклункою, та провчывъ бы въ волости поштытельно, щобъ зналы, якъ господъ панивъ, значыться, чаруваты та зводыты».

На стоны матери несчастной дѣвушки онъ отвѣчаетъ: «Стогне... постогнала бъ ты у мене не такъ!» *).

Такимъ образомъ, его возмущаетъ, что дѣвушка не ограничивается мимолетной интрижкой съ паномъ, осмѣливается мечтать о болѣе серьезныхъ равноправныхъ отношеніяхъ къ нему. Ничего подобнаго не могло совершиться въ прошломъ, и сожалѣніе объ утраченномъ времени овладѣваетъ имъ, когда такъ благородно было, «поштытельно и прекрасно» — съ женщиной, понравившейся пану, не

---

*) См. «Рада»—Не судылось, стр. 342.

церемонились долго, насильно приводили къ нему... Со стороны глядя на этихъ вѣрныхъ холоповъ, видишь какихъ то манекеновъ, а не живыхъ людей, способныхъ мыслить и чувствовать по человѣчески. Таковы то послѣдніе могикане крѣпостничества, доживающіе свой вѣкъ на правахъ лакеевъ у «своихъ» баръ и окончательно, до отупѣнія, обезличенные отжившими порядками.

Совершенно иное дѣйствіе оказало крѣпостное право на селянъ, не имѣвшихъ возможности торчать постоянно на глазахъ у пановъ, наблюдать барскую жизнь, пользоваться ихъ великими милостями, словомъ—на тѣхъ, кто уберегся отъ вліянія барскаго двора. Какъ ни спокойно, повидимому, они вспоминаютъ подчасъ старые годы неволи, но въ этихъ воспоминаніяхъ столько горечи, что становится очевидной ихъ глубокая ненависть къ гнёту и недовѣріе къ панству, развившіяся за время барскихъ ласкъ и насилій. Не одинъ только обязательный трудъ возмущалъ этихъ людей, хотя и онъ доставлялъ немало страданій. «Свойе, бувало, сыплеться, а ты стій та обробляй чуже»—вспоминаетъ старикъ Максимъ «доброе, старое время» *). Но главную массу озлобленія доставляли тѣ насилія со стороны баръ, которыя всегда являлись при столкновеніи интересовъ панства и мужицства. Соскучился баринъ—нужно потѣшить себя, развлечься хотя бы

*) «Доки совце зійде, роса очи выйисть», дѣйств. I.

пѣніемъ,—устраивается пѣвческая капелла. Насильно оттягиваютъ мужика отъ плуга и заставляютъ изъ-подъ палки разучивать различные чувствительные романсы. Закапризничаетъ баринъ—не понравится ему мужицкая рѣчь, кулакомъ заставляютъ его усвоить новую, почтительно обращаться къ барину съ отрадными для слуха словами: «такъ тошно, не могу знать, слушаю-съ, чаво звольте.» И бьютъ при этомъ за мужичье упрямство, да какъ бьютъ! «Розипнуть тебе було, та якъ почнуть хвоськаты, то ажъ ричка навкругы зачервонійе»,—вспоминаетъ Максимъ панскія ласки *). Помимо этихъ насилій были неестественныя издѣвательства надъ личностью и человѣческими чувствами. Изъ-подъ вѣнца насильно уводили молодую въ барскіе покои, заставляли ее сдѣлаться любовницей пана, или возвращали на другой день мужу и принимали при этомъ благодарность за то, что не побрезгали мужицкой женой. Порой, и это являлось особенной милостью, баринъ позволялъ себѣ искренно увлечься крестьянкой, но это увлеченіе продолжалось недолго. «Докы до любови, доты въ шаноби, а якъ остогыдійе, тоди—иды, голубко, куды очи дывляться, та ховайся видъ людей зъ свойимъ соромомъ!» **). «Ховайся» потому, что извѣстныя отношенія встрѣчали оставленную любовницу—«глумъ» и презрѣніе селянъ, доходившее до

*) Ibidem.
**) «Глытай, або павукъ», стр. 75.

того, что ее не принимали ни въ одну честную семью, а въ случаѣ несчастья, болѣзни напр., оставляли одинокой, безпомощной, какъ бы людская помощь ни была необходима для нея. Ей, забытой, презираемой всѣми, оставалось одно: или покончить съ собой, или выйти за перваго встрѣчнаго, «ледащыцю або пьянюгу», чтобы имѣть хоть какойнибудь пріютъ. Но и въ этомъ случаѣ ее ожидало изувѣрство мужа, предъ которымъ она должна была покорно преклониться, потому что, по народнымъ понятіямъ, противъ нея «самъ Богъ», а вѣдь давно извѣстно—«на кого Богъ, на того й люде». А набрасывались эти люди съ жестокостью дикарей: вначалѣ производили надъ провинившейся такую позорную пытку, какъ «винчанне на смитныку», затѣмъ всеобщія оскорбительныя насмѣшки, отсутствіе привѣта и защиты, и въ результатѣ—исковерканная, разбитая жизнь. Дорогою цѣною оплачивалась панская любовь!... Понятно, что предъ такими фактами блѣднѣетъ всякое человѣческое горе; не до счастья было тѣмъ, кто извѣдалъ на себѣ крѣпостной гнётъ, такъ что люди, испытавшіе его, болѣе чѣмъ правы, относясь скептически къ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, мелкимъ страданіямъ и треволненіямъ, какія совершаются въ наши дни. Не сравниться теперешнему горю съ тѣмъ, что пришлось раньше пережить!... Это пережитое скоплялось въ теченіи долгаго времени, подавляюще дѣйствовало на народъ и, понятно, не можетъ быть забыто сразу. Пока, безраз-

личнаго отношенія къ былому не существуетъ. Вотъ почему изображеніе прошлаго введено нашими авторами вовсе не съ цѣлью обличенія заднимъ числомъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, а для того, чтобы между прочимъ выяснить причины недружелюбнаго отношенія мужика даже къ лучшимъ изъ теперешнихъ пановъ.

Наконецъ пора крѣпостнаго права миновала. Выросло и стало дѣйствовать молодое поколѣніе. Оно могло уже свободно примѣнять свои силы къ той или иной работѣ. Но это примѣненіе является свободнымъ только de jure. Непокладистый трудъ съ утра до вечера, надрывающій силы, приносящій жалкіе результаты, едва способный удовлетворить самымъ настоятельнымъ жизненнымъ потребностямъ—такой трудъ не можетъ считаться свободнымъ: онъ подневольный, какъ и въ блаженную эпоху крѣпостнаго права. Иного названія и не можетъ быть дано ему, когда значительную часть своихъ рабочихъ силъ и времени народъ тратитъ не на себя, а на другихъ, и эта трата сопровождается чисто физическими страданіями. «Пече тебе и спереду, и сзаду, и въ середыни, а ты стій, працюй... та не на себе, а на другыхъ»—жалуется Максимъ паничамъ... *) «За шисть день такъ намахався косою, що й не знайешъ—чы кисткы тамъ у тоби у середыни, чы болячкы та

---

*) «Докы совце зійде, роса очи выйисть», дѣйств. I.

пухыри»—сообщаетъ одинъ крестьянинъ другому... *) «Я не дбаю? я не працюю?»—въ отчаяніи восклицаетъ Андрій: — «грудына та спына про те знайе, та оци кистляви рукы!..» **) Неудивительно поэтому, что съ именемъ труда у народа нераздѣльно соединяется понятіе о чемъ-то давящемъ, мучительномъ, такъ что слово «трудъ» часто сопровождается эпитетами: «кривавый, гирькый, тяжкый», и болѣе того: съ нимъ соединяется понятіе о ярмѣ и даже каторгѣ. Жалобы на то, что «цилисенькый день прыходыться товктысь то въ симъ, то въ тимъ, немовъ у каторзи»—раздаются всюду. Такая постановка народнаго труда вызываетъ у интеллигентнаго героя Горнова ***) мучительно-реальную картину народной работы,—какъ въ страшную жару на открытой полянѣ сидитъ загорѣлый, какъ негръ, мужикъ-гречкосій, изнуренный страдой, словно продолжительной болѣзнью; грудь у него широко и часто подымается, будто у подстрѣленнаго орла, глаза воспалены, а вокругъ него гнутся, шелестятъ колосья на чужой нивѣ, какъ бы желая сказать — «годи, сыротыно, спочываты: вставай, ледащо!» Вмѣстѣ съ тѣмъ и у народа временами появляется сомнѣніе: полно, дѣйствительно ли такъ хороша и необходима сама воля, какъ о томъ когда-то мечталось? Не

---

*) «Глытай», стр. 109.

**) Ibidem, стр. 89.

***) «Докы сонце зійде, роса очи выйисть», дѣйствіе I.

лучше ли возвратиться въ прежнюю клѣтку, надѣть на себя прежнее ярмо? Теперь вѣдь такъ тяжело— «гиршъ настало, нижъ за крепацьства!..» У менѣе впечатлительныхъ натуръ вырывается хоть и не столь горькое сознаніе своего положенія, но тѣмъ не менѣе жалобы на то, что тяжело быть вольнымъ и не имѣть воли, еще тяжелѣе тратить свои силы на чужую корысть, «а ще тяжче не знаты просвитлойи годыны и не бачыты краю гирькій праци!.. Побыла вже лыха годына, якъ чужая нива, та позыченый серпъ!.. И невже такъ гнутысь до вику?»*) гнуться за тѣмъ только, чтобы кое-какъ перебиться съ утра до вечера и не имѣть силъ, разъ запутавшись въ долги, выбиться изъ нихъ?..

При такихъ условіяхъ у народа нѣтъ и быть не можетъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ: переживетъ онъ какъ-нибудь этотъ день —хорошо, а нѣтъ— и такъ будетъ, потому что «радощивъ не зазналы, а зъ лыхомъ давно прыятели» и какіе еще пріятели. Но среди этихъ бѣдняковъ появляются любимцы доли—«багатыри».

Эти «багатыри» —въ то же время и самодуры, идущіе въ разрѣзъ съ интересами деревни. Для нихъ, какъ и для великорусскихъ самодуровъ, все ни почемъ: на первый планъ ставятъ они свою волю и свое желаніе; противодѣйствіе этому желанію дово-

---

*) «Глытай», стр. 110 и 89.

дитъ ихъ до неистовства. Подобно Большову, они вправѣ сказать: «ты что мнѣ за указъ? — хочу съ кашей съѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю!» Таковы обыкновенно нѣкоторые кулаки-міроѣды и тѣ изъ «багатырскыхъ сынкивъ», о которыхъ, примѣняя стихъ Некрасова, можно сказать, что «ихъ наслѣдье отцевъ освободило отъ тяжкихъ трудовъ».

Происхожденіе такого самодурства у богатаго парня крайне просто: работать ему не для чего, а между тѣмъ тоска забираетъ сидѣть безъ дѣла на одномъ мѣстѣ. Двинется онъ куда-нибудь, всѣ заняты, всюду встрѣчаютъ его вопросомъ: «гульвисо, чому не робышъ?» а провожаютъ явной враждой или насмѣшкой, и остается ему одно: отправиться въ деревенскій клубъ, т. е. кабакъ, гдѣ онъ всегда найдетъ веселую компанію, встрѣчающую его съ подобострастіемъ, какъ богатаго сынка. Кабацкіе завсегдатаи изъ-за чарки водки ухмыляются предъ каждымъ словомъ «багатыря», льстятъ ему въ глаза и за глаза. Въ силу этой лести, подобострастія, постепенно вырабатывается у человѣка болѣзненное самолюбіе, доходящее у натуры страстной до самообожанія, далѣе развивается нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, если они идутъ въ разрѣзъ съ его собственными, и, наконецъ, какъ слѣдствіе такой нетерпимости, является любовь къ насилію. Таковы многіе изъ героевъ пьесъ г. Кропивницкаго: Мартынъ Хандоля, Бычокъ («Глытай»), Панасъ Гурынъ («Помырылысь») и, въ особенности, Мыкыта («Дай

сердцю волю, заведе въ неволю») — изъ ихъ числа.

Для «багатыря»—самодура ни почемъ установившіеся взгляды: Мыкыта, вопреки обычаю, изъ-за личной прихоти, компрометируетъ дѣвушку, заходя къ ней, какъ женихъ, на что не имѣетъ по обычаю никакого права. Онъ игнорируетъ «товарыствомъ» и такъ гордо, какъ и подобаетъ «багатырю», за то, что оно, желая оградить чистоту своихъ вечорницъ, рѣшило не принимать туда какой-то Соломіи, «бо вона ыноди таке неподобне зплеще, що й парубкови соромно, не то, що дивци». Такое противорѣчіе общимъ интересамъ является у самодуровъ не въ силу глубокаго убѣжденія въ ихъ непригодности, а просто такъ себѣ—стихъ такой нашелъ, настроеніе такое явилось. Всѣ поступки ихъ въ жизни зависятъ исключительно отъ этого настроенія; это—люди каприза, минутнаго увлеченія. Понято, что вѣрить самодурамъ невозможно, какими бы увѣреніями ни сопровождали они свои обѣщанія. Не разъ Мыкыта обѣщаетъ Марусѣ измѣнить свои отношенія къ ней, а поступаетъ какъ разъ наоборотъ: «зневажа винъ мене, гордуйе мною»—жалуется та подругѣ,—«передъ усымъ мыромъ знущайеться надо мною й глузуйе мыни у вичи!» *). А между тѣмъ въ тяжелую минуту личнаго горя этотъ же Мыкыта клянется, чѣмъ только

*) «Дай сердцю волю, заведе въ неволю», стр. 42.

можетъ, что женится на Марусѣ, и чрезъ минуту, конечно, забываетъ свою клятву.

Болѣе постоянными являются нѣкоторые изъ деревенскихъ самодуровъ въ личной ненависти къ людямъ. Намѣтитъ себѣ такой самодуръ со скуки, отъ нечего дѣлать, какую нибудь личную цѣль для своего удовольствія, начнетъ стремиться къ ней, встрѣчаетъ противодѣйствіе своимъ стремленіямъ, насмѣшки села; самолюбіе его задѣвается, минутами даже очень рѣзко; вспыхиваетъ ненависть къ людямъ и явленіямъ, ненависть, которая, подъ вліяніемъ времени и обстоятельствъ, можетъ разростись у человѣка нервнаго, каковъ, напр., Мыкыта, до колоссальныхъ размѣровъ. Не въ мѣру развитымъ болѣзненнымъ самолюбіемъ и можно объяснить крайнее, нечеловѣческое ожесточеніе Мыкыты противъ всего и вся, ожесточеніе, доведшее его до могилы. Полюбилъ онъ Одарку не за ея личныя качества; просто, приглянулось ему эта дѣвушка; почему же и не поволочиться ему, дукѣ—багатырю?—вѣдь это разнообразитъ начинающую пріѣдаться жизнь, да и лестно: пусть поговорятъ, что вотъ, молъ, каковъ онъ молодецъ—свелъ одну дѣвушку съ ума, сводитъ и другую. Не предполагалъ онъ встрѣтить отпора своему ухаживанію. Оказалось иное: вмѣсто вниманія, онъ встрѣчаетъ презрѣніе со стороны дѣвушки, «глумъ товарыщивъ», пересуды деревенскихъ кумушекъ, удивляющихся тому, что «дука—багатырь зъ жыру дурійе». Деревня подсмѣивается надъ его за-

пскиваньемъ и зарождающейся любовью, а насмѣшекъ онъ не выноситъ; страсть къ дѣвушкѣ увеличивается, разгорается и ненависть къ людямъ, противодѣйствующимъ ея развитію. Въ пору такого развитія самодуръ узнаетъ, что дѣвушка любитъ другаго, и всю силу своей ненависти онъ обращаетъ на соперника: третируетъ его свысока, какъ бѣдняка, «обшарпанця» и при личныхъ встрѣчахъ, и, въ особенности, предъ Одаркой.

— «Багатырь!—озлобленно восклицаетъ онъ:—якъ же вы до виньця, у хургони пойидете, чы на волахъ?

Одарка. Пидемо й пишкы! «Пишкы, кажуть, нема замишкы!».

Мыкыта. Воно й безпечнице! Ато якъ баскыхъ коней запряжете, то щобъ не перекынулы, та не покаличылы... Ай гарный же якый ставъ Семенъ, мовъ намалёваный!..

Одарка. Еге-жъ! Мабуть маты у любыстку купала.

Мыкыта. Лыце мовъ высмоктане, а очи якъ баньки!.. Вже й говорыты трохы, навчывся, а першъ було усе мовчыть.

Одарка. «Хто мовчыть, той двохъ навчыть»!

Мыкыта. А звисно! Внпъ такы вылюднійе!.. Розумный парубокъ, тамъ такый розумный, якъ дядынына курка: що знесе яйце, той кудкудахка!.. И такый вже тыхоня, хочъ проты шерсты его гладь, не вкусе! покирный, мовъ той ледачый цуцыкъ: хочъ на хвистъ ёму наступы, то й не пысне! *).

*) Ibid. стр. 20.

Такимъ злостно презрительнымъ отношенiемъ къ Одаркѣ и ея любви самодуръ добиватся двухъ цѣлей—униженiемъ соперника удовлетворить свою ненависть къ нему и, въ особенности, добиться разрыва между нимъ и любимой дѣвушкой.—«Хочъ бы я мавъ и душу свою занапастыты»—озлобленно восклицаетъ Мыкыта, «а не попущу щобъ надо мною узявъ верхъ отой обшарпанець, голодранець!»*). Разрывъ не удается; дѣвушка по-прежнему продолжаетъ любить другаго, котораго поддерживаетъ также и деревенская молодежь, какъ искренняго, честаго товáрища, и вотъ выработывается крайняя ненависть къ этой молодежи, зараждается ненависть къ самой Одаркѣ, осмѣлившейся предпочесть его «дуку—багатыря», другому, бѣдняку. «Знайете, титко»,—говоритъ Мыкыта въ минуту откровенности:—що ыноди щось на мене таке находыть, що здайеться колы бъ моя сыла, то я бъ усихъ людей поризавъ; а Одарку розчавчывъ бы, мовъ ту гадыну, на шматкы бъ йiии роздеръ **). Дальнѣйшее развитiе неудовлетворенной любви и ненависти приводитъ къ попыткѣ убить соперника и именно потому, что «люде все знають, смiються, глузують, зневажають». значитъ необходимо удовлетворить поруганное тщеславiе. Попытка не удалась, и на сцену является не сожалѣнiе о неудачѣ, тѣмъ болѣе не раскаянiе, а все то же болѣзненное, дове-

*) Ibid. стр. 24.
**) Ibid. стр. 24.

денное до края самолюбіе. «За що вы надо мною знущайетесь?» — обращается онъ, послѣ покушенія, къ схватившимъ: — «лучше утопить мене, або вбыйте!» *).

Въ несчастьи, каковымъ для самодуровъ является бѣдность, болѣзненная подозрительность къ людямъ, развившаяся въ эпоху «багатырства», доводитъ ихъ до того, что они не вѣрятъ въ участіе людей, ихъ искренность и прямоту. Нужда страшитъ багатырей; они сами донимали, чѣмъ могли, бѣдняка и предполагаютъ и въ другихъ такое же отношеніе; имъ кажется страннымъ, невѣроятнымъ, какъ можно сочувствовать несчастному: надъ нимъ позволительно только смѣяться, изощрять свое остроуміе, а не соболѣзновать его положенію. Если такому самодуру приходится обнищать, онъ, вспоминая собственныя отношенія къ голытьбѣ, ожидаетъ отъ людей не помощи и любви, а ѣдкихъ насмѣшекъ, злорадства. Тутъ то онъ *впервые* узнаетъ человѣческое горе, и у него вырывается болѣзненный крикъ, какъ у арестанта—Мыкыты, узнавшаго, что все его добро погибло и что онъ нищій: «смійтеся-жъ, глузуйте! Перѐдъ вамы стойить багатый Мыкыта!.. багатый, що майе одну сорочку, та й ту латка на латци!.. Жахайтесь ёго, якъ чумы!..» **)

Въ презрѣніи самодуровъ къ людямъ, въ ихъ оскорбленіяхъ и недовѣріи сказывается одно: сытое

*) Ibid. стр. 48.
**) Ibid. стр. 60.

довольство обезпеченныхъ полудикихъ людей, которые труда не испытываютъ, разумнаго наслажденія не понимаютъ, амежду тѣмъ силы ихъ требуютъ, чтобы ихъ какъ нибудь проявить, и они эти силы проявляютъ: развлекаютъ себя—«куражатся» при случаѣ надъ другими людьми, благо эти люди такъ безпомощны, что не могутъ оказать протеста глумленію и насилію, молча сносятъ всякое оскорбленіе. А въ тѣ минуты, когда народъ задумается надъ своимъ положеніемъ, начнетъ высказываться, въ его рѣчахъ слышится одинъ только стонъ, подчасъ злая иронія. «Спивайте! танцюйте, щобъ жывитъ обдурыть»—говоритъ Стеха, обращаясь къ молодежи:—«бо дома злыдни чекаютъ!.. Повечеряйете хлиба, та воды зъ хлибомъ, подякуйете Господеви за Его щедру мылость до насъ, и выйдете на вулыцю, и зновъ заспивайете и загукайете и злыдни забудуться. Жывучый людъ, жывуча молода сыла: хлибъ та вода—отъ и вся йида! Завтра зновъ за тяжку працю: на гаряче сонце, на спеку, спыну гнуты, ниженькы томыты, рученькы мозолыты, кривавымъ потомъ умыватыся!.. Веселе жыття!..» *).

Настаетъ нужда и вновь гонитъ къ тому же кулаку-міроѣду. А таковымъ съ давнихъ временъ у насъ, на Украйнѣ, является еврей. Ловкій проныра и льстецъ, гдѣ это необходимо, еврей болѣе чѣмъ кто-либо способенъ примѣниться къ новымъ жиз-

*) «Глытай», стр. 118.

неннымъ условіямъ, сообразовать съ ними свои дѣйствія и отношенія. Честь онъ отожествляетъ съ выгоднымъ гешефтомъ; по его мнѣнію честенъ тотъ, кто «соби ганделюетъ, та нихто ему не сказитъ, што онъ это укралъ» *)... При такомъ воззрѣніи, понятно, для еврея простительны многія средства наживы, какъ бы унизительны они ни были: изъ-за наживы онъ готовъ валяться въ ногахъ пьянаго самодура и при этомъ льстить тому, кто его унижаетъ; ради нея онъ не брезгалъ своеобразными уловками и въ блаженную эпоху крѣпостнаго права, а теперь, когда борьба за жизнь обострилась, тѣмъ болѣе. Въ ту эпоху генделевать было легче: мужикъ былъ проще, меньше было конкуррентовъ; теперь не то—соперниковъ масса, мужикъ осторожнѣе; по неволѣ приходится изыскивать новыя средства для того, чтобы ловче облопошить «сиволапа», и изыскиваютъ. Пути оказываются весьма разнообразны: пьяному мужику подаютъ для подписи чистый вексельный бланкъ, чтобы потомъ написать на немъ желаемую сумму; вступаютъ въ сношенія съ «аблакатами» и, ссоря между собою крестьянъ или подбивая ихъ на мелкія преступленія, нагрѣваютъ руки; предлагаютъ наконецъ раззорившемуся помѣщику рядъ совѣтовъ для вящаго объегориванія мужика **). Къ общему удовольствію цѣль достигается,

*) «Помырылысь», стр. 194.

**) «Не судылось», стр. 282.

—объегориваютъ: вѣдь на ихъ сторонѣ хитрость и умъ, а, при столкновеніи съ такими силами, мужикъ, какъ олицетвореніе невѣжества и относительной простоты, понятно, долженъ страдать.

Рядомъ съ кулакомъ-евреемъ обосновался и развивается кулакъ-мужикъ, развивается потому, что «хто грошовытый, того уси почытають и шанують... Онъ, хочъ-бы й твій батько»,—обращается мать къ дочери: «покы бувъ убогый, то нихто ёго не знавъ, нихто ёго не бачывъ, а якъ розбагативъ, то де ти прыятели узялысь! То бувъ соби Панасъ, та й годи, а тепера вже перехрестылы ёго у Ахванасія» *)... Понятно, что всякому желательно достичь подобнаго почета, и разъ онъ зависитъ отъ денегъ, необходимо пріобрѣсть ихъ, какъ можно болѣе, не разсуждая много о способахъ, къ тому-же они болѣе или менѣе извѣстны: съ давнихъ поръ ущитывали мужика при работѣ, гдѣ только можно и какъ можно, брались съ него невѣроятные проценты и неустойки, —почему-жъ и мужику-кулаку не прибѣгнуть, къ такимъ-же средствамъ? На людяхъ, говорятъ, и смерть красна, а здѣсь далеко не о смерти идетъ рѣчь, а о «копытали», и, глядя на другихъ людей, выжимаютъ сокъ изъ народа свои же «заможни люде». Прочтите то мѣсто изъ водевиля «Помырылысь», гдѣ Степанида разсказываетъ дочери о томъ, какъ

*) «Помырылысь», стр. 181.

они разбогатѣли, и вы поймете, до какого разнообразія можно дойти въ выработкѣ средствъ наживы. На неиспорченную натуру Оксаны разсказъ наивной матери дѣйствуетъ такъ, что она въ ужасѣ восклицаетъ: «а Господь же мылосердный усе те бачыть, не вже Винъ не покарайе васъ?» Но на такой вопросъ существуетъ обычный отвѣтъ: «хиба мы не щыро Господеви молылысь? Онъ ажъ чотыри лампадкы що праздныка и що недили горять. А за для чого то? За для того, щобъ заробыть спасенія души, онъ якъ! А скилько мы тратымось для Бога, и на олыву, и на свичи... А бо й попови мало дайемо, чы на молебствійе, чы на панахыду? Ось и цёго року, якъ святылы царыну, то далы попови мишокъ борошна и такъ зерномъ усякого хлиба. Ще я зъ свойихъ рукъ дала ёму карбованьця и пивъ—руна ярячойи вовны. Хочъ бы й булы яки грихы, то вже мы йихъ замолылы. Ты бъ подывылась на батька» —говоритъ далѣе Степанида:—«якъ винъ стойить у церкви, та цилисечку обидню сердешный выхытайе головою, та усе молытвы шепче... Ажъ питъ зъ нёго льеться» *). Грубо-утилитарный взглядъ на божество вызывается не одними только укорами совѣсти и боязнью, но и стремленіемъ нажиться еще болѣе, такъ какъ извѣстно, что «Господь всимъ допомогайе, хто щыро Ёму молыться». Въ послѣднее

*) Ibid., стр. 184.

время для большаго обогащенія, помимо извѣданныхъ средствъ, молитвъ и приношеній явилась необходимость найти новые пути. Страсть къ наживѣ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, народъ бѣднѣетъ, порой задумывается, оглядывается на свои отношенія къ окружающимъ, начинаетъ понимать гнетъ кулака. Такимъ образомъ, жизнь заставляетъ прибѣгать къ особымъ, такъ сказать экстраординарнымъ мѣрамъ, съ цѣлью захватить народъ въ свои руки. Вотъ почему долженъ былъ появиться кулакъ, выработавшій крайне тонкія средства наживы; время, конечно, и выработало его. Крайнимъ представителемъ такого типа кулака, кулака новѣйшей формаціи и является «глытай або павукъ». Прежде всего глытаю предстоитъ устраненіе конкуррентовъ, какіе существуютъ въ селѣ. Соперникомъ могъ явиться всякій «заможный чоловикъ», такъ какъ страсть къ деньгамъ, какъ къ средству имѣть «чого схочу и зможу», становится всеобщею. Эта страсть увеличивается по мѣрѣ того, какъ человѣкъ узнаетъ силу и значеніе денегъ. «На що жъ и гроши, на бисового батька воны, колы за ныхъ не можна купыты весь свитъ?» *)—таково мнѣніе Глытая. И начинаютъ кулачествовать «заможни люде». Кулакъ отлично понимаетъ опасную конкурренцію, представляемую ими, добивается устраненія ея. Съ

*) «Глытай», стр. 97.

этой цѣлью необходимо обезсилить «зажиточныхъ людей» матеріально и нравственно, что и достигается различными средствами. Глытай вкрадывается въ довѣріе къ человѣку, исподоволь пріучаетъ его пить, и такъ какъ «горилка ласый напытокъ, звеселя духъ и надайе одвагы чоловикови и смилости»,—поддерживаютъ въ немъ эту искусственную отвагу и смѣлость. Постепенно вырабатывается изъ «заможного чоловика» пьяница; онъ не можетъ во время одуматься—глытай не даетъ «до розуму дойты». Опускается этотъ человѣкъ все ниже и ниже; хозяйство его переходитъ къ глытаю, а самъ онъ, подобно Мартыну, кончаетъ гдѣ-нибудь въ кабакѣ. Опасный соперникъ устраненъ. На натуры болѣе крѣпкія и положительныя глытай дѣйствуетъ иначе: «на сходци скаже слово, та ще якъ зъ Іванголыя додасть, такъ вси и замовкнуть, неначе йимъ роты позашпаровувало» *). Бываютъ, конечно, и такіе случаи, когда ни матеріальнымъ, ни нравственнымъ давленіемъ невозможно устранить соперника; тогда пускаются въ ходъ обычные дипломатическіе пріемы заклятыхъ враговъ, находящихся во временномъ перемиріи—обоюдная лесть, взаимныя угожденія и въ то—же время зоркое подсматриваніе другъ за другомъ,—авось одна изъ воюющихъ сторонъ откроетъ свои слабыя мѣста, на которыя и возможно будетъ сдѣ-

*) Ibid., стр. 112.

лать нападеніе. Тѣми или другими дѣйствіями соперники или совершенно устраняются или доводятся до minimum'a. Остается начать работу. Но народъ бѣденъ, недовѣрчивъ, самъ если и идетъ къ кулаку, то въ особенно тяжелыя минуты; необходимо и здѣсь, такъ сказать, проторить новые ходы. Такими путями оказывается заискиваніе предъ народомъ, забѣганье впередъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, громкое самовосхваленіе личныхъ подвиговъ. Заболѣетъ у кого-либо ребенокъ, кулакъ, какъ «знахарь и ворожбытъ», является къ больному и «отходе хлопця», и тутъ-же, съ обычными сожалѣніями о народной бѣдности, предлагаетъ грошей «на видробитокъ»; прійдетъ къ другому, «дитвора такъ и врыйе ёго: тому медовыка дасть, тому бублыка, инчому копійку». Глупые отцы, какъ ни недовѣрчиво относятся къ кулаку, смягчаются и попадаютъ въ тѣ сѣти, откуда такъ труденъ выходъ,—«бо якъ прыйшлося видробляты, такъ я теперъ тильки чухаюсь у потылыци, та мовчу» — жалуется одинъ крестьянинъ другому: — «мабуть, достанеться батькивщына и дитямъ, и онукамъ» *). Полегоньку да понемногу, село оказывается въ рукахъ кулака. Онъ распоряжается произвольно своими кліентами, забираетъ худобу, одежыну «щобъ не пропывъ та не росточывъ; а якъ роздобудешъ грошей, прынесы и

*) Ibid., стр. 111.

тоди забирай свойе добро»; даетъ работу должникамъ когда захочетъ; видитъ, что человѣкъ начинаетъ выпутываться изъ кабалы, новыми долгами вплутываетъ его и доводитъ до полнаго раззоренія,—да и какъ не раззориться, когда «за сорокъ, та ще сорокъ, та трынадьцять прыходыться платыть—безъ двохъ пивтораста!».. Село въ рукахъ кулака; паутина раскидывается далѣе—необходимо оплутать и сосѣднія села. Глытай знаетъ, что лучшимъ средствомъ для этого является добрая молва, и возбуждаетъ онъ ее «позыкою на вичне отдання» какомунибудь «обшарпанцю», отлично понимая, что за деньги да за обѣдъ, которымъ кулакъ не преминетъ его угостить, «оттакый харпакъ и почне славыты, що ось якый Ёсыпъ сердечный чоловикъ! Люде й кынуться до нёго за тійею позыкою, якъ до прычастя: и паны и мищане и зъ нашого братчыка хазяйны, та дукари, а ёму цёго тильно й треба» *)... Не ограничиваясь этимъ, кулакъ пускаетъ въ ходъ и собственные отзывы о себѣ—о своихъ добродѣтеляхъ, честномъ имени, христіанскомъ житьѣ, чувствуя, что и они при случаѣ окажутъ вліяніе на довѣрчивыя сердца, кричитъ о своихъ милостяхъ даже для тѣхъ, «хто на ёго бисомъ дывыться». Въ этомъ отношеніи глытай далеко сообразительнѣе Тургеневскаго «Дурака». Тотъ только ругаетъ другихъ, велича-

*) Ibid., стр. 111.

ственно заканчивая ругню пошлѣйшимъ восклицаніемъ — «вы отсталый человѣкъ!» и достигаетъ своего, а этотъ сопровождаетъ жалобы на людскую недовѣрчивость къ нему варіаціями на тему, что онъ всегда и вездѣ помнитъ Бога, «черезъ що у нёго и сердце таке прыязне до людского клопоту», и, понятно болѣе выигриваетъ. Не всегда, конечно, подобныя уловки и самовосхваленія приводятъ къ цѣли: и въ деревнѣ найдутся люди, которые, или по своей гордости, или потому, что отлично раскусили кулака, скорѣе согласятся умереть съ голоду «або удавыться, нижъ попросыть»; для такихъ употребляется, какъ послѣднее средство, усиленная, даже слезная просьба—не отказаться и взять деньги. Человѣкъ беретъ и погибаетъ: глытай не отпуститъ его, пока не высосетъ все, что только возможно. «Добрый ты чоловикъ, Ёсыпе,» желчно восклицаетъ одинъ изъ облагодѣтельствованныхъ имъ:—«тилько не впадайся тоби въ рукы: жывцемъ облупышъ! Ты допомогавъ мени и радывъ, спасыби тоби, докы не скрутывъ мене, мо̂въ налыгачемъ, твойею позыкою! » *).

Народъ собственно понимаетъ, что, разъ запутавшись въ сѣтяхъ подобнаго кулака, ему трудно вырваться изъ нихъ и—въ глаза немногими, а за глаза чуть не всѣмъ селомъ—произноситъ не особенно-то отрадные отзывы: что кулакъ можетъ «утопыть чоло-

*) Ibid., стр. 89.

вика», что не нужно ему вѣрить, что онъ деретъ со всякаго, «якъ зъ ридного батька», что онъ грабитъ безъ суда, что въ общемъ, наконецъ, современное положеніе народа значительно горьче, чѣмъ «за крепацьства, бо тогди тилько панови вклонявся, а теперъ мусишъ и постолови; зъ першу жыды тилько насъ обдыралы, а теперъ вже й свойи, хрещени люде почалы грабувать! Теперъ такъ настало, у кого гроши, той и панъ!» *). Подобныя мнѣнія въ соединеніи съ проклятіями народа доходятъ до кулака, «бо въ нёго скризь йе вуха», и нельзя сказать, чтобы онъ относился равнодушно или съ презрѣніемъ къ такому положенію дѣлъ; напротивъ, отзывы народа очень чувствательны для него и не потому, чтобы затрогивали его нравственно—пустяки какіе! развѣ глытай можетъ волноваться нравственными оскорбленіями?—а потому, что отъ глубокаго проникновенія такихъ взглядовъ въ массу, можетъ пострадать его карманъ. И паукъ борется противъ подобныхъ мнѣній: обзываетъ своихъ недруговъ «недолюдкамы, которымъ ёго честне имення завадыло гиршъ болячкы, черезъ те й пащыкують» **). Въ то же время онъ противупоставляетъ подобнымъ отзывамъ свою богобоязненную жизнь, способность и твердое намѣреніе и впредь помогать «кожному бидоласи», какъ бы его, паука, не лихословили. При

---

*) Ibid., стр. 110.
**) Ibid., стр. 69, 70.

этомъ онъ отлично понимаетъ, до какой бы степени самосознаніе народа не возрасло, мужику трудно избѣжать «гирькойи недоли» —кулацкихъ лапъ. «Прійдутъ и станутъ просить, какъ ни клянутъ» —раздумываетъ онъ: «нужда не свой братъ—доведетъ и до тюрьмы или сумы, не только до просьбы о помощи». Выходитъ: не удается теперь привести въ зависимость кого-нибудь изъ своихъ лиходѣевъ, удастся потомъ, а все таки онъ добьется своего; и при настойчивости, понятно, добивается. Активнаго отпора паукъ ни отъ кого и ни откуда не получаетъ: «старшына у нёго пидъ пьятою, становый—кумъ та ще й пидъ пахвою, а судья—свій чоловикъ, не малу суму взявъ у позыку.» Въ крайности, если дойдетъ дѣло до суда, свидѣтелей можно поставить, какихъ угодно, и сколько угодно. Неудивительно, что паукъ способенъ «вытягты жылы, щастя надламать, сердце кровію облыть, слизъ обпытысь» у тѣхъ, кто находится въ полной зависимости отъ него *).

Эта новая экономическая и нравственная зависимость отъ кулаковъ, при посредствѣ которой народъ мечтаетъ поправить свое бѣдственное положеніе, оказывается болѣе тяжелой, чѣмъ пережитый имъ крѣпостной гнётъ. Тогда не было сознанія, что ты лично свободенъ, можешь располагать собою, какъ хочешь; теперь это сознаніе явилось, но вмѣстѣ съ

---

*) Ibid., стр. 89.

нимъ явилось и другое—что воли нѣтъ, ибо свои силы изнуряешь для другихъ, «не знаейшъ просвитлойи годыны и не бачышъ краю гирькойи працы». Горечь этой работы усугубляется сознаніемъ, что ею не выгонишь бѣдности изъ своей семьи, не избавишься отъ долговъ, что, уничтоживши одну петлю, давящую тебя, прійдется залѣзть въ другую, пожалуй, болѣе тѣсную: въ трудныя минуты снова идти къ кулаку съ поклономъ или сдѣлаться мѣстнымъ наймытомъ, или, наконецъ, отправиться «на заробитки» въ чужую сторону, и все таки въ результатѣ остаться такимъ же «бидолахою, котрого тилькы той не скубе, хто не хоче!»..

Тѣмъ не менѣе заработки меньшимъ гнётомъ ложатся на мужика, чѣмъ зависимость отъ глитая, и люди съ силами чаще прибѣгаютъ къ нимъ, чѣмъ къ кулацкой помощи, какой бы выгодной не представлялась послѣдняя. Отправляются на заработки или въ городъ, или въ деревню. Городъ производитъ неотразимое впечатлѣніе на деревенскаго мальчика, отданнаго «на выучку», своимъ внѣшнимъ блескомъ, обычаями и порядками, далеко не похожими на тѣ, какіе онъ привыкъ видѣть въ деревнѣ. Какою жалкою кажется ему деревня съ ея обитателями сравнительно съ роскошью городской жизни! Здѣсь такъ богато все, такъ шумно и весело, а тамъ тишина, жалобы «на гирку недоленьку», порой незнанье, какъ пережить трудную зиму. Зарождается у ребенка недружелюбное отношеніе къ

родной деревнѣ; оно увеличивается, благодаря вліянію горожанъ, презрительно относящихся къ мужику, его рѣчи и быту. Часто приходится мальчику слышать злобно-презрительныя выраженія: «мужикъ— хамло, мазепа», словомъ, тѣ выраженія, какія не безъизвѣстны и намъ съ вами, читатель, по личному употребленію,—и самъ онъ начинаетъ такъ думать о народѣ; родная рѣчь является для него, какъ и для другихъ горожанъ, признаками невѣжества и грубости; мальчикъ стремится сдѣлаться образованнымъ кавалеромъ, чтобы отличаться отъ деревенской «толпы», силится выучиться иному, образованному языку, «полытышному» разговору, одѣваться, какъ образованные люди, чтобы его самого не считали «хамомъ, мазныцею»; стремится, наконецъ, выработать въ себѣ иныя понятія и взгляды, не тѣ глупые, какіе существуютъ въ селѣ, а тѣ, которые господствуютъ въ хорошей компаніи мастеровыхъ, усвоившихъ «увесь термынъ». Понимаетъ деревенскій юноша, окончившій городскую науку, преимущество «сорочокъ зъ манишкамы, дзегетовъ», сапогъ на высокихъ подборахъ предъ мужицкимъ костюмомъ, «романцовъ»— предъ «хохлацкымъ ораньемъ». «порядочнаго обхожденія»—предъ мужицкимъ «базиканнемъ»,—словомъ преимущества всего того, чѣмъ характеризуется нашъ городской ремесленно-рабочій классъ. Такимъ образомъ, усваивается внѣшняя сторона культурной жизни, въ миніатюрѣ повторяется то, что произло съ русскимъ обществомъ въ эпоху преобразованій Петра,

когда оно столкнулось съ западно-европейской жизнью. Въ концѣ концовъ получается типъ отрицателя родныхъ порядковъ не во имя высшихъ умственно-нравственныхъ идеаловъ, а просто потому, что эти порядки кажутся смѣшны и нелѣпы сравнительно съ тѣми, какіе пришлось увидѣть въ иной «высшей» средѣ—въ городѣ.

Возвращается такой человѣкъ на родину и начинаетъ проводить свои внѣшне-цивилизаторскіе взгляды на жизнь, оставаясь въ душѣ такимъ же варваромъ, какъ и среда, выработавшая въ немъ внѣшнюю отполированность. Такимъ именно проходитъ предъ нами во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ Гордій Поваренко, городской швецъ (въ драмѣ «Доки сонце зійде»). Продуктъ низменныхъ городскихъ вліяній, онъ является въ деревню съ цивилизаторскими замашками «образовать» другихъ на тѣхъ началахъ, какіе самъ получилъ въ опошляющей обстановкѣ мастерскихъ да «промынаживъ».

Впрочемъ, нравственное паденіе личности подъ вліяніемъ массы различныхъ условій заурядъ совершается въ деревнѣ. Вотъ «заможный чоловикъ», опутанный кулакомъ, постепенно опускается до того, «що зводыться ни на-що: жыве у шынкаря за попыхача зъ десятойи чаркы» и изъ-за чарки подводитъ родственницу къ разврату. Правда, въ немъ иногда пробуждается сознаніе, честно-ли онъ поступаетъ? но онъ старается залить пробужденіе тою же водкой, твердя—«дурныця все: честь, честне

жыття; жывы тимъ, що сегодня йе!»... *) Другіе, сознавая, что не устоишь, прійдется пасть нравственно, прибѣгаютъ къ сдѣлкѣ съ совѣстью и падаютъ. Такова несчастная Стеха («Глытай»), продающая свою дочь кулаку. Вначалѣ она и слышать не хочетъ о позорной сдѣлкѣ, гнѣвно восклицая: «и що жъ бы то я була за маты, щобъ пхала свою дытыну на поталу, та на покволъ людямъ, на глумъ усёму хрещеному мырови?» Но потомъ страхъ предъ холодомъ и голодомъ низводитъ ее до того, что она совѣтуетъ Оленѣ не противиться—отдаться кулаку, потому что «кращe, якъ хата добре вкрыта, а свыта гарно шыта, нижъ жытте по пидъ тынню, краще соромъ, нижъ голодна смерть!» **)

И только наиболѣе цѣльныя натуры—а много ли таковыхъ?—сохраняютъ среди подавляющей бѣдности и постояннаго «наймытства» свою нравственную самостоятельность, широкую доброту, подъ вліяніемъ которыхъ и способны на полное самоотверженіе. Таковъ Иванъ Непокрытый въ драмѣ «Дай сердцю волю». Живой, впечатлительный, съ постоянной пѣснью на устахъ, то веселой и удалой, то ноющей и хватающей за душу, безукоризненно-честный до того, «що колы бъ я почувъ про тебе (товарища Семена) недобру славу, то вже на цимъ свити не побачывъ бы ты мене»,—Иванъ является истиннымъ

*) «Глытай», стр. 108.
**) Jbid., стр. 81, 93.

представителемъ неиспорченнаго украинскаго парубоцства. Каламбуристъ и шутникъ, онъ душа деревенской молодежи, инициаторъ ея гульни и шалостей; но, среди чисто дѣтской удали и шутовства, у него проглядываетъ тонкій умъ, способный живо подмѣчать явленія сельской жизни и клеймить тѣ изъ нихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ обычаями села или требованіями товарищества. Онъ позоритъ Мыкытынаго отца за то, что «усихъ людей могорычивъ, щобъ ёго обибралы за старшыну», не даетъ спуску самодуру Мыкытѣ, донимая его, чѣмъ только можетъ, во имя общихъ интересовъ; но, видя Мыкыту несчастнымъ, искалѣченнымъ и тѣломъ и душой, онъ же поддерживаетъ его, укрѣпляетъ нравственно. Людское насиліе и неправда не ожесточаютъ его временно, а заставляютъ исподволь вести противъ нихъ глухую борьбу, словесную, посредствомъ насмѣшекъ, намековъ или открытаго обличенія. Еще «за крепацьства» онъ бѣжалъ въ Бессарабію. Здѣсь, конечно, ему пришлось вынести много горя и страданій, заставляющихъ другихъ сжаться или безмѣрно ожесточиться противъ людей; на его же впечатлительную натуру личное горе подѣйствовало иначе: извѣдавъ многое на себѣ, онъ сталъ сочувствовать дѣйствіямъ слабыхъ, полюбилъ ихъ и, въ особенности, сиротъ. «Якъ побачыте колы сыротыну», говоритъ онъ, прощаясь съ своимъ побратимомъ и его женой:—«то пошануйте й нагодуйте йийи, якъ батько дытыну. Сыроты—то моя ридня. Я за нымы по всякъ

часъ пеклувався и побывався, я плакавъ зъ ными... плакавъ, та й тилько!» *) Такимъ соболѣзнующимъ чужому горю человѣкомъ Иванъ остается на всю жизнь, а соболѣзнуетъ онъ людямъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ,—идетъ за другаго въ солдаты, потому что этотъ другой «николы ёго и ни въ чимъ не скрывдывъ, николы худого слова не сказавъ». Такая натура менѣе всего задумается надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, нищетой и одиночествомъ, хотя временами, среди шутокъ и пѣсенъ, жутко ему станетъ, и жаль ему, что онъ одинокъ, ни отъ кого не видитъ ласки, что у него нѣтъ дивчины, которая бы его полюбила; а еще болѣе жаль, что весь его наймитскій трудъ, какъ и многихъ другихъ, ни во что пошелъ: «служывъ, служывъ увесь свій викъ у наймахъ»—жалуется онъ въ тоскливую минуту,—«та й заслужывъ, що не майе у вищо й перезутысь!..» **) Но минуты жалобъ находятъ на Ивана крайне рѣдко: онъ избѣгаетъ ихъ и боится! сознаетъ, что давши волю тоскѣ, можно или распиться, или одурѣть, и потому—лучше махнуть рукой на собственное положеніе, и какъ ни тяжело, а трудиться съ утра до ночи, забывая бѣдность за пѣсней или шуткой. Съ такими воззрѣніями можно не страшиться бѣдности,—она не въ силахъ обезличить такого человѣка; онъ слишкомъ сжился съ

*) «Дай сердцю волю, заведе въ неволю», стр. 54.
**) Jbid., стр. 41.

невзгодами, чтобы онѣ могли задавить его, какъ давятъ весьма многихъ изъ деревенской массы. Иванъ Ненокрытый—это истинный типъ цѣльнаго украинца. Онъ живо напоминаетъ и Тараса Бульбу, взывающаго на мѣстѣ казни къ возмездію: «чы чуйешъ сынку?» и Дмитрія Байду (Вишневецкаго)—прототипъ казака,—висящаго на крючкѣ и отстаивающаго свою вѣру. Смѣхомъ, шуткой, подъ часъ въ грубой формѣ, видимымъ равнодушіемъ онъ скрываетъ свое страданіе и его грубая оболочка носитъ сердце чуткое, доброе, онъ способенъ дѣйствіемъ на полное самопожертвованіе, а словомъ низведетъ свой подвигъ чуть не до смѣшнаго, ничтожнаго.

Разсмотримъ теперь другую сторону деревенской жизни. «Хто ёго зна, якъ бы я й жывъ, колыбъ не знавъ писень»—говоритъ Семену возвратившійся въ тставку Иванъ. («Дай сердцю волю, заведе въ неволю»). За пѣснями можно забыть свою горькую долю-холодъ, злыдни; вотъ почему, въ свободныя отъ труда минуты, пѣсня раздается по селу—лѣтомъ на «вулыци», а зимой на «вечорныцяхъ». Поютъ старосвѣтскія украинскія пѣсни, хотя въ послѣднее время интересъ къ нимъ видимо слабѣетъ: «теперъ всюды вже спиваютъ новыхъ писень абожъ московськыхъ. Така вже теперъ, бачъ, поведеньція стала: що старе, то те нибы й непотрибне» *). Предъ началомъ «вечор-

*) Jbid.

ныць» парубоцство выбираетъ такъ называемаго «березу», обязанность котораго—руководить «вечорныцямы», направлять ихъ въ хорошую сторону, «щобъ гулялось чесно, тыхо та смырно, якъ слидъ поважному парубоцству, такъ, якъ гулялы наши диды й батькы» *). Хозяйка вечорныць—для этого обыкновенно избирается вдова, у которой большая хата—желаетъ парубоцству, чтобы оно во время игръ придерживалось правилъ чести; и дѣйствительно, все бросающее тѣнь на взаимныя отношенія молодежи, устраняется изъ этихъ вечорныць. «Хазяйку на вечорныцяхъ поважаты и шануваты, якъ матиръ, зъ дивчатамы обиходытысь зъ повагою, та не забуваты, братця, що чесна дивчына—то йе краса и честь усёго села»—поучаетъ руководитель «вечорныць» своихъ товарищей, и они вполнѣ соглашаются съ нимъ и, въ доказательство, не принимаютъ «до гурту» дѣвушку потому, «що вона въ городи зовсимъ ошалила». Тамъ, «на вечорныцяхъ», презрительно относятся къ «багатырю»—самодуру изъ за его капризовъ и жизни, непріязненной къ сельской молодежи. Такимъ образомъ среди вечернихъ пѣсенъ, танцевъ, шутокъ незамѣтно поддерживается и укрѣпляется духъ товарищества, сознаніе общности интересовъ, и, быть можетъ, что, съ развитіемъ образованія въ народной массѣ, «вечорныци» и «вулыця»

*) Ibid. стр. 16.

приняли бы другой болѣе образовательный характеръ *).

Существующая потребность полнаго наслажденія временно доставляется народу любовью. По общему воззрѣнію и барина и мужика,—любовь поддерживаетъ человѣка въ его борьбѣ съ жизненными невзгодами, и это чувствуетъ деревенская молодежь: она мечтаетъ о любви, стремится къ ней, видитъ въ ней личное счастье. Въ періодъ ея можно отрѣшиться отъ заботъ и треволненій,—хоть часъ въ день, да пожить своею жизнью. «Вечорныци» въ этомъ отношеніи оказываютъ народу неоцѣнимую услугу: здѣсь молодежь ближе узнаетъ другъ друга, тѣснѣе сходится; при этомъ добиваются только одного: найти человѣка съ душой, который бы могъ понять положеніе другаго, оцѣнить, пожалѣть, обласкать. Такимъ для нашей крестьянки, въ большинствѣ случаевъ, оказывается человѣкъ кроткій, безобидный, не пьяница, а работникъ; матеріальное положеніе при сближеніи не играетъ особенной роли: нищій съ душой предпочитается «багатырю»—самодуру, какъ бы богатство послѣдняго ни прельщало отцовъ. Даже любовь къ этому самодуру вызывается вовсе не его зажиточностью, а характеромъ, душой, рѣчью,

---

*) Къ сожалѣнію, судя по газетнымъ сообщеніямъ, «вечорныци» въ селахъ воспрещаются сельскими властями и особенно полицейскими урядниками.

хотя его рѣчи не дышутъ лаской и привѣтомъ. Понятно, что крестьянинъ, полюбившій дѣвушку, оберегаетъ ее отъ всякой непріятности, наговоровъ и людской злобы.—«Не годыться мени въ хату йты» говоритъ Семенъ своей суженой:—«пидстережуть, почнуть базикаты, а мы жъ ще не заручени.» *) Малѣйшее оскорбленіе любимой дѣвушки вызываетъ его на защиту, онъ горой стоитъ за ея честь и доброе имя. Таковы-то признаки истинной любви, кончающейся бракомъ.

Любовь у названныхъ авторовъ изображена чертами крайне сантиментальными, что объясняется съ одной стороны, установившейся со временъ Котляревскаго, литературной традиціей, а съ другой—трудностью, абсолютной невозможностью даже прослѣдить реальное проявленіе крестьянской любви; описывать ее приходилось не по личнымъ наблюденіямъ, а по семейнымъ пѣснямъ различнаго цикла, въ основаніи которыхъ—полнѣйшій сантиментализмъ. Вліяніе народной поэзіи отразилось не только въ тождественности эпитетовъ, употребляющихся при описаніи сценъ любви, но и въ цѣлыхъ выраженіяхъ [1]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сказы-

---

*) «Дай сердцю волю, заведе въ неволю», стр. 7.

[1]) Ср., напр., слова пѣсни: «Ой колыбъ ты такъ за мною якъ я за тобою» съ выраженіемъ Мыхайла («Не судылось»): «чы журысся такъ за мною, якъ я за тобою?»

вается вліяніе чуждой поэзіи [1]). Такимъ образомъ, мы не можемъ получить вполнѣ вѣрной картины взаимныхъ отношеній молодежи, изучая названныхъ авторовъ. Одна только черта вполнѣ вѣрно подмѣчена ими, это—способность крестьянки всецѣло, беззавѣтно отдать свою душу любимому человѣку, сойтись съ нимъ, не задаваясь вопросомъ: «каково то прійдется жить въ будущемъ съ семьей въ постоянной бѣдности?». Этотъ вопросъ является потомъ, послѣ замужества, когда реальная дѣйствительность даетъ себя почувствовать; тогда жизнь въ постоянной нуждѣ выработаетъ горькое сознаніе, что личное счастье, выражающееся въ любви, «мынеться якъ любый сонъ и розмаїеться, якъ марево въ осены». Да и какъ ему не «розмаятысь», когда «невсыпуче щоденне бидування зъятрыться у души не згойеною болячкою и прыдаве йійи, мовъ бы скыбою важкою?». Вмѣсто веселья, беззаботной болтовни и ласкъ, что такъ услаждали въ первый періодъ любви, семейная жизнь вырабатываетъ тоску, разочарованіе и заставляетъ смотрѣть на любовь не какъ на высшую форму удовольствія и личнаго счастья, а какъ на полову: «довы витру нема, воно и держыться купы, а витрець подыше, и полову якъ языкомъ злызало» [2]).

[1]) Ср., напр. монологи Оксаны («Довы сонце зійде») съ соотвѣтствующими же Луизы изъ драмы Шиллера «Коварство и любовь», заключительныя рѣчи Бориса (оттуда же) съ монологами Гамлета.

[2]) «Глытай» стр. 49.

Въ конечномъ результатѣ получается выводъ убійственный своею правдивостью: «тяжко жыты у свити зъ щырымъ коханнямъ! На що биднымъ въ грудяхъ чуле сердце? Легче-бъ було жыты безъ почуття, бидкатысь зъ холоднымъ сердцемъ!». Но молодежь, конечно, не задается такими мыслями, продолжаетъ сближаться, добивается обоюдной любви, ибо видитъ въ ней ту «долю», на которую такъ скупа обыденная жизнь.

Крестьянская дѣвушка не задумается даже отдаться чужому пану, не смотря на то, что какъ прошлое, такъ и настоящее доставляетъ рядъ безотрадныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что пану нужны только «ласощи, жартъ», что онъ стремится «вдовольныть свойи тельбухы», а потомъ броситъ по первому капризу, что, словомъ—любовь къ пану составляетъ страшное несчастье, отъ котораго необходимо бѣжать. Крестьянка знаетъ все это и не бѣжитъ: слишкомъ сильна въ ней потребность любви. Передъ этой потребностью часто не устоитъ и сильный характеръ, а не то что наивный, довѣрчивый крестьянки. И устоять трудно! Вѣдь молодые паны такъ не похожи на грубыхъ, грязныхъ, измученныхъ работой деревенскихъ «парубкивъ». Одѣнется молодой панъ въ мужичій костюмъ, «и очи бъ выдывылась! куды нашымъ парубкамъ до ёго! Выдъ биленькый, вусъ гарненькый, бровы на шнурочку!». Не похожи они также на тѣхъ, прежнихъ пановъ: они такъ добры и умны, такъ ласковы! Говорятъ дере-

венскою простою рѣчью, помогаютъ всѣмъ и словомъ и дѣломъ (въ особенности маленькимъ), учатъ ребятъ, бесѣдуютъ съ крестьянами, не скрываютъ своей любви къ мужику. Традиціонное недовѣріе къ пану исчезаетъ предъ такими данными,—довѣрчивое сердце поддается. А тутъ еще пойдетъ молодой панъ разсказывать о своихъ намѣреніяхъ оказать широкую помощь крестьянству и самому устроиться не барскою жизнью, а выработать иную, основанную на тяжкомъ мужичьемъ трудѣ. Любо дѣвушкѣ слушать эти рѣчи; постепенно зарождается въ ней любовь къ этому пану, какъ къ представителю новаго, лучшаго типа людей, мечтающихъ измѣнить жизнь во имя началъ высшей правды и невѣдомой для нея науки... Къ сожалѣнію, она не сознаетъ, что въ такихъ стремленіяхъ, глубоко честныхъ въ своемъ основаніи, часто, очень даже часто сказывается одна только фраза, что у многихъ изъ пановъ, задавшихся подобными мыслями, не достаетъ твердаго характера и энергіи перейти отъ словъ къ дѣлу, что они люди добрыхъ намѣреній, а не дѣла, исполненія.

Но жизнь крестьянки загублена, и не потому только, что пришлось разочароваться въ любимомъ человѣкѣ и вынести рядъ позорныхъ пытокъ, но и потому, что съ пережитой любовью приходится терять вѣру въ лучшихъ людей, въ святость тѣхъ идеаловъ, которые она, неопытная, хоть вскользь, мимоходомъ (какъ Оксана въ «Доки сонце зійде»)

узнала отъ барина и восприняла всей душой. Вѣдь въ баринѣ привлекала ее не одна только красота, а и тотъ новый Божій міръ братства и любви, о которомъ такъ восторженно отзывается реалистъ Горновъ, заявляя, что малѣйшее проявленіе его— искренняя дружба немногихъ во имя труда и правды возстановляетъ подорванныя силы, заставляетъ идти «на боротьбу зъ веселымъ посмихомъ на устахъ, зъ сердцямы, повнымы святойи виры и надійи!»... Новый міръ рушился для нея, и она погибаетъ. И въ моменты гибели какъ велика крестьянка въ сравненіи съ тѣмъ жалкимъ фразеромъ, котораго она, неопытная, избрала предметомъ своей любви и который ее погубилъ!...

На этомъ пока и закончимъ нашу статью.

Какъ видитъ читатель, мы строго держались положеній изображенныхъ гг. Старицкимъ и Кропивницкимъ, не входя въ разборъ ихъ, не сравнивая съ солидными изслѣдованіями народной жизни. Теперь возникаетъ вопросъ: на сколько эти авторы правдивы, на сколько жизнь украинской деревни вѣрно изображена, и въ самомъ ли дѣлѣ произведенія г. Кропивницкаго такъ типичны, глубоко затронули жизнь деревни; на сколько авторъ дѣйствительно изучилъ и узналъ ее; на сколько, наконецъ, онъ является творцомъ этихъ «народныхъ типовъ», или удачнымъ или

неудачнымъ подражателемъ писателей конца 60-хъ годовъ.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, повторяемъ, не входило въ задачи настоящей статьи. Думаемъ, однако, что произведенія нашихъ авторовъ заслуживаютъ того, чтобы лица, болѣе насъ знакомые съ внутренней жизнью села, изучившія его свѣтлыя и темныя стороны, отвѣтили иа эти вопросы и сказали бы, сколько именно жизненной правды въ произведеніяхъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго.

К. Шрамъ.

***

Въ невеселую годыну
Ёго маты породыла,
Годувала-шанувала,
Въ рути-мьяти все купала,
До серденька прыгортала,
Та Спасытеля благала:
«Пошлы, Боже, ёму щастя,
Не дай злойи ёму доли;
Не дай згынуть на чужыни,
На чужини та въ неволи!»
И вырисъ хлопчына, пишовъ по-мижъ люде,
Попыхачемъ людськымъ винъ ставъ,
И въ тяжкій работи, въ нужди та въ неволи
Свій викъ молодый скоротавъ.
Изъ ридного краю въ далеку чужыну
За долею слидомъ пишовъ,

И волю натрапывъ винъ тамъ передъ смерттю,
А доли такы не знайшовъ!
Въ невеселую годыну
Ёго маты породыла!...

А. Конощенко.

БИДНА ДИВЧЫНА.

(Оповидання).

Маю прывыкаты,
Колы породыла
Нещасного маты.
(*Народна писня*).

Зима. Ничъ. Скилькы сягнешъ окомъ, усе степъ, билый степъ безъ киньця, безъ краю, снигъ, снигъ, снигъ... Де-не-де выдасться невысокый шпылёкъ, неглыбока яруга, балка й килько запорошеныхъ кущивъ,—и знову степъ, ривный, вкрытый глыбокымъ пухкымъ снигомъ.

Мисяця нема, не народывся. Въ степу тыхо, снигъ не выблыскуйе, не грайе, а лежыть мертвою лавою, холодною и страшною навить; якось самотно й сумно безъ мисяшного сяйева, наче чекайешъ чогось страшного, що выявыться нагло... Степъ наче прытыхъ, прытайивсь... и разомъ за чыйимсь голосомъ ожыве, заворушыться, забъеться сылою усякыхъ чудныхъ незвычайныхъ истотъ.

Середъ степу, розкыдаючы глыбокый снигъ, бижать санкы парою. Нызеньки товстоноги кони, запряжени убогымъ хамутцемъ, тюпають, брязкають брязкальками свойимы. На передку сыдыть селянынъ, обмотаный усякымъ манаттямъ, и, узявшы вижкы пидъ пахву, дме въ кулакы, а погрившы, гукайе, свыстыть помалу на свойихъ коней.

Санкы шыроки, обшыти продертымъ лубомъ. У йихъ тры постати—дви чоловичи, третя жиноча; уси тройе збылыся тисно, обмотавшысь поверхъ одежи хусткамы, щильно укрывшы ногы. Се учытели й учытелька. Йихъ заклыкано було на вечиръ, чы якъ бы ёго сказаты, що зробывъ бувъ одынъ учытель, и тепера вертаються воны до дому.

Довго вси сыдилы мовчкы. Гармыдеръ, колотнеча ще стоялы въ голови и ще одзывалыся у вухахъ и, якъ то бувайе, въ голову лизлы думкы, що й геть-то не стусувалыся до того вечора. Се прыскучыло тому, що сыдивъ по середыни. Худый, невысокый, винъ сыдивъ нызько межъ колинамы и здавався дытынкою межъ батькомъ и матирью. Винъ выпроставъ свойе худе лыце й сказавъ:

— Що-жъ се мы мовчымо, наче насъ кудысь до ката везуть; погано дякуйете пану хазяйину за ёго вечиръ; мы повынни-бъ теперъ розмовляты про той вечиръ нашъ... Тоби-бъ теперъ радиты, спиваты, обернувся винъ до свого сусиды й завивъ тоненько— «якъ спивавъ въ двадцять литъ»... зирвався й знову заговорывъ.—Та справди не велыки й радощи тоби:

твоя пани спыть и жде, щобъ кого пидхопыты... стара дивка... Ну, та не вси жъ таки, додавъ винъ, повернувшысь трохы до дивчыны, й заспивавъ знову зъ выкрутасамы: охъ-охъ-охъ-о-о-о...

Одначе нихто не обизвався до ёго; сусида тилькы зъ нехиттю хытнувъ головою, а дивчына й не ворухнулась. Худый и соби затыхъ и мовчкы заховавъ худого носа.

Санкы биглы, набираючы снигу кризъ щилыны, кони брязкалы й прыхалы. Черезъ килька часу во́ны выбиглы на шпылёчокъ; внызу у бальци стояло маленьке село; ёго ледве можна було прымитыты: тилькы чорнилы гыллякы садивъ та дымари заметеныхъ снигомъ хатокъ.

— Отъ и село, заговорывъ знову худый.—Вамъ злазыть, Маріе Степановно, а намъ ще пертыся скилькы... щаслыви! Прыйнялы-бъ до себе на ничъ мандривцивъ бидныхъ... Дивчына щось хтила сказаты, але тилькы закашляла, закашляла дуже, ажъ захыталась.

— Э-бо, якъ вы дуже кашляйете; простудылысь, чы що?..

— А Бигъ ёго зна, се вже давно въ мене.

— А вы не такъ-бо байдуже: зъ такымъ кахыканнямъ можна й лыха нажыты.

— Тейе-то-якъ ёго, на кватыру, тилькы безъ «громадського свитла».

— И... хай! просто сказала дивчына.

— Ого! сказалы въ разъ обыдва чоловикы.

Санкы зупынылыся коло старого, покрывленого кганку, очеретомъ вкрытого. Дивчына вытягла зъпидъ нигъ якусь пачку и выйшла зъ санокъ.

— Бувайте здорови! попрощалась вона.

— Прощайте... а за свойе кахы-кахы не забудьте, додавъ худый.

Вона, не обертаючысь, байдуже махнула рукою й пишла въ хату...

Санкы рушылы й пойихалы селомъ.

— Що се вона, така бидаха, що й жыття не мыле? спытавъ другый.

— А за правду берешъ, що вона каже?

— А то якъ?

— Е, вдайе зъ себе... одказавъ худый. Другый покрутывъ головою, але не сказавъ ничого.

Санкы выйихалы за село й швыдко зныклы середъ билого, безкраёго степу...

Дивчына пройшла у покій, нызкый та шырокый. Тамъ загасаючы горила лампадка; олыва выгорила й кгнитъ трищавъ, набираючысь воды, полумья крутылося й мыготило; тини танцювалы за нымъ по стинахъ, чудно освичуючы увесь покій; стильци, лижко, то вырыналы зъ темрявы, то ховалыся знову... Смердило олывою й кыслымъ борщемъ... Дивчына засвитыла свичку въ зеленому, покрывленому поставци й стала передягатысь. Вона була высока зъ себе, худа й русява; лыце въ нейи було саме звычайне, блиде, трохы жовте прывьяло вже; волосся щильно прыбране за вуха, очи сири... Дивчына здавалася дуже

стомленою и дуже йій було не по соби; вона помалу розперизувала, здіймала свойе убрання, думаючы про мынулый вечиръ и крывылася: спогады въ нейи не дуже булы весели.

— И на що пишла я туды? думала вона.—Отъ ще не перестала дурити! а часъ бы знаты добре, що тамъ не мени буваты; велыки радощи сыдиты та позихаты въ кутку... Ни, ждала ще чогось, сподивалася доброго, ну й просыдила. Теперъ ще звыкла, а колысь то гирко дуже було: уси регочуться, тишаться, жартують, а я сыжу мовчкы, усимъ чужа, десь межи бабокъ, або сама. Набижыть хто-небудь, кого трохы соромъ визьме, що усе коло инчыхъ крутыться, спытайе що-небудь, абы тилкы сказаты, прысяде на хвылыну, не дослухайе, що кажешъ, схопыться и втиче зновъ куды-небудь. Выбачайте, мовлявъ. Тепереньки смихъ згадать, а колысь-то слизъ було!.. Э, та й теперъ смиху небагато: хтось набигъ отакъ бувъ, а я дурна зрадила, щось стала розсказувать—йій Богу, добре щось; правда що й свого тамъ було небагато, прочытала десь була; тилькы стала до самого цикавого пидходыты, зыркъ—а винъ не слуха; одвернувся та дывыться кудысь. Зупынылась, а винъ повернувся, мекнувъ щось—егежъ, гм... выбачайте! схопывся, та миттю у другый кутокъ, до якойись «красули»...—прошопотила дивчына и такъ се йийи вразыло, що й пишла заразъ: довго плакала.

Плакаты такы доволи на вику довелось: скилькы вона не зазна себе,—завжды себе плачемъ розва-

жала, — спасыби свойи слёзы, не куповани,—дыво, що й доси очи не послиплы. Отъ хочъ бы, на прыкладъ, скилькы плакала вона, якъ довидалася що не гарна, якъ узяла у тямкы, що то вона якась обметыцця, не людына межи людей, хочъ и чула се вона давно, ще малою... У тій отари, де выросла вона, за-для дивчыны не було дорогы, якъ тилькы замижъ; то була якась биганка на выпередкы чы зъ чоловикомъ; коверзувалы, хытрувалы, скилькы сыла, й горе, хто одстававъ—для нейи не було вже й мисця пидъ сонцемъ. «Замижъ, замижъ, замижъ» зъ малку чула дивчына; про що инче,—щобъ поставыты дивчыну на ногы, щобъ надаты йій сылы, хысту жыты самій, не спираючысь на чоловика—про те й не зналы. Чы помитылы вы, що якъ хоче хто дитей похвалыты, то про хлопчыка скаже: розумный буде, а про дивчыну:—э, гарна, красуля буде. Отъ де щастя, спасення для дивчыны, и хто не доставъ ёго, дурно напынайеться, щобъ якъ-небудь чымъ инчымъ навернуты. Довго розглядала дивчына лыце свойе въ люстро, ривняла ёго до лыця самойи гарнойи на мисти. Блиде лыце, сири очи, русе, якъ пагосы, волосся— ничого кращого не могла знайты вона, якъ не прычепурялась въ убоги шаты свойи, якъ не зачисувалася. И вона переконалася въ тому не забаромъ. Дурно заклыкала, заманювала маты женыхивъ до дочкы, дурно впадала, клопоталась коло йихъ—воны щось оббигалы йійи хату—и маты на дочци серце зрывала.—«Выкохала таку корову та на свою шыю,

нема щобъ, якъ инчи... прынадыты!...» Ти мартоплясы, що тыняються по вулыцямъ, одверталыся, зневажаючы, заглянувшы въ лыце дивчыни; за нею не слидкувалы недоросткы—школяри, до нейи не тыслыся въ церкви,—й усе оце жаромъ падало на йийи душу; гирко було, заздристь и злисть брала часамы, але до в[illegible] прывыкнешъ: ще якъ на те, увесь викъ тильк[illegible]й жыття того, що прывыкаты. Визьмешъ у тям[illegible] й те, що: «не вси паны, треба комусь и свыни [illegible]сты;» або «скачы, враже, якъ панъ каже» и «[illegible]ы, та не рыпайся»... й багато ще де чого.

— Звыкнешъ, звыкнешъ... все-жъ такы нема-нема, а й зворушыться въ голови, задурышъ, задумайешъ Бо зна що. Отъ була й на вечиръ пойихала, а чого?... нудылась тилькы... Ще хазяйка чудно якось подывылась, мовъ бы сказаты хотила: сыдила бъ краще дома! А тры карбованци зъ кешени пурхнулы, наче й не було, а ци карбованци може ще й якъ у прыгоди бъ сталы. Спасыби дырехторови, далы гроши, а дали що буде! Бигъ ёго зна Святый, що въ голову йимъ западе! Ходы тоди, прыпадай, щобъ позычылы; дадуть карбованця, а покы дадуть, такъ поневирышся, що рада бъ вернуты того карбованця.... А тутъ дровъ не прывезлы черезъ того гаспыдського пысаря... а холодъ якый стоявъ у хати! въ уси щилыны, диркы такъ віяло, ажъ гуло, ажъ спивало, бодай такыхъ спививъ не довелося чуты; й думкы таки сумни та нудни поспивують, ажъ душа забо-

лыть. Змерзнешъ, якъ собака, закутайешся хусткою свойею, а вона й не грійе—такый тепера крамъ поганый, и гроши беруть! А тутъ маты ремствуйе, вередуйе а тутъ пидъ викномъ ледарь усяка збереться, та публику вчыныть вражый пысарь цькуйе; якъ тилькы не зависышъ,—дывышся, вже стойить, розгляда, усмихайеться яка-небудь пыка погана, и що ты ёму зробышъ!!.... И въ очахъ у дивчыны ставало одно за другымъ... голова сыдыть гыкаючы, дряпаючы бороду, а вона мусыть стояты й просыты.

— Щожъ, хочъ бы не все, а десять карбованцивъ далы... де-жъ такы...

— Неможна, панночко, грошей у правленійи нема.

— Та мени якъ же? звиткы жъ я жыты буду?

— Й геть то не гараздъ такъ казаты:—люде тамъ може зъ голоду вмерають, а вамъ на яки-небудь забобоны бабськійи...

Соцькый регочеться, роззявывшы рота.

— И зовсимъ навить проты Бога оце, й найбильше вамъ панамъ: вы пани майете, якъ лучче показувать, а не то, щобъ... на прыкладъ, скажемо такъ...

Ну й безъ кинця такъ.

Або такъ ще:

— Нема грошей у правленійи, хочете крамомъ заберить у крамныци въ мене.

— Та въ васъ тамъ нема ничого.

— Якъ нема? Отъ тоби... Усе йесть: мыло, гребиньци, голкы... хочете, борошномъ визмить...

— Та нащо мени борошно ваше?

— Що бо вы прыскайете? Не хочете—ждить грошей! Я для вашойи жъ таки корысти... взялы бъ у тямкы...

А це отъ ревызоръ якось прыйихавъ. Учытелька запросыла ёго й винъ сыдыть у нейи, прыдывляючысь до якогось оселедця.

— А въ васъ такы покійчыкъ гарненькый, каже винъ солодко, озырнувшы покій.

— Тилькы грубка курыть, та й холодный, каже маты.

— Ну що-жъ? Попросыть дровъ прывезты: воны жъ у васъ не куплени.

— Колы не хочуть везты, мусымо вже купуваты.

— Попрохалы бъ старшыну. Винъ же въ васъ, здайеться, добрый.

— Та то тилькы передъ вамы!..

— И усе село, здайеться, — гарне село. На ваши гроши можна добре жыты...

— Та колы жъ бо грошей не дають.

Ревызоръ розсердывся: що не скаже, то, замисть дякы, оттаке...

— Вамъ не догодышъ, каже винъ и геть-то вже не такъ солодко.—Хиба мало, думайете, безъ хлиба сыдыть дивчатъ? Безъ киньця бъ радилы, якъ бы ваше мисце дистаты?.. Вамъ бы дякуваты, та радиты, а не вередуваты: въ насъ и безъ того дила доволи, щобъ ще доглядаты, чы не курыть у васъ грубка!...

А отъ и пысарь. Кортыть ёму зъ панночкою романъ вчиныты; дарма що не гарна, про те панночка... И пидбывався винъ до нейи зъ свойею «кумпаніею», щобъ «якъ цвиченымъ людямъ»... Уси оци пысарськи джыгунясти пидходци на лыхо ричъ дуже усимъ свидома. Дивчына не здалася на пидходци ёго, пысарь ставъ «допикаты». Дивчына мерзла, сыдячы въ нетопленій хати, грошей йій не давалы, скильки не ходыла въ правленіе, але се ще ничого! Що дня, скризь наготуйе пысарь яку-небудь уразу: то прыйде въ гости до нейи, наведе зъ собою такыхъ поганцивъ, якъ и самъ, и розмовою свойею доведуть до плачу дивчыну; то прысикайеться де-небудь на людяхъ: «якъ дивуйете, мовлявъ, панночко? не нудно самимъ?» Тай заирже за слухачамы... И усе оттаке безъ киньця.

Пишлы поголоскы; ничого правдывого не було въ йихъ, але усе дивчыни на догану. «Интеллигенція» сельска—симья батюшчына, шынкарська, дви крамарськи — одвертaлы носа одъ дивчыны; люде якось чудно, зъ-коса дывылысь на нейи, не ня̀лы виры, цуралысь. А то зыркъ — въ викно заглядайе яка-небудь пыка, наче у свою кешеню, й усмихайеться погано якось.

Бо̀-зна що робылося на серци въ дивчыны! Сердытысь, боронытысь, ненавыдить вона не вмила: такою вже йійи жыття та люде зробылы. Та справди не багато й зробыла бъ! Вона вмила тильки плакать, нудытысь, ховатысь у свій кутокъ все дали

та дали. Ну, й нудылась, плакала цили дни одъ усіейи оціейи крывды та вразы.

А стара маты, що була зъ нею, не тилькы що не втишала, не заспокоювала йийи, але ще гирше суму та жалю завдавала. Стара, вередлыва, плаксыва, вона тилькы сердылася та, плачучы, йила дочку, дорикаючы й за те, що не дають грошей, и що вона на пысаря дуже прыска, й за всякі провыны, що булы й що прыснылыся йий тилькы. Таке жыття такъ допекло дивчыни, що бувъ часъ и вона задумалася, звомпыла. Але, хвалыты Бога, не здалася й терпила. Не бувшы смилывою бадёрою дивчыною, вона краще мала терпиты, а нижъ здатыся на пысарськи пидходци. Вона боялася. Якъ разъ ще на той часъ на йийи суплику прыйшла въ правленіе папирка одъ дыректора й, спасыби ёму, виддалы заразъ гроши, далы дровъ й усячыны. На цей разъ, а дали що буде?.. Пысарь знову почне свойе, знову пидуть усяки допикання, знову почнуть знущатыся зъ нейи...

Такъ думала дивчына.

Закахыкала йийи маты за цыцовымъ запономъ, колысь то блакитнымъ. Щось заворушылось, повертаючысь, зарыпило лижко й чуты було, якъ щось почвакало губамы зъ просоння й знову закахыкало, закахыкало,—й кинця не знать було тому кахыканню. Дивчына миттю загасыла свичку й сила на лижко. Вона знала, що за матирью й сама тепера закахыка, й узялася за груды. И справди не по-

мылылась... Вона уся трясласи, груды наче розрывалыся, й знову стыхло. Насылу оддыхалась вона, лягла, закуталася старенькымъ одіяломъ, протертымъ, побытымъ, що ажъ свитыло по дню...

Батько учытелькы бувъ чудный, нещаслывый чоловикъ. Винъ бувъ маленькый урядничокъ й ніякъ не мигъ улизты зъ головою у свойе урядныцьтво—оце й було лыхо ёго, а ще бильше лыхо ёго жинкы й дочкы. Винъ робывъ, робывъ якъ вилъ, и певне выбывся бъ, а якъ бы не выбывся, то ставъ бы хочъ заможнымъ, поважнымъ чоловикомъ; але сёго не выходыло, бо була то людына горда та уразлыва, якъ тилькы бува маленькый чоловичокъ. Розсердыты, допекты ёму латво було. Чы справди штрыкне, уразыть хто-небудь старшый—а сёго не треба було довго чекаты,—або здайеться ёму тилькы—кинець, годи: уразывся, полаявся й закурывъ. Иноди схоче перемогты себе, терпыть, ажъ зубами креше, маючы себе мало не за мученыка, але охоты не на довго ставало: часомъ дурнычка яка - небудь,—й пишло все а ни за цапову душу. Нещаслывый бувъ чоловикъ, але симьи одъ того було не солодше; часто зрывавъ винъ серце на жинци, на дочци; на йихъ оберталася злисть маленького чоловичка. Иноди винъ мовъ бы тишывся, що отъ йе таки, зъ кого й винъ поглузуваты може, допекты, дошкульнуты. Винъ зъ

свойейи жинкы зробывъ плаксыву, въйидлыву бабу, а зъ дочкы стала зныщена, бидна, прыбыта дивчына. Вона звыкла чуты крыкъ та посьмихъ, вона звыкла годыты кожному дурному слову... Отъ хочъ бы таке бувало: выдають гроши урядныкамъ; батько прыходыть до дому на пидпытку. Жинка й дочка й не глянуть вже на ёго просто, щобъ не прысикався, й думають тилькы, скилькы то грошей зосталося й чы буде що йисты. Але батькови все не гараздъ.

— Що се вы одвертайетеся одъ мене?..—що я пьяный, пропывъ гроши, замисть того, щобъ прынесты вамъ, й ничого не вдійете... Ну, чого жъ мовчыте?! Га?! И остатни пропью, и будете безъ грошей сыдиты, а мене про те годуватымете!. Дочко, побижы, прынесы горилкы, отъ решта; та не думай вкрасты дорогою що-небудь: я знаю, що вамъ грошей треба дуже, воны въ мене личени!..

Й дивчына, напьявшыся хустыною, бигла до шынку, заздро поглядаючы на гроши, що такъ було-бъ треба на хлибъ на завтра...

Часомъ ще й на тому не кинець бувъ: батько посылавъ позычыты карбованця й купыты горилкы... Дивчына верталася зтомлена, ставыла шклянку на стилъ, а батько казавъ:

— Отъ и выпью на остатни... Оттакъ, дочко! На симъ свити тимъ тилькы й жыты добре, хто вміе гнутыся, лазыты на жывоти, терпиты, сорому не знаты, жыты такъ, щобъ здавалося, наче тебе й не-

ма. Подякуйешъ колысь батька за науку!.. Зитры гордыню, потовчы хить, пидлый смыренія, розмишай послушаніемъ—й будешъ щаслывый...—казавъ винъ зле, наче тыкавъ пидъ нисъ комусь оційею ликою.

Чы кепкувавъ винъ, чы справди хтивъ цёго—щобъ дочка щаслыва була, Богъ ёго зна; одъ сёго не легшало жинци и дочци. Й жинка, й дочка боялыся ёго й не любылы; замисть того, щобъ клясты те мизерне жыття, що попсовало батька, воны клялы ёго. Замисть щобъ лаяты багаття, лають курево, що курыть одъ ёго,—се то й лыхо людське.

Але якъ батько справди хтивъ, щобъ дочка звыкла лизты, а не йты, не жыты, а замерзты що хвылыны, то вдалося се ёму добре. Вона жыла такъ, що жыття те можна було що хвылыны перерваты й ничого-бъ тому не перебаранчало; вона не чекала другого дня, не бажала, не сподиғалась; наче прыбыло йійи щось и вона боялася поворухнутысь, щобъ те, що лежыть на йій, не зирвалося й не вбыло до решту; вона жыла наче ящирка въ осены, що дубійе по малу зъ холоду, й тилькы часомъ дошкуля йійи, якъ дуже шкрябне морозъ по шкури, й здригнеться вона свойимъ одублымъ тиломъ. А ще кажуть, що жыття наше на те, щобъ вырobляты себе на все добре!..

И дивчына не кляла, не вынуватыла людей за свойе бидне жыття, за людську неправду; вона брала жыття такымъ, яке ишло воно до нейи; вона жыла... жыла черезъ те, що жылося, що писля ночи йшовъ

день, писля ранку вечиръ, що пелька йисты просыла; а щобъ добуты чого йисты, тра було бигаты цилый день, або гнутыся надъ роботою, а набигавшысь, тра було спаты... Чуже життя, добрйе та спокійне, не лизло йій въ вичи; думкы не прыривнювалы чужого до власного; вона думала про життя багатыхъ та щаслывыхъ, такъ якъ думайе чоловикъ про побытъ бжилъ, комахъ,—ѣ го було йійи щастя. Якъ бы не се—не стало-бъ въ нейи й сылы жыты тымъ жыттямъ биднымъ та мизернымъ. Жоднойи втихы, жоднойи пидмогы не було въ нейи. Ни Бога, ни идеаливъ вона не знала; була тилькы батькивська наука, мизерна, погана, бо пиддержуючы чоловика, вона вразъ и труйила помалу чоловика; й дивчына жывылася нею, щыро товкла, терла свойи думкы, жадання, надійи, й пыла не шклянкамы, а видрамы цилющу воду «смыренія» та «послушанія» й терпила безъ кинця. Вона уся увійшла у свойе сире, безпросвитне жыття й воно дуже вплывало на нейи. Бури та завирюхы людськи оберталыся въ недужи повивання, але що йе сылы воны наддавалы вплыву на нейі, на жыття йійи; воны втратять свою мицъ—й усе, що красыть те жыття, стане такымъ сирымъ, недужымъ, никчемнымъ...

Таке й кохання йійи було; воно якъ разъ прыпадало до сирого жыття, наче та руда травыця, що пророста межи сирыхъ, ривныхъ плытъ, пидъ людськымы ногамы; воно пролынуло, ледве зьявывшысь, зоставывшы по соби ще одну болячку на

серци, а не розвернувшысь пышнымъ цвитомъ на увесь викъ.

Порекомендувалы йий якымсь побытомъ хлопця, не дуже гарного зъ себе, одначе доброго й розумного; воны не перемовылыся одно зъ другымъ, одначе дивчына згадала про ёго, лягаючы въ той день и потимъ... Може на тимъ бувъ бы й кинець, але черезъ килька тамъ часу, десь на вечирныцяхъ чы що, зустрилыся воны знову; хлопець прыхильно, вважлыво побалакавъ зъ нею разъ и другый. Дивчына не звыкла, щобъ на нейи такъ вважалы, вона згадувала довго про ёго й на решти закохалася.

Посвитлишало трохы дивчыни. Довидавшысь одъ самого такы хлопця, що винъ вечорамы гуля по надъ ричкою, пишла й вона якось и зустрила ёго. Той щыро прывитався й воны весело побалакалы килька часу. Казавъ зде-бильшого винъ, вона слухала радіючы й де-не-де озывалась.

На другый день выйшла вона знову й скоро прыйшла. Вона побачыла виддаля ёго ще зъ якымысь хлопцямы... Воны поривнялыся й хлопець, замисть того, щобъ щыро прывитатысь, похмуро кывнувъ и, не подывывшысь, повернувся до другого. Серце такъ и впало въ дивчыны; вона скорище повернула до дому, бо чула, що слёзы икъ очамъ пидступають. Цей выпадокъ розбывъ йийи бидне кохання, прохолодывъ серце, що трохы степлило було; наче той равлыкъ выставывъ бувъ рижкы зъ-пидъ свойейи халабудкы, торкнувся кудысь и знову боязко сховавъ йихъ. Богъ

то Святый зна, чому не прывитався хлопець,—чы зневажаючы, чы може помитывъ, що дивчына покоха, й хтивъ, жалуючы йийи, кохання те перебыты...

Не спалося дивчыни. Поверталася вона зъ одного боку на другый, куталася свойимъ побытымъ одіяломъ, перекладала подушку,—сонъ не прыходывъ. Середъ тыши та темрявы лизлы въ голову спогады й думы безъ кинця... Бучный вечиръ, громада, й заразъ потимъ дорога по мертвому степу—за ту дорогу вона багато де-чого передумала—знову тепера прыходылы йий въ голову; усе нови та нови думкы вставалы. Бувають таки часы въ чоловика, що мовъ якась рука розстравыть, якесь свитло чудодійне освитыть выпадкы, думкы, жыття его усе й тамъ, де стояло звычайне, на що й не вважавъ винъ доси, що знавъ винъ добре,—стане, зъявыться щось геть то нове... Оттаке було зъ дивчыною... Помалу, потыху йеднаються, беруться, выявляються думкы, наче шашель точыть товстый бикъ галеры—й не выдко его, — ажъ покы не лыне вода у проточену дирку, перекыдаючы, ламаючы, й затопыть зальле усе, уси думкы, усе жыття, що було попереду...

До сего часу, кажу, жыла вона, якъ жылося, терпила, брала, що жыття несло йий, и въ голову не спадало йий прыривняты власне жыття до того, якымъ жывуть инчи, й спытать: чому жыве вона такъ, чому

бидуйе, поневиряйеться? До сёго часу розсказувавъ хто, що ось тамъ пани Тыцька-Петацька пошыла соби таку й таку сукню, зъ такымы й такымы прычандаламы, й коштуе та сукня 300 карбованцивъ, дивчына одказувала: эге? певно добра десь сукня! й не турбуючысь оглядала свою стару цыцову, й у голову не спадало спытаты: чому Тыцька-Петацька майе соби за 300, а вона за 3 карбованци? Розсказувавъ хто, що тамъ панъ Паршынськый купывъ соби коней по 500 карбованцивъ,—дивчына не вражаючысь оглядала свойи ногы у подертыхъ черевыкахъ й цикаву панчоху, що выглядала звидты, ногы, що весь викъ булы йій за коней, й вона не лаяла, не було гащыкувала.

— О, винъ багатырь! казала дивчына—й сёго доволи для нейи.

Такъ було до сёго часу. Тепера въ голови стало: чому се було усе такъ?

Бо така була йійи доля. А чому въ нейи така доля, чому не инча? Чому вона бидувала, хто въ тимъ вынуватый, що батько мордувавъ йійи, що маты дрочыться, лайе цилый день, що вона мерзне у свойій халупи, що мусыть бигаты за копійку?... Й сама одказала соби на се: «люде!» Вона оглянулась на свойе жыття й бачыла тамъ не саме одне лыхо, побачыла вона тамъ крывду, крывду безъ кинця; вже вона мала себе не бидною дивчыною, а скрывженою. Вона теперъ сердылася, лютовала на людей: чы допомоглы воны, чы пидкрепылы: прыви-

талы, хочъ словомъ ласкавымъ обизвалыся, уразывшы, окрывдывшы йійи?... Та не хоче вона й слова йихъ ласкавого, на що воно йій? порубаного—слизьмы не загойишъ!... Воны знущылы йійи й потимъ навчать солодко: «бидна дивчына, бидна дивчына!» Скилькы разивъ чула вона се за собою й яка бъ рада була тепера оци слова кынуты йимъ, щобъ подавылысь воны йимы... А передъ очыма ставалы спогады, якъ поневирялась вона, якъ крывдылы йійи... До сёго часу вона терпила, теперъ не могла терпиты: спогады пеклы, дошкулялы йійи й вона корчылась на свому лижкови.

Така годына—бо часомъ се увъ одну годыну: мовъ разомъ станеться—багато вплыва на чоловика, чоловикъ наче народыться вдруге. Якъ йе въ ёго сыла, й хысть, и воля дужа—знайде идеалы, постановыть винъ мету свою передъ собою, постановыть добуваты доли, або помстыты; и выйде зъ ёго або добре щось, або велыке ледащо. Але що жъ тому робыты, въ кого а ни сылы, а ни хысту, а ни воли дужойи нема, хто увесь викъ нудывся тилькы, хто самъ не ступывъ, рукою не посунувъ, якъ не штовхала ёго прытьмомъ яка пелька, або люде?...

Дивчына мордувалася, то сердылася, кляла, мотовала, то плакала, нудылась, не знаючы, що робыты; а спогады, спогады въйидлыви, пекучи йшлы безъ краю, безъ кинця; на часынку голову мовъ паморокы забьють, а потимъ знову... А тутъ мовъ зумысне лизлы въ вуха шматкы якогось мы-

зерного вальсыка, що рыпалы на тому вечери дви скрыпкы; оцей вальсыкъ допикавъ дивчыни найгирше, одрываючы одъ думокъ, що стоялы надъ душою тепера. Вона сыдила на лижку, прытулылась до стины й разъ-по-разъ тыскала голову рукамы. Вона тулылася до стины, тыскала плечи, ламала рукы, мовъ хтила выдавыты зъ себе думку: «що робыты йий тепера?» Вона чула, що не може жыты такъ бильше; не було въ нейи ничого окримъ батькивськойи наукы, а тепера ця наука. вже бильше не гойила, вона кынула йийи... що жъ робыты? И дурно сылкуючысь надуматы, вона нудылась та мордувалася.

Й одъ разу надумалася. Наче не одъ нейи самойи вылынула думка: вмерты. Дивчына издригнулася, наче до огню доторкнулася; усе въ голови закрутылося й пропало. Наче чоловикъ розбигся остривцемъ и ставъ одразу: пидъ ногамы яруга и ярують тамъ сызійи хвыли; одскочывъ винъ зъ переляку, кынувся на другый бикъ—и тамъ шумыть хвыля, ще на другый—и тамъ. И чуйе чоловикъ, що нема вже ёму дорогы, що мусыть винъ загынуты тутъ, посередъ безкраёго темного моря...

Таке було зъ дивчыною: смерть лякала йийи; вона хтила соби инчый порятунокъ знайты, почынала думаты про що инче, але думкы усе на те звертали, щобъ вмерты,—наче того хымородныка у Гоголевому оповиданню, що куды бъ не йихавъ винъ, якась сыла велетня усе тягла ёго до Карпативъ, та до Карпа-

тивъ. Страхъ бравъ йійи, якъ думала вона про смерть; се здавалося йій якоюсь темрявою порожнёю, вона чула наче холодне повивання одъ нейи й выдалася мерщій до жыття, але тутъ уставалы таки спогады, таки образкы, що уся йійи охота до жыття пропадала. Краще було вмерты, а нижъ знову пыты гирку свою чашу, поневирятысь, бидуваты въ крывди, у всякыхъ вразахъ; краща була смерть, хочъ и віяло видъ нейи такою пусткою, такымъ холодомъ. Й вона чула вже ту смерть коло себе, наче налягала вона на нейи; вона пручалась, выбывалась, а та наче чавыла йійи, забераючы свойимы щелепамы глыбше та глыбше. Не рухаючысь, ажъ похолодила, сыдила дивчына прытулывшысь до муру, прыслухаючысь до тійейи боротьбы, що лютовала въ ній, боротьбы межы смерттю та жыттямъ. Смерть брала гору, вона чула се... усе менче та менче пручалося жыття въ холодныхъ мертвыхъ щелепахъ... годи!...

Хытаючысь встала вона зъ лижка й засвитыла свичку. Полумья освитыло йійи лыце. Страшно було на нейи глянуты, таке зробылося зъ нею за невелыкый часъ!... Лыце змарнило, позеленило; очи дывылысь несамовыто якось. Дивчына уся трусылась; вона на сылу знайшла корець зъ водою й поставець зъ сирныкамы, почала ламаты сирныкы холоднымы пучкамы й кыдала йихъ въ воду. Сирныкы падалы одынъ за другымъ и моклы въ води, що почала вже смердиты фосфоромъ... Дивчына не чула того духу й не бачыла трунку, що готувала

соби; йійи наче заморочыло на хвылыну писля того усёго, що було за ничъ зъ нею. Вона спынылася черезъ хвылыну—сирныкивъ не стало й поставець стоявъ порожній; въ корци вода стала рудою й погано смердила. Дивчына прочумалась одразу й згадала усе: йійи затрясло, такъ що вона не встояла на ногахъ и сила на доливци. Вона помишала пучкою въ корци й прыбрала трисочкы у одынъ кутокъ, але выпыты не стало сылы, й вона поставыла корець на доливци передъ собою.

Тымъ часомъ свитло збудыло дивчыныну матиръ, вона знову заворушылась за запономъ и сердыто спыталася спросоння:

— Що се ты тамъ свичкы палышъ, Марусе, не дайешъ спаты? загасыла бъ ты краще, дала бъ мени чыстый покій... замурмотала маты, ледве вымовляючы остатни слова...

Дивчына прыслухалася, чы не ворухнеться маты, и якъ довидалася, що спыть, повернулася до свого корця й задумалася. Нова думка стала въ голови. Вона думала все за себе, забула за матирь, а тепера згадала и стало йійи шкода. Люде, бидуючы, докучають одни другому, але наче якось прыростають; а ще зъ такый часъ, колы збирайешся вмерать, дивчына не памьятала бильше, якъ сердылась йійи маты, вередувала, йила йійи; вона забула усе оце й любыла свою матирь, що бидувала, поневирялась у купи; хочъ се усе выпадало бильшъ дочци—але жъ вона, кажу, забула. Подумала, якъ йійи

маты жыты буде безъ нейи й соромъ йийи узявъ, що хтила йийи кынуты. «Добри люде не покынуть», сказаты хтила, та й стала: хиба не знала вона, якъ то жыты межъ тихъ «добрыхъ людей»? Той николы не бувъ голоднымъ, хто выдумавъ «чесну бидоту», той не плакавъ въ холоднимъ покойи, не тыскавъ у тузи голову поклякшымы рукамы. Дивчына хтила було вже вывернуты корця, але знову спынылась:— якъ такы не подумала вона, що мусыть зъ матирью й сама бидуваты, мусыть гынуты, рятуватысь одъ злыхъ людей одъ сёго проклятого пысаря?

— Не можна, не можна!—ажъ крыкнула дивчына и, не оглядаючысь на матерыне лижко, мовъ боялася, що маты докирно затрымайе йийи, або що вона сама звомпыть, пидняла корця.. Поганый духъ одъ сирныкивъ шкульнувъ йийи въ нисъ. Знову узявъ йийи страхъ: шкода вмераты; рукы затрусылысь, зубы зацокотилы. Вона ледве перемогла себе й прытулыла корця до губъ...

— Боже, Боже!... въ остатне, зъ нудьгою страшенною прошопотила вона й ковтнула разъ... другый...

Корець брязнувъ, впавшы до долу...

Свичка якось сумно, мовъ сырота, блымала въ тыхимъ покойи; маты байдуже спала за запономъ...

М. Заволока.

Астрахань.

СЫРОТЫНА.

Сыротына! Боже добрый!
На вищо родылось?
Раде жыты.... щыре серце
Слёзамы умылось.
    Пиде шляхомъ, оглянеться:
    «Куды мени дитысь?
    Безъ матери, уси чужи—
    Сырота на свити.
Покынула, моя ненько,
На лыху годыну!
Чому мене не сховала
Въ тисну домовыну?»
    И застогне... и поныче
    Бидне головою,
    Наче стоптана травиця
    Людською ногою.

П. Залозный.

ТАРАСЕНКО.

(На спомынъ любого дядька).

Чы мало вже пожывъ на свити дядько Хведиръ, а все ёго дядькомъ величають. Давно уже дидамы поставалы ти хлопци, що разомъ зъ нымъ ягнята паслы, та въ коней гулялы, а дядько Хведиръ, якъ давно колысь ставъ дядькомъ, такъ до сёго часу дядькомъ и зоставсь. Хочъ бы хто помылывсь, та дидомъ ёго назвавъ, такъ ни жъ. Дядько винъ для всихъ, тай годи. Та винъ и не радъ бы бувъ, якъ бы ёго дидомъ надумалысь звать. Такъ уже, не укороты ёму Боже вика̀, дядькомъ винъ и помре.

Дядька Хведора все село знайе, бо винъ никого мовчкы не пропустыть позъ-се̂бе. Зъ тымъ винъ по шуткуйе, того налайе, якъ йе за що, а зъ иншымъ и табакы понюхайе. Черезъ те саме, вси ёго въ сели

люблять и дядькомъ зовуть, а не дидомъ,якъ треба-бъ. Воно й до дила. Бо хто, кажу, не знайе, що зъ дидомъ не така вже розмова, якъ зъ дядькомъ. Зъ дядькомъ всяке разбалакайеться, а зъ дидомъ не дуже то роспускай языка. Поздоровкавсь зъ нымъ, сказавъ до ёго слово, два, та нышкомъ и йды своею дорогою и не вьязны бильше до старого, якъ не хочешъ, щобъ винъ тоби таке сказавъ, одъ чого ты зразу языка прыкусышъ. Иншого дида й зачепыть страшно, а зъ иншымъ и дось-то хотилось-бы побалакать де про що,—такъ куды жъ тамъ тоби, колы винъ и на мову не здайеться. Дитвора, тà зовсимъ бойиться дидивъ, якый бы винъ тамъ соби не бувъ той дидъ: якъ де побачыть ёго зъ патерыцею, то заразъ такого дасть драла, що будь ты соби найпрудшый, та щедо того и роззуйсь, то и тоди не вловышъ тіейи дытыны, що пустылась навтикача. А чого-бъ, здайеться, бояться того дида, чого-бъ утикать одъ ёго, колы винъ не женеться, тай погнаться вже не ёго сыла.

Ни вже, якъ-бы воно тамъ не було, а дядькови Хведорови зовсимъ не до рѐчи пошыться въ диды, бо й що вже, спытаю я васъ, зъ ёго, зъ того дида? Гляньте вы на ёго! Старый та сывый, якъ молоко, безъ ципка и не ступыть, навить въ церкви зъ нымъ стойить, хочъ спыною и обперся вже объ стину; завше хрыпыть, або стогне, або кашля, завше соби щось пидъ нисъ мурмоче, николы не засміеться, николы

не пожартуйе, а бильшъ все сварыться и якъ дывыться, то, здайеться, нибы винъ въ себе очи повернувъ и тамъ на щось роздывляйеться, а передъ собою и не бачыть ничого. И все вже ёму не мыле, все не про ёго, нищо ёго не кортыть, йижа, навить, не бере ёго, и якъ бы дида не позвалы до столу, то такъ бы винъ и просыдивъ цилисинькый день безъ шматка хлиба. Та якъ и сяде винъ до борщу, то не такъ уже береться коло мыскы, якъ повынно-бъ буть; ложка въ рукахъ у ёго трусыться, и такъ винъ нею орудуйе, що збоку здайеться, нибы винъ прычащайеться, а не обидайе. И надто вже богомильни оци диды. Ще до вечерни, або до службы божойи и не задзвонылы, ще й паламарь до батюшкы за ключыма не йшовъ, а диды,—що йимъ дома робыть,—вже прыплентались до церквы, тай сыдять соби биля церковнойи брамы пидъ барканомъ на лавци, що позаторикъ майстри зробылы, якъ въ старій ошули нови дошкы закыдалы кругомъ церквы.

Може вы, хто васъ знайе, скажете, що и мій дядько Хведиръ буде колысь отакымъ старымъ, страшнымъ, немощнымъ и никуды не потрибущымъ дидомъ, що й ёго диты боятымуться, що и винъ зъ другымы дидамы сыдитыме пидъ церквою и дожыдатыме тутъ, покиль-то въ церкви отправа почнеться, та въ дзвинъ ударять? Э, ни, цёго не буде, щобъ вы тамъ не казалы. Бо якъ бы ёму буть дидомъ, то вже-бъ доси винъ бувъ бы нымъ.

А то жъ вы самы, поздоровъ васъ Боже, подывиться на дядька Хведора. Давнымъ-давно вже винъ бувъ парубкомъ, а що за бравый ще зъ його чоловяга. Вы не будьте тилькы московською прычепою,— бо хыба такыхъ не майе мижъ вамы?—и не дуже допытуйтесь мене, чого то мій дядько Хведиръ станомъ неначе трохы напередъ подавсь? Я й самъ це добре бачу, але-жъ хто не бачыть и того, що зовсимъ въ дугу винъ николы не зигнеться, а покы й його, зостанеться такымъ уже, якъ теперъ йесть. За те жъ чупрына удядька Хведора—дарма, що на половыну сыва, а все-жъ якъ и перше въ кучери ще; та и око дядькове ще таке, що за тройе гонѐй бачыть въ поли, що кругомъ його робыться, и голосъ у його доволи дужый, бо якъ на кого гукне дядько, то на пивъ села чутно бувайе, и той його почуйе, хто дядькови зовсимъ не потрибенъ. Або, якъ вы соби думайете: хто дядькови косыть, або молотыть? Никого не ставъ винъ просыть, все, що треба, самъ робыть. И, щобъ вы зналы, до вику робытыме. Такый, бачте, винъ, ниврокy йому, вдався соби мицный, хочъ и не конче дужый.

Такъ отъ якъ. Хоча и закрывывся мій дядько Хведиръ на дида, а не дидъ такы. Щобъ буть дидомъ, йому ще недостача въ бороди, бо що то й за дидъ, якъ винъ безъ бороды. Хочь не велычка, а вона повынна буть,—тай де тамъ всякому выкохать таку бородыську, якъ онъ у Цихмистра. Вона у його

ажъ до самого пояса и зъ ёго головою зовсимъ на заступъ похожа. Уже у Демьяненка вона куды меньше и здалеку выдайе неначе тилькы на добре гусыня внызъ хвостомъ. У нашого-жъ дядька борода тилькы за зиму и одросте невелычка. А якъ почалось тепло, такъ и аминь йій. Не вподобавъ дядько литнёго часу въ бороди ходыть. «На що вона мени, каже, теперъ здалась? Разъ, що душно, а друге—свербыть, якъ пылюгы въ нейи набьеться, а одъ цёго не встережешся биля роботы. Зимою инше дило, тоди вона ничого не шкодыть и корысть якась зъ нейи йе. Прымиромъ въ морозъ, якъ часомъ, бувайе, добрый ухопыть, та ще, бороны Боже, зъ витромъ, то въ бороди все не такъ въ лыце смалыть, якъ безъ нейи». За те усивъ старый николы не чипайе.

Не зъ багатого роду дядько Хведиръ и самъ не багатырь. Трапляйеться инколы такъ, що и миднойи копийкы у ёго въ хати не майе. Соли бувайе ни за що купыть, а тра набиръ узять. Одначе, хочъ дядькови и прыходыться часомъ до скруту, а жыве винъ соби ще слава Богу. За подушне ёго не тягають, одъ подати, якъ загадають, не одмагайеться, а якъ свойихъ недостача, або и зовсимъ не трапыться—позычыть десь, а заплатыть. Хлиба свого у дядька Хведора стайе на весь годъ, и до нового не купуйе, а ще иншымъ часомъ залышнёйи пашни мирокъ килька жыдамъ продасть. Недавно ще у дядька Хведора була одным

одна коривка та овечокъ тамъ щось трохы, а теперъ, якъ диты пидрослы, та заробылы—въ повитци у дядька уже и пара волыкивъ зъ одного боку стойить, а зъ другого пара коначатъ. Не ремствувавъ старый, якъ зовсимъ убогымъ бувъ, и теперь дякуйе Богови за те, що йесть, и на бильше не зазихайе.

Не зъ багатыривъ дядько Хведиръ, та за те зъ розумомъ чоловикъ и на языкъ смилывый. Зъ нымъ балакай та й остеригайся, бо якъ що трохы не туды, то й не счуйешься якъ на глузы пидійме. Лупай тоди очыма, якъ очевыдячкы въ дурни посадыть, и вси сміяться почнуть. Дядько Хведиръ зъ кымъ завгодно поговорыть можыть: чы зъ началныкомъ якымъ, чы такъ зъ чоловикомъ письменнымъ, або бувалымъ. Да воно якъ до правды сказать, то старый нашъ такыхъ началныкивъ, якъ староста та урядныкъ, не дуже то и почтенькуйе. Старосту винъ мало не въ вичи «хабарныкомъ» зве; старшыну «хабарныкомъ всесвитнимъ», а про урядныка каже, що «якъ бы винъ не такъ часто въ село навидувавсь, то жинкы бильше курчатъ продавалы-бъ курятныкамъ».

Чого тутъ ховаться, треба правду сказать, що дядько Хведиръ не мылостывый на свойихъ сильскыхъ роспорядныкивъ.

— Скилькы на свити не жыву, каже винъ, и скилькы людей не зазнаю, що старостою перебувалы въ нашому сели, ни одынъ изъ йихъ не забид-

нивъ на старостивстви, а непременно коженъ, колы старостуйе, и хазяйство свойе поправыть, и самъ якъ не ввесь, то хочъ въ вязахъ потовщайе. Чы не вже-жъ то воно и всюды у людей такъ поводыться?

За всимъ тымъ дядько Хведиръ чоловикъ смырный. Пылнуйе винъ себе, свою симью, и якъ не въ поли на свойий ризи длубайеться, або якъ не дома по хазяйству що-нѐбудь справляйе, то зъ рушныцею та зъ ятирамы по плавамъ мешкайе. Ридко побачыте вы ёго биля корчмы, а ще ридше навертайеться винъ до росправы. Одначе хочъ и мижъ людьмы винъ мало вештайеться, а знайе добре все, щò за день въ сели зробыться. Увесь день дядько дома сыдивъ и до ёго, здайеться, нихто не забигавъ,—и одже спытайте ёго— и не я буду, якъ винъ вамъ не скаже, за якымъ диломъ становый въ село прыбигавъ и скилькы староста одъ ёго мылости лящивъ зъйивъ, на яку потимъ пораду той же самый староста до жыда бигавъ, хто зъ людей тутечкы до пизнойи ночи напувавъ старосту и хабара ёму давъ, щобъ той якесь тамъ дило ёму зробывъ; не сховайеться одъ дядька и те, хто зъ кымъ побывсь, або полаявсь, якый парубокъ батькови прытыкою голову провалывъ и хто жинку прыгалушывъ. Знайе старый и те, що въ ночи въ сели койиться. Та що й казать: изъ того, що въ сели колы-бъ тамъ воно не зробылось, ничого нема такого, до чого-бъ старый не дознався та й на вусъ соби не замотавъ бы. И вже винъ—то соби знайе, що

кому сказать, якъ прыйдеться до чого. Остеригайтесь тоди вже дядька ти, хто прошпетывсь. Никому ничого не попустыть винъ и хочъ до время мовчатыме, а выбере колысь часъ, все прыгадайе, ничого не забуде, та въ таки люде введе, що поки й вику памятатымешъ старого дядька Хведора и ёго гострый язычокъ.

Отакъ само поступайеться дядько Хведиръ и въ громадськимъ дили. Щобъ тамъ не робылось биля росправы, дядько, хочъ бы позъ самисиньку йійи йшовъ, николы до нейи не заверне. Та ёго, здайеться, и налыгачемъ туды не затягнешъ. Инколы, бувайе, кажешъ ёму:

— Чому вы, дядьку, до росправы не йдете, адже чуйете, якый тамъ галасъ пиднялы? И далеби, що пишлы-бъ; може вамъ якъ разъ теперъ варто тамъ буты, може-бъ на цей разъ вашойи рады и послухалась бы громада.

— Цуръ-пекъ ёму! одказуйе дядько.

— Чого це такъ?

— Колышнёго часу и я ходывъ, а теперъ дома посыжу. Бо хоча я й горластый, а одынъ самъ всихъ не перекрычу и по моёму нищо не зробыться. «Кыктя»-жъ, що мовъ не прыторенный, на все село дереться,—цёго мени и звидциля чутно. А отъ краще сидайте у насъ, та росказуйте що-небудь.

Жалкуючы горла, дядько такъ и зостанеться дома и ногою винъ не ступыть зъ мисця, щобъ справди

вмишаться мижъ люде и послухать, про що воны такъ розговорылысь, що ажъ крыкъ извелы и мало за чубы не беруться. Але старый знайе, що винъ робыть: люде итымуть черезъ дядькивъ городъ до дому и сёгодня жъ роскажуть дядькови все, що ёму знать належыть. А якъ уже до чого довидавсь старый, то, кажу-жъ вамъ, що те николы въ свити даремне не пропаде, и кому слидъ, той, хочъ бы то бувъ и самъ староста, дождеться свого часу и прыйме свойе одъ старого. И отъ, хоть бы й заразъ сказать. Ще зовсимъ недавнечко постановылы у насъ нового старосту (дядько ёго «гныдявымъ» прозвавъ), а вже винъ доволи розизнавъ, що то за чоловикъ дядько Хведиръ, и що въ ёго натура така, хочъ куды вмишаться. Бильшъ нижъ старшыны (прозывайеться—Теплый, а за дядькомъ вси люде звуть ёго—Гарячый) потерпайе «гныдявый» дядька и, зуспывшы ёго якось биля ставу, почавъ ёму казать:

— Що я вамъ, дядьку, заподіявъ такого, що вы мене повсигда нивечыте передъ людьмы? Вы чоловикъ старый и, здайеться, сами знайете добре, що можна сказать, а про що и змовчать бы треба,— а въ васъ все однаково! Годи вамъ нападаться на мене, я жъ вамъ не ворогъ!

А дядько ёму на це зъ опаломъ:

— Выдумляйешъ ты чорты—батька—зна що, якъ послухаю я тебе. Якый тамъ нечыстый напосився на тебе?! Робышъ по чортыному, та ще й слова

ёму не скажы. Проворный ты у насъ, отъ що погано. Що тамъ того ты старостуйешъ, а вже, хвалыть ёго ласку небесну, за людськымы плечыма вылынявъ и гныды обгубывъ... Слухай лышень сюды: не беры хабаривъ, не злыгуйся зъ жыдовъ, не дуже то слухай отыхъ пьянюгъ, що у тебе за добросовистныхъ людей, не давы, робы все по божому, тоди ни яке ледащо не посмійе тоби ніякойи крывды сказать, та и я проты тебе рота не роздявлю.

А иншымъ часомъ, якъ счепыться дядько зъ старостою, то дали такъ заведуться воны, що дядько ажъ налайе старосту. А люде слухають, та по-межъ собою й кажуть, що «якъ бы всяке посмило отакъ сперычаться зъ старостою, то може бъ винъ трохы не такъ людей зайидавъ».

И отакъ, якъ бачете, сами люде говорять, що якъ кому Тарасенко не выговорыть всёго за яку провыну, тому нихто вже ничого не скаже.

А тымъ часомъ, хоча й багато де-кому въ сели досталось одъ дядька Хведора, та колы-жъ за лыхого чоловика нихто ёго не майе.

— Ничого чоловика гудыть, кажуть про ёго люде. Така вже чудернацька вдача ёго, що винъ хочь кому до жывыхъ печинокъ допече,—зъ цымъ диться никуды, а тилько тра правду казать: даремно винъ ни на кого не нападеться!

Та нащо вамъ краще! Якъ-бы дядько Хведиръ до всякого, не розибравшы дила, чиплявся, то хто-

хто, а староста вступывся-бъ за себе и дядько давно вже одкоштувавъ бы старостыного ципка и холоднойи. Та чому й не такъ бы! Роспалыться староста на дядька такъ, що здайеться на двойе бъ перервавъ ёго, а дядькови чортъ-ма й гадкы: выцвикавъ на вси бокы старосту та й пишовъ свойею дорогою. Перелютуйе панъ староста, прыйде въ корчму, выпье на потуху гнива чарокъ нескилько горилки (тіейи, що жыдъ про поссесора держыть),—що дня божого четвертына йде на одного чоловика—и не пьяный, а тилькы очи чорни та чортомъ дывыться и, закусуючи оселедцемъ, каже до свойихъ прыятеливъ:

— Не знаю самъ, зъ котрого боку пидступыться до цёго старыка (це-бъ то, вважайете, до дядька), а давно пора вже дать ёму доброго памятного, щобъ знавъ свойе стійло и не токмачывъ свого носа туды, де ёму не слидъ буть.

— Шкода, пане старосто! Пропаща ваша праця, бо якъ вы соби тамъ не метекуйте, а дядькови Хведорови и на макове зерно ничого вы не запошкодыте. Хиба мало васъ до цёго часу нахвалялось на дядька Хведора, та що-жъ, колы все пустый захидъ бувъ. Чого дядькови не казалы и не робылы, а винъ якымъ бувъ, такымъ и доси йесть и дали ёму ничого одъ васъ не станеться—бериться не бериться вы проты ёго. Я-бъ вамъ раявъ бильше прыслухаться до дядьковойи мовы и хочъ колы-небудь робыть такъ, якъ винъ казатыме, та я знаю, що вы мене не по-

слухайете и ще, крый Боже, урядныкови про мене въ уши таке внесете, що я потимъ и свитови свойому не радъ буду. Робить, якъ знайете, я вамъ не порадчыкъ.

Пенчукивець.

1885 г. юня 10 дня.
Херсонъ.

ОБЛАСТНОЕ НАЧАЛО

ВЪ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКѢ.

Вотъ уже 20 лѣтъ, т. е. со времени открытія земскихъ учрежденій, земства разныхъ губерній и уѣздовъ занимаются собираніемъ разнаго рода статистическихъ свѣдѣній, печатаютъ ихъ то въ видѣ приложеній къ докладамъ и отчетамъ, то въ видѣ отдѣльныхъ монографій и брошюръ по тому или другому вопросу. Въ первое десятилѣтіе дѣлали это члены земскихъ управъ при помощи канцелярій, а съ 1875 г. земства обратились къ изданію описаній уѣздовъ, составляемыхъ спеціалистами. Такимъ образомъ среди массы статистическихъ изданій правительства, разныхъ обществъ и учрежденій мало по малу создался особый типъ статистическихъ изданій земскихъ,—изъ области статистики вообще, какъ науки, выдѣлилась особая ея отрасль—«земская статистика». О послѣдней мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ и постараемся подмѣтить, чѣмъ от-

личается она отъ статистики административной вообще.

Извѣстно, что для собиранія статистическаго матеріала существуютъ два способа: способъ записей и способъ переписей. Въ медицинѣ, метеорологіи, финансовой наукѣ о торговлѣ внѣшней и внутренней, въ юриспруденціи и другихъ наукахъ принята система *записей*: ежедневно, ежемѣсячно или ежегодно дѣлаются спеціалистами записи о наблюдаемыхъ явленіяхъ въ извѣстныхъ пунктахъ, а затѣмъ по прошествіи извѣстнаго періода времени они сводятся въ таблицы и суммируются; такимъ же образомъ получаются, напр., и данныя изъ метрическихъ записей о числѣ рожденій, браковъ, смертей и т. п. Администрація, не чуждаясь системы записей, чаще для своихъ нуждъ прибѣгаетъ къ *переписямъ*, самый изысканный способъ которыхъ представляется однодневной переписью города, извѣстной области, наконецъ даже цѣлаго государства. Тутъ не требуется спеціалистовъ по той или другой наукѣ, а къ самоисчисленію приглашается все населеніе, которое само помогаетъ массѣ исполнителей переписи точно заполнить впередъ составленныя и опредѣленныя рубрики переписныхъ листковъ. Земская статистика по способу собиранія свѣдѣній, не имѣя пока ничего общаго съ системою записей, отличается и отъ переписи въ чистомъ ея видѣ—хотя бы уже однимъ тѣмъ, что исполнителями ея отъ начала до конца работъ обыкновенно являются одни и тѣ же лица:

они и программы переписи сами составляютъ, и ѣздятъ съ этими программами по населеннымъ пунктамъ изучаемой мѣстности, наконецъ они же и обрабатываютъ эти свѣдѣнія. Такой способъ собиранія и обработки свѣдѣній принято называть методомъ экспедиціоннымъ, и онъ употребляется главнымъ образомъ географами и путешественниками. Интересно то, что именно на этомъ методѣ остановились земства почти всѣхъ губерній, гдѣ заведены статистическія земскія изслѣдованія (за исключеніемъ развѣ Харьковскаго губернскаго земства и Новгородскаго); Херсонское земство, напр., обратилось къ нему, испробовавъ первоначально другой методъ—собиранія данныхъ посредствомъ разсылки бланковъ въ городскія думы, волостныя правленія и къ частнымъ лицамъ. Интересно и то, чѣмъ мотивировалось здѣсь принятіе экспедиціоннаго метода, который выработанъ былъ первоначально въ Вятской, Московской и Черниговской губерніяхъ. Статья г. Гороновича, помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1879 года разъясняетъ это довольно обстоятельно. Въ земскомъ собраніи, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, не было спору о томъ, что методъ, принятый тогда статистиками для обработки данныхъ, совершенно правиленъ, но самыя данныя, получаемыя посредствомъ разсылки бланковъ, оказывались невѣрными и недостаточными. Очевидно, земство интересовалось не столько выводами и разработкою цифровыхъ данныхъ, сколько самими данными и ихъ точностью. Коль скоро опытъ

показалъ, что экспедиціонный методъ гарантируетъ ихъ точность, всѣ земства приняли этотъ методъ; протесты новгородскихъ земцевъ, утверждающихъ, что необходимо для собиранія свѣдѣній имѣть однихъ лицъ, а для обработки ихъ—другихъ, не могутъ имѣть въ этомъ случаѣ значенія, такъ какъ новгородское земство составляетъ почти единичное исключеніе въ этомъ вопросѣ.

Методъ собиранія свѣдѣній, одобренный земствамъ и практикуемый земскими статистиками, конечно не могъ не оказать вліянія и на характеръ дальнѣйшихъ трудовъ послѣднихъ по обработкѣ и изданію собраннаго матеріала; всѣ почти земскіе статистическіе сборники отличаются тѣмъ, что сухой цифровой матеріалъ въ нихъ освѣжается описаніями географическаго, этнографическаго и демографическаго содержанія. Это земцами не считается лишнимъ; посторонніе же критики въ повременной прессѣ если и обращаютъ вниманіе на эту описательную часть, то всегда ставятъ ее только въ заслугу статистикамъ; наоборотъ, относительно таблицъ очень часто можно слышать укоры статистикамъ за недостаточную ихъ разработку. Земцы, сколько можно судить по фактамъ, принимаютъ послѣднія указанія только къ свѣдѣнію, но не предпринимаютъ ничего для измѣненія дѣла; можетъ быть пока въ создавшемся порядкѣ статистическихъ работъ не происходитъ измѣненій оттого, что земства, начавшія статистическія работы, еще не закончили основнаго

описанія губерній (кромѣ Московской и Черниговской); можетъ быть это зависитъ и отъ средствъ, отпускаемыхъ на статистическія работы. Во всякомъ случаѣ tacito concensu для типа земской статистики признается за удовлетворяющій назначенію—способъ изданія статистическихъ сборниковъ, состоящихъ изъ сыраго полуобработаннаго цифроваго матеріала и описаній главнѣйшихъ явленій, изслѣдованныхъ экспедиціоннымъ путемъ. Это—способъ изложенія географическій, имѣющій дѣло съ фактами жизни, каковы они есть; разсужденія и выводы изъ цифръ земцы очевидно оставляютъ на своей обязанности, предоставляя статистикамъ быть фотографами дѣйствительности. Но могутъ ли послѣдніе быть таковыми? На этотъ вопросъ легче будетъ отвѣтить, когда мы посмотримъ, что именно приходится изображать земскимъ статистикамъ, т. е., когда мы обратимся къ содержанію земской статистики и къ программамъ, по которымъ земства собираютъ свѣдѣнія.

Достаточно бѣглаго взгляда только на оглавленія земскихъ статистическихъ изданій, чтобы увидѣть, что земская статистика, при разнообразіи цѣлей и направленія ея въ разныхъ губерніяхъ, отмежевала себѣ изъ обширной области статистической науки извѣстную часть, которая имѣетъ свое особое, дѣйствительно «земское», содержаніе. Вопросы о торговлѣ, дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, числѣ и характерѣ торговыхъ фирмъ, оказывающихъ огромное вліяніе на экономическое положеніе окрестнаго на-

селенія, данныя о положеніи кредита, о юридической, нравственной, умственной, политической, религіозной жизни народа, городскаго населенія и высшихъ слоевъ общества—всѣ подобные вопросы, могущіе подлежать статистическому изслѣдованію, не вошли въ кругъ предметовъ земской статистики. Въ Херсонской губерніи, напр., гдѣ находятся 2 главнѣйшіе отпускные порта—Одесса и Николаевъ, никогда не поднимался вопросъ въ земствѣ объ изслѣдованіи дѣятельности ихъ и вліяніи ея на экономическую жизнь окрестнаго населенія; очевидно земство считаетъ этотъ вопросъ какъ бы постороннимъ для себя. Даже болѣе близкіе къ земской сферѣ вопросы—о положеніи средствъ транспорта, о существующихъ путяхъ сообщенія, о гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ населеніе,—вопросы, которые для каждаго отдѣльнаго случая земство рѣшаетъ чуть не каждый день, почему-то считаются земствами не подлежащими пока статистическому изученію и подсчету. Фабричная и заводская промышленность изучается только нѣкоторыми земствами и съ спеціальными цѣлями. Но за то есть вопросы, которые всѣ земства признали для себя какъ бы обазательными. Формы и размѣры землевладѣнія, зависящіе отъ нихъ способы эксплуатаціи земли и положеніе главной массы сельскаго населенія — земледѣльцевъ (а между ними крестьянъ въ особенности),—вотъ что составило главный предметъ земскихъ статистическихъ работъ, не смотря

на все разнообразіе по губерніямъ программы въ частностяхъ. Оно и понятно. Представляя изъ себя если не коллективнаго хозяина имуществъ губерніи или уѣзда, то по крайней мѣрѣ главнаго блюстителя общественныхъ и народныхъ интересовъ своей мѣстности, земское собраніе прежде всего нуждается въ знаніи частей своего хозяйства; а такъ какъ хозяйство это главнымъ образомъ заключается въ земледѣліи и другихъ видахъ добывающей промышленности, то и нужно собранію имѣть въ видѣ краткаго конспекта изображеніе и количества земельныхъ имуществъ, и распредѣленія ихъ между разнаго рода владѣльцами, и тѣхъ формъ труда, къ какимъ вслѣдствіе такого распредѣленія естественныхъ богатствъ прибѣгаетъ земледѣльческое населеніе, и, наконецъ, размѣровъ главнѣйшей добывающей промышленности, т. е. земледѣлія. Какъ будетъ сдѣлано это изображеніе, при помощи какихъ картъ, чертежей, таблицъ и характеристикъ, — это дѣло исполнителей; земство желаетъ имѣть только данныя для этого изображенія, по возможности болѣе точныя, полныя и разработанныя съ точки зрѣнія, устанавливаемой политической экономіею, для чего не скупится на расходы по собиранію данныхъ и на приглашеніе лицъ съ высшихъ образованіемъ для руководства дѣломъ и для обработки данныхъ. Но если земства поручаютъ разработку цифръ лицамъ, спеціально подготовленнымъ къ сортировкѣ явленій экономической жизни, то это еще не зна-

читъ, что они не интересуются содержаніемъ статистики, объемомъ и характеромъ программы статистическаго изслѣдованія: вездѣ въ собраніяхъ при учрежденіи статистическихъ отдѣленій дебатируются именно эти вопросы, и было бы очень интересно собрать воедино всевозможныя мнѣнія по этому предмету гласныхъ разныхъ губерній для того, чтобы подмѣтить, въ какую сторону въ общемъ направляются желанія земскихъ людей въ этомъ дѣлѣ. Иногда въ печати встрѣчаются упреки земскимъ гласнымъ, высказывающимся противъ статистики, какъ лишняго и ненужнаго для земства занятія. Правда, въ этомъ случаѣ въ иныхъ мѣстахъ и проявляютъ себя разныя консервативныя побужденія остатковъ старой крѣпостнической партіи, къ которой примыкаютъ аферисты новой формаціи, утверждающіе, какъ въ «Недорослѣ» г-жа Простакова, что географія вовсе не нужна, ибо есть извозчики и ямщики. Но въ большинствѣ постоянно мѣняющагося состава земскихъ собраній, которое и выражаетъ желаніе земства, и рѣшаетъ вопросъ въ пользу статистическихъ изслѣдованій, видно уже ясное сознаніе необходимости имѣть при управахъ особыя статистическія учрежденія, такъ же какъ уже признано необходимымъ имѣть ветеринаровъ, врачей, техниковъ по строительному дѣлу и другихъ спеціалистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это большинство гласныхъ, устроившихъ болѣе чѣмъ въ 20 губерніяхъ такія статистическія учрежденія, имѣетъ из-

вѣстные взгляды на то содержаніе, которое должна имѣть земская статистика. Но такъ какъ мы не имѣемъ подобнаго свода мнѣній гг. гласныхъ многихъ губерній, то вопросъ о подробностяхъ земской статистической программы попробуемъ рѣшить на основаніи теоретическахъ соображеній о томъ, что можетъ подлежать статистическому изученію въ той или другой мѣстности Россіи, а также и на основаніи тѣхъ существующихъ исполненныхъ работъ, которыя, вѣроятно, отвѣчаютъ запросамъ земцевъ, разъ они ими изданы и не преданы уничтоженію, какъ то случилось только въ одномъ печальномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Рязанской губерніи.

Россія—страна очень обширная: условія экономической жизни на степныхъ берегахъ Чернаго моря, гдѣ земледѣльческій годъ состоитъ изъ 9-ти мѣсяцевъ, не могутъ быть даже сравниваемы съ тѣми напр. губерніями, гдѣ 4—5-ти мѣсячный срокъ полевыхъ работъ совсѣмъ иначе вліяетъ на направленіе и формы приложенія труда въ области добывающей промышленности. Россія—страна очень разнообразная и по распредѣленію на ея площади естественныхъ богатствъ, которыя привлекаютъ къ себѣ трудъ человѣка кромѣ земледѣльческаго. Только иностранцу, знакомому съ нею столько же, какъ и со странами Сибири или Африки, она можетъ показаться однообразною равниною, раскинувшеюся отъ Бѣлаго до Чернаго морей безъ всякихъ отличій въ разныхъ частяхъ; но для того, кто хоть бѣгло

просмотрѣлъ труды Центральнаго Статистическаго Комитета, офицеровъ Генеральнаго штаба, Департамента земледѣлія и сельской промышленности,— совершенно ясно, что должно быть много разнообразія въ экономической жизни населенія, могущаго въ одномъ концѣ этой обширной страны разводить виноградъ, въ другомъ копать руду или каменный уголь, въ третьемъ сплавлять лѣсъ, въ четвертомъ— устраивать сахарное производство, въ одномъ—запрягать оленей, а въ другомъ—вьючить ословъ и верблюдовъ. Россія—страна сложная и по политическимъ и по народно-юридическимъ и національнымъ и религіознымъ отличіямъ ея краевъ, мѣстностей и губерній; а эти отличія наложили въ свою очередь извѣстную печать на характеръ соціальной и экономической жизни. Если въ одномъ углу ея можно встрѣтить, напр., сильное стремленіе массы рабочаго люда къ пріобрѣтенію земель въ личную собственность, то за то можно найти и такіе края, гдѣ межевое прикрѣпленіе къ опредѣленной мѣстности даже цѣлыхъ общинъ было бы сочтено послѣдними за извѣстнаго рода стѣсненіе ихъ обычныхъ способовъ хозяйствованія. Въ одномъ мѣстѣ—крупная производительность, обратившись къ фабрикаціи предметовъ потребленія, стремится поглотить и вытѣснить съ поля борьбы мелкія ремесла; въ другомъ, сосредоточившись на земледѣліи, она въ фактахъ жизни послѣдняго времени выражаетъ тенденцію побороть конкурренцію съ нею мелкихъ земледѣль-

ческихъ хозяйствъ и ихъ хозяйственныя силы обратить въ свою рабочую силу,—посредствомъ воздержанія отъ раздачи земли въ обработку по мелочамъ, увеличенія своей собственной запашки, введенія машинъ и т. п. Здѣсь добывающая промышленность нашла себѣ приложеніе въ горномъ дѣлѣ, охотѣ, рыбной ловлѣ; тамъ она сконцентрировалась на садоводствѣ, хмѣлеводствѣ, табачныхъ или виноградныхъ плантаціяхъ мелкихъ собственниковъ; еще гдѣ-нибудь верхъ взяло капиталистическое производство людей пока безземельныхъ и сосредоточилось на овцеводствѣ или сахароваренiи, а земли и крестьянскихъ надѣловъ и крупныхъ помѣстій очутились въ кабалѣ у этой промышленности и т. д. и т. д.

При такихъ разнообразныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена соціально-экономическая жизнь разныхъ частей нашего государства, едва ли земцы разныхъ губерній могутъ высказаться въ пользу совершенно одинаковой программы статистическаго изслѣдованія добывающей промышленности, познаніе которой привлекаетъ ихъ вниманіе. Исполняя свою функцію заботы объ увеличеніи, расширеніи и поднятіи производительности вообще и развитіи народнаго хозяйства въ частности, земство никогда не захочетъ послѣднему насильно навязывать какія-либо особыя формы и отрасли производства, не обѣщающія успѣха въ силу установившихся вслѣдствіе долгаго опыта жизни народныхъ обычаевъ; это значило бы заняться постройкою маниловскихъ карточныхъ

домиковъ съ такими же мостиками, прудами и т. п. Напротивъ, относясь съ уваженіемъ къ тому, что даетъ дѣйствительная жизнь, земство всегда будетъ стремиться развивать и упорядочивать тѣ отрасли труда, которыя уже создались и существуютъ въ данномъ районѣ. Если бы даже и появилось гдѣ-нибудь предложеніе какого-либо гласнаго, отличающееся чисто бюрократическимъ характеромъ съ эфемерными предположеніями, и если бы паче чаянія оно не провалилось въ собраніи, состоящемъ въ большинствѣ всегда изъ людей практики, то, будучи проводимо въ жизнь, оно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ непремѣнно само себя дискредитируетъ, и земство откажется его поддерживать. Такова ужь сущность земскаго дѣла, что изъ среды земцевъ не могутъ выходить Угрюмъ-бурчеевскія распоряженія. А вслѣдствіе этого и статистическое изученіе своей губерніи или уѣзда земство неминуемо направляетъ и будетъ направлять на тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя существуютъ въ дѣйствительности и составляютъ характеристическія особенности данной мѣстности! Если земцы говорятъ, какъ говорилъ напр. гласный Поль въ Екатеринославскомъ губернскомъ собраніи, что имъ нужно знать бытовую сторону жизни сельскаго населенія, и при помощи статистическаго описанія получить «картину его хозяйственнаго положенія», *) то этимъ они именно

*) Газета «Степь» 1885 г. № 26, стр. 416.

хотятъ сказать, что земская статистика въ своей программѣ изслѣдованій должна уловить тѣ мѣстныя отличія жизни, которыя составляютъ частности названной картины и даютъ ей, такъ сказать, оживляющія краски. Въ самомъ дѣлѣ,—если въ извѣстной губерніи существуютъ особыя сословія чиншевиковъ, царанъ, десятинщиковъ, козаковъ, военныхъ поселянъ, колонистовъ и т. п., имѣющихъ совершенно особыя формы отношенія къ главному орудію производства—землѣ, отношенія не повторяющіеся въ другихъ губерніяхъ, то составителю общей картины жизни данной губерніи непремѣнно прійдется обратить наибольшее вниманіе на особенности жизни этихъ группъ, придающихъ картинѣ спеціальный мѣстный колоритъ. Ему при составленіи еще самой программы изслѣдованія необходимо будетъ обратиться къ этимъ мѣстнымъ особенностямъ жизни, чтобы въ конечномъ результатѣ работъ не получилось ложнаго освѣщенія изучаемыхъ фактовъ. Пояснимъ сказанное нѣсколькими примѣрами.

Самыя элементарныя данныя, напр., о числѣ жителей, по требованію экономическаго изслѣдованія должны быть раздѣлены на рубрики, въ данномъ случаѣ по возрастамъ людей—для опредѣленія количества производительныхъ «рабочихъ» и такъ называемыхъ «ѣдоковъ», т. е. лицъ, еще ничего не производящихъ, но требующихъ только прокормленія. Является вопросъ о томъ, какіе годы возраста

принять за «рабочій возрастъ»? Принимаютъ за такой возрастъ года отъ 18 до 60, или отъ 20 до 60 для мужчинъ и до 55 для женщинъ. Примѣняя эти рубрики, положимъ, къ изслѣдованію земледѣльческой жизни Южной Россіи, мы наталкиваемся на слѣдующія противорѣчія. Здѣсь, при обработкѣ земли плугами съ упряжкою въ нѣсколько паръ воловъ, дѣти съ 12—14, или даже и 10 лѣтняго возраста являются необходимою рабочею силою, безъ которой не можетъ быть произведена самая работа; при молотьбѣ хлѣба не цѣпами, какъ въ сѣверной Россіи, а на горманѣ или при помощи конныхъ молотилокъ, дѣти того же возраста исполняютъ функцію полнаго рабочаго и при этой главнѣйшей сельско-хозяйственной операціи; они не идутъ только косить, вязать снопы и класть сѣно и хлѣбъ въ скирты! Табачное производство во многихъ мѣстностяхъ требуетъ работы главнымъ образомъ дѣтей и подростковъ. Понятно, что статистикъ, въ виду такихъ фактовъ жизни, не можетъ принять безъ измѣненія тѣхъ рубрикъ, которыя вполнѣ удовлетворяютъ статистическому изслѣдованію земледѣлія въ сѣверной или средней Россіи, а принужденъ будетъ нѣсколько измѣнить ихъ, для того чтобы его таблицы выражали дѣйствительное распредѣленіе рабочихъ силъ въ земледѣльческихъ семьяхъ или хозяйствахъ: и въ самомъ дѣлѣ, хозяйство съ однимъ взрослымъ человѣкомъ и мальчикомъ 12—18 лѣтъ представляетъ въ Южной Россіи семью съ

двумя, а не съ однимъ рабочимъ, какъ въ сѣверной, гдѣ работа производится сохою. Не то увидимъ, когда обратимъ вниманіе на снабженіе южнорусскаго земледѣльческаго хозяйства рабочимъ скотомъ: тутъ только три пары воловъ дѣлаютъ хозяйство вполнѣ тяглымъ, тогда какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ работаютъ сохою—одноконкою, такимъ хозяйствомъ будетъ уже и то, у котораго есть только одна лошадь. Чѣмъ далѣе мы станемъ углубляться въ значеніе статистическихъ рубрикъ, по которымъ располагается цифровой матеріалъ, тѣмъ болѣе мѣстныя особенности жизни будутъ заявлять свои требованія на прилаживаніе къ нимъ статистическихъ категорій и постройку таблицъ согласно съ дѣйствительными фактами жизни, а не какими-нибудь теоретическими требованіями. Возьмемъ, напр., обезпеченіе земледѣльческихъ хозяйствъ тѣмъ или другимъ количествомъ земли, или такъ называемое раздѣленіе хозяйствъ по размѣрамъ землевладѣнія. Всякому понятно, что имѣть 1 десятину земли въ Саксоніи при тамошнихъ способахъ ея обработки и урожайности,—совсѣмъ не то, что имѣть столько же въ Ставропольской губерніи. Значитъ, прежде чѣмъ дѣлить число хозяйствъ по такому или другому количеству земли, принадлежащей имъ, нужно еще узнать и составъ пищевой площади, т. е. воздѣлываемые хлѣба и растенія и обычную пропорцію ихъ въ хозяйствахъ данной мѣстности, и степень ихъ урожайности, и, какъ причину послѣдней,—обычные

способы обработки земли и т. д. Да и самое измѣреніе благосостоянія десятинами надѣльной земли, вполнѣ пригодное для мѣстностей, гдѣ надъ всѣмъ царитъ зерновая система сельскаго хозяйства, можетъ оказаться недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ, напр., для южной половины Таврической губерніи, гдѣ, можетъ быть, для той же цѣли лучше будетъ узнать число и длину оросительныхъ канавъ, число фруктовыхъ деревъ или виноградныхъ кустовъ. Представимъ себѣ даже, что такихъ отличій нѣтъ, а населеніе занимается только обработкою земли для выращиванія злаковъ, сѣнокошеніемъ и скотоводствомъ: и въ такомъ случаѣ для разныхъ губерній Россіи прійдется составлять разныя рубрики Однѣ нужно будетъ употреблять въ мѣстностяхъ, гдѣ сельско-хозяйственныя угодья рѣзко раздѣлены на полевыя и запольныя пахотныя земли, сѣнокосы пастбища, лѣса и т. п.; другія—тамъ, гдѣ всѣ эти угодья при переложной системѣ представляютъ одну и ту же площадь земли, лишь въ разныя годы служащую для разныхъ хозяйственныхъ назначеній. Неодинаковыя исчисленія прійдется дѣлать въ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ снимаютъ косами и гдѣ жнутъ его серпами; не одно и тоже количество упряжныхъ рабочихъ скотинъ нужно принимать за достаточное для возможности заняться извозомъ тамъ, гдѣ въ обычаѣ дышло, и тамъ, гдѣ употребляется дуга и оглобли.

Такихъ и подобныхъ примѣровъ можно привести еще очень много, и всѣ они покажутъ, что при составленіи программы земскаго статистическаго изслѣдованія трудно бываетъ руководствоваться программами, составленными Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, Департаментомъ Земледѣлія Министерства Государственныхъ Имуществъ и другими центральными учрежденіями. Самое содержаніе «земской статистики», опредѣлившееся за 20 лѣтъ существованія земства, указываетъ на то, что при выработкѣ программъ для земской статистики исходною точкою должна быть не точка зрѣнія абстрактной науки, и не потребности центральнаго правительственнаго органа, а дѣйствительность съ ея мѣстными отличіями. Это и разумѣютъ земцы, требуя, чтобы результаты статистики были точны, т. е. возможно болѣе близки къ дѣйствительности. Ибо въ самомъ дѣлѣ самые элементарные вопросы о числѣ населенныхъ мѣстъ, обществъ, дворовъ, жителей, скота, посѣвовъ и т. п. не могутъ быть выражены правильными статистическими рубриками, пока мы не знаемъ, что создано въ данной губерніи мѣстными условіями жизни: какія существуютъ общества и поселенія, какіе классы населенія, какія породы скота разводятся, какіе хлѣба воздѣлываются и т. п. Иначе можетъ случиться, что мы будемъ дѣлать вопросы о «четвертинникахъ», а встрѣ-

тимъ «чиншевиковъ», въ дедуктивно составленной программѣ обратимъ вниманіе на породы свиней, посѣвы льна и гречи, а жизнь покажетъ, что нужно было бы больше разработать програмку объ овцахъ, спрашивать о пшеницѣ и ячменѣ и т. п. Понятно поэтому, что наиболѣе удобопримѣнимая программа и обѣщающая наилучшее выполненіе можетъ быть составлена только при помощи мѣстныхъ людей, знающихъ свою губернію, или еще лучше—самихъ земцевъ, какъ и дѣлалось это въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а отнюдь не по готовымъ образцамъ центральныхъ учреждсній, и тѣмъ болѣе не по заграничнымъ образцамъ. Только то изслѣдованіе, планъ котораго будетъ подсказанъ мѣстнымъ людямъ мѣстными особенностями, очевидно и будетъ «земскимъ» изслѣдованіемъ; а потому и та наука, которая создается этими изслѣдованіями, можетъ выростать только изъ самой, такъ сказать, почвы, на которой зародилось стремленіе къ самоизученію.

Но, можетъ быть, возразятъ, что погнавшись за удобовыполнимостью и практичностью программы изслѣдованія, земцы могутъ впасть въ ученую ересь, собирая такія данныя, которыя мало интересны для общей государственной статистики, или для науки вообще? Скажутъ, что измѣнивши принятыя въ общей статистикѣ рубрики на свои земскія и обрабатывая данныя по тѣмъ формамъ, которыя противорѣчатъ общепринятымъ, земская статистика отнимаетъ у собраннаго ею матеріала возможность быть

сравниваемымъ съ подобнымъ же матеріаломъ другихъ губерній и странъ? Можетъ быть ради послѣдней цѣли, въ виду пользы общей абстрактной науки, не слѣдуетъ допускать земскую статистику до своеволія въ выработкѣ программъ, а подчинить вожделѣнія ея однимъ общимъ требованіямъ науки? Такія мнѣнія довольно часто уже и заявлялись въ нашей печати централистическаго пошиба и при томъ въ довольно рѣзкой формѣ. Наиболѣе характерною изъ статей съ такимъ содержаніемъ, кажется, была статья, помѣщенная въ «Русской Мысли» за апрѣль 1884 года, авторъ которой даже обращался къ Императорскому Вольному Экономическому Обществу съ просьбою положить предѣлъ «произволу» земцевъ въ ихъ статистическихъ изысканіяхъ и создать одну программу, обязательную для земствъ всѣхъ губерній. Сколько помнится, предложеніе это, сдѣланное въ видѣ доклада «древнѣйшему ученому Обществу», (какъ говорилось въ самомъ докладѣ), не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій и было забыто просто потому, что основная мысль его не выдерживала никакой критики. Дальнѣйшее развитіе этой мысли взялся въ послѣднее время проводить «Экономическій журналъ», а вслѣдъ за нимъ газета «Новости» (1886 г. январь). Для того чтобы статистика получила «единство» и чтобы не было «противорѣчій между казенными и земскими данными», газета эта рекомендуетъ слить въ одно земскую статистику и казенную. Не указывая ни малѣйшаго

способа для такого слитія и рекомендуя такой объединенной статистикѣ воспользоваться услугами священниковъ и сельскихъ учителей, авторъ статьи показываетъ лишь полнѣйшее незнакомство съ дѣломъ, требующимъ для выполненія своего спеціалистовъ, а не случайныхъ любителей. Съ другой стороны онъ вовсе не замѣчаетъ, что его предложеніе равносильно уничтоженію существующихъ земскихъ статистическихъ учрежденій, какъ было бы равносильно упраздненію земскихъ школъ соединеніе ихъ съ министерскими. Такое же упраздненіе земской статистики, по нашему мнѣнію, проповѣдывалъ и авторъ статьи въ «Русской Мысли» два года назадъ. Конечно, всякое земство можетъ выполнять присланную ему со стороны обязательную программу, какъ и выполнило, напр., въ 1881 году правительственную программу для уясненія вопроса о положеніи крестьянскихъ обществъ съ цѣлью уменьшенія выкупныхъ платежей; но для всякаго ясно, что такая программа все же останется правительственною, а никакъ не будетъ «земскою», такъ какъ сами земцы участія въ составленіи ея не принимали. Съ другой стороны авторъ названной статьи «Русской Мысли» только выражалъ мысль, что нужно уничтожить «произволъ» земцевъ въ дѣлѣ статистики; самъ же не сдѣлалъ даже краткаго указанія на то, въ чемъ же должна и можетъ состоять общая обязательная для всѣхъ земствъ программа статистическаго описанія уѣздовъ и губерній. Мо-

жетъ быть онъ не дѣлалъ никакого положительнаго предложенія въ силу простой невозможности составить однообразную программу для всѣхъ 36 земскихъ губерній; но уже одно допущеніе подобной несообразной мысли въ видѣ доклада ученому обществу заставляетъ считаться съ нею и разсмотрѣть ея постулаты.

Главное желаніе, вызывающее подобную мысль, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть подъ рукою цифры изъ разныхъ губерній, поддающіяся легкому сравненію одна съ другой. Всякому, кто знакомъ съ исторіею международныхъ статистическихъ съѣздовъ, или кто занимался статистикою не съ цѣлью ознакомленія съ какой-либо отдѣльною страною, а съ цѣлью уясненія для себя даннаго явленія соціально-экономической жизни по сравнительному методу, извѣстно, какъ много оставляютъ желать существующія системы классификаціи статистическихъ данныхъ. Самыя интересныя, повидимому, рубрики о занятіяхъ людей той или другой страны, о родахъ и видахъ потребляемыхъ ими продуктовъ и т. п., часто не подлежатъ никакому сравненію, если появляются въ таблицахъ, составленныхъ по разнымъ системамъ. Какъ ни досадно встрѣчать такое разнообразіе и разнорѣчіе таблицъ, но это горе вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Хотя сравненіе и есть одинъ изъ методовъ для лучшаго уясненія и усвоенія даннаго факта, но оно на дѣлѣ бываетъ иногда совершенно невозможно

что и становится яснымъ послѣ первой пробы сравненія двухъ однородныхъ статистическихъ показателей. Кому приходилось дѣлать такія сравненія и сопоставленія, тотъ знаетъ, что выводъ о невозможности сравненія иногда бываетъ даже болѣе поучителенъ, чѣмъ самое сравненіе (если бъ оно было возможно), такъ какъ работа, потраченная на эту попытку, всегда выясняетъ лучше всякаго цифроваго сравненія сущность изслѣдуемыхъ явленій или фактовъ. Въ результатѣ подобной работы мы обыкновенно замѣчаемъ тѣ характеристическія ихъ черты, на которыя до того не обращали вниманія, но которыя до такой степени присущи данному факту или явленію въ его родной средѣ, что составляютъ главное его отличіе отъ всѣхъ другихъ. Познакомившись съ фактомъ не посредствомъ ариѳметическаго числоваго метода, а изъ описанія его, мы, вмѣсто сравненія простыхъ цифръ, принуждены будемъ сдѣлать противупоставленіе или сравненіе самаго характера явленій, и это будетъ столь же плодотворно для нашихъ знаній, какъ и простое ариѳметическое сравненіе однородныхъ предметовъ.

Выходитъ на дѣлѣ, что отличіе принимаемыхъ рубрикъ отъ другихъ общепринятыхъ, если только оно продиктовано составителю первыхъ самою жизнью, въ статистическихъ таблицахъ составляетъ не недостатокъ ихъ, а скорѣе достоинство. Если при всемъ желаніи составителя подогнать факты дѣйствительности подъ рубрики, полученныя послѣ стати-

стическаго изученія другихъ странъ и областей, онъ предпочтетъ нормы, установленныя самою жизнью, то и процессъ самаго изслѣдованія будетъ облегченъ, и полученныя данныя, разсматриваемыя даже въ сравненіи съ другими однородными, выиграютъ много въ интересахъ самаго сравненія или сопоставленія. Въ противномъ случаѣ они и вовсе не будутъ соотвѣтствовать тому, что требовалось найти, и если и поддадутся сравненію съ однородными данными другой стороны, то самое сравненіе едва ли будетъ плодотворно, такъ какъ сравниваемыя величины будутъ неоднозначущи въ силу того, что были обезцвѣчены при предыдущей работѣ.

Все сказанное нами имѣетъ значеніе уже потому, что политическая экономія и статистика, какъ науки, ни въ какомъ случаѣ не могутъ слѣдовать дедуктивному методу; положенія ихъ не могутъ быть построены à priori, какъ въ чистой математикѣ или философіи. Они находятся еще въ томъ періодѣ, когда эмпирическое накопленіе матеріала для будущихъ обобщеній по методу синтетическому и индуктивному составляетъ главную ихъ задачу. Поэтому «произволъ» земской статистики, (какъ называетъ «Русская Мысль» составленіе для разныхъ губерній несходныхъ таблицъ съ несходными рубриками) долженъ быть поставленъ ей не въ вину, а въ заслугу. Собирая статистическія данныя и печатая ихъ въ таблицахъ съ различными и своеобразными рубриками, земская статистика для статистики

общей даетъ не обезвѣченный цифровой матеріалъ, а дѣйствительный, и сверхъ того еще и нѣкоторыя указанія на то, какъ нужно будетъ приступать къ сводкѣ и сопоставленію подобыхъ матеріаловъ. Идя противъ однообразія рубрикъ и, такъ сказазать, противъ требованій общей статистики и ея категорій, земская статистика невольно сослужитъ службу общей не въ качествѣ простаго поставщика свѣдѣній, а и доставителя матеріаловъ для выработки методологіи этой науки. Поэтому, если, напр., московскіе статистики избрали за единицу для подраздѣленія крестьянскаго землевладѣнія душевой надѣлъ, то они этимъ показали только, что при существѣ общиннаго землевладѣнія слѣдуетъ и при болѣе широкихъ сравненіяхъ брать эту единицу; но также правы были и полтавскіе статистики, имѣвшіе дѣло съ изученіемъ казачьяго землевладѣнія и взявшіе за такую единицу вмѣсто несуществующаго душеваго надѣла — десятину.

Если необходимо предоставить не «произволъ», а свободу земскимъ статистикамъ въ выработкѣ ими рубрикъ таблицъ, хотя бы просто для того, чтобы не обратить ихъ въ автоматическія машины, подсчитывающія цифры и не интересующіеся содержаніемъ явленій, изображаемыхъ ими, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ предоставить земскимъ собраніямъ судить о томъ, какое именно статиститеское излѣдованіе, съ какою цѣлью нужно произвести въ той или другой губерніи. Ради этихъ или другихъ практическихъ

потребностей мѣстности, земства разныхъ губерній устраиваютъ разнообразно статистическое изслѣдованіе· ихъ. Хотя, такимъ образомъ, и проявляется до извѣстной степени «произволъ», но въ этомъ нѣтъ ни для кого никакой потери. Если, по рѣшенію земскаго собранія, въ одной губерніи будетъ приведено въ извѣстность число нищихъ, калѣкъ, или сумасшедшихъ, а въ другой—число грамотныхъ, сифилитиковъ, пьяницъ, евреевъ, или иностранныхъ подданныхъ, владѣющихъ и невладѣющихъ земельною собственностью; если въ одной—будетъ обращено наибольшее вниманіе на распространеніе хмѣлеводства, пчеловодства, или шелководства, а въ другой—овцеводства или рыболовства; если въ одной губерніи будетъ изучена быстрота мобилизаціи частной собственности, а въ другой—устройство сельскихъ обществъ и ихъ формы землевладенія; въ одной—разница почвъ и зависящая отъ того степень урожайности разныхъ районовъ, а въ другой—способы обработки земли, сорты воздѣлываемыхъ растеній и зависимость характера хозяйствованія отъ климата; въ одной—посчитаны десятины осушенной земли, а въ другой—версты оросительныхъ канавъ; въ одной—приведено въ извѣстность количество вырубленныхъ, а въ другой—насаженныхъ лѣсовъ; въ одной—изслѣдованы кустарные промыслы, а въ другой—дѣятельность фабрикъ и заводовъ, въ одной—соляные промыслы, а въ другой—каменоугольные шахты или каменоломни; въ одной подробно раз-

работана статистика шинковъ и участіе въ питейномъ дѣлѣ евреевъ, а въ другой—мельницъ, аптекъ или бань; въ одной—статистика скотскихъ падежей, болѣзней, вреда хозяйству отъ волковъ, а въ другой—пожаровъ и градобитій и т. д. и т. д.,—то это все будетъ только обозначать, что въ той или другой мѣстности появилась надобность въ статистическомъ изученіи того или другого вопроса, а чуткость земскихъ людей указала имъ на неотложность его изученія.

Мы уклонились нѣсколько въ сторону, заговоривъ о предметахъ частныхъ изслѣдованій, или о тѣхъ данныхъ, которыя поддаются изученію по способу собиранія записей при помощи земской статистики текущихъ дѣлъ. Такъ какъ послѣдній видъ ея существуетъ пока только въ двухъ губерніяхъ и притомъ по способу собиранія свѣдѣній отъ корреспондентовъ, любителей дѣла, ничѣмъ не отличается отъ предпринятой Департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, то мы возвратимся опять къ такъ называемой основной земской статистикѣ, состоящей въ описаніи уѣздовъ. Изъ всего сказаннаго видно, что, по теоретическимъ соображеніямъ, въ этихъ земскихъ изданіяхъ должно быть съ одной стороны разнообразіе въ формахъ таблицъ, а съ другой—значительная доля описательнаго или географическаго матеріала. Обратимся теперь къ самимъ изданіямъ, чтобы удостовѣриться, насколько оправдываются эти теоретическія предположенія на дѣлѣ,

при чемъ сначала остановимся нѣсколько времени на технической сторонѣ дѣла, а затѣмъ обратимъ вниманіе и на самое содержаніе земскихъ статистическихъ изданій.

Наилучшимъ способомъ регистраціи фактовъ по методу-ли записей, или переписей,—признанъ способъ занесенія каждаго отдѣльнаго явленія на особую карточку. Карточная система, употребляемая въ библіотекахъ вмѣсто алфавитныхъ каталоговъ, въ адресныхъ столахъ вмѣсто такихъ же списковъ лицъ,—извѣстна всѣмъ. Потому если мы скажемъ только, что въ статистикѣ переписей карточки замѣняютъ собою строки извѣстнымъ образомъ разграфленной вѣдомости, или номерованной по порядку вопросовъ программы, то все отличіе одной системы отъ другой будетъ ясно. Въ переписной вѣдомости, положимъ, фамиліи описываемыхъ лицъ идутъ колонною одна за другой и противъ каждой изъ нихъ отмѣчаются мѣста, состояніе, сословіе и т. п. Казалось бы, что результаты переписи по вѣдомостямъ и по карточкамъ могутъ быть одни и тѣ же. Но дѣло въ томъ, что если мы въ вѣдомости (въ самой простѣйшей ея формѣ, по какой, напр., составлялись ревизскія сказки) противъ одного лица поставимъ, напр., 17 лѣтъ, противъ слѣдующаго—38, далѣе, 69, 1, 3 и т. д., то подсчитать впослѣдствіи, сколько было регистрировано лицъ того или другого возраста будетъ очень трудно. Оттого, употребляя форму вѣдомости, прибѣгаютъ къ ея усложненію ради об-

легченія будущей работы подсчитки: раздѣляютъ вертикальныя графы на извѣстное число возрастовъ, при чемъ отмѣтка въ той или иной графѣ обозначаетъ принадлежность даннаго лица къ тому или иному возрасту. Такъ какъ всѣхъ возрастовъ, считая въ каждомъ по одному году, обозначить въ таблицѣ переписной вѣдомости нельзя (ибо пришлось бы налинеять до 100 графъ), то, при составленіи вѣдомости, соединяютъ возрасты въ группы отъ 1 до 5, отъ 5 до 10 лѣтъ и т. д. Понятно, что если данныя о возрастахъ будутъ записаны по такимъ группамъ, то впослѣдствіи нельзя будетъ узнать напр., сколько было зарегистровано лицъ отъ 3 до 7 лѣтъ и т. п. Тутъ несовершенство формы вѣдомостей слишкомъ очевидно.

При переписяхъ, организуемыхъ при помощи правительственной власти, ученыхъ учрежденій и съ большими средствами, каковы, напр., однодневныя переписи большихъ городовъ, употребляются поэтому сразу нѣсколько системъ записей: тамъ существуетъ вѣдомость для дома (двора), листокъ — для отдѣльныхъ квартиръ этого дома и наконецъ карточки для отдѣльныхъ лицъ. Сочетанія вопросовъ о томъ, другомъ и третьемъ даютъ большой матеріалъ для разныхъ выводовъ впослѣдствіи. Земскимъ статистикамъ не приходится прибѣгать къ такой роскоши. Сколько ни случалось намъ видѣть разныхъ формъ бланковъ, употреблявшихся при земскихъ переписяхъ въ разныхъ губерніяхъ, нигдѣ почти не употреблялось та-

кого полнаго способа регистраціи. Одни статистики держатся формы простой вѣдомости, другіе — средняго между системою карточекъ и вѣдомостей способа — листковъ; мы знаемъ случаи описанія по карточкамъ двухъ-трехъ отдѣльнхъ поселеній, но не цѣлыхъ уѣздовъ. Въ большинствѣ же случаевъ употребляются или листки, или вѣдомости. Но изъ пересмотра земскихъ статистическихъ бланковъ разныхъ губерній можно придти къ одному выводу,—что составителей ихъ интересуетъ не столько голая цифра сколько ея значеніе. Нѣтъ губерніи, въ которой бы земскіе статистики обошлись одними карточками, или вѣдомостями. Вездѣ, напротивъ, рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ рядъ программъ не столько статистическаго, сколько географическаго содержанія. Въ этихъ программахъ не только спрашивается, *сколько* душъ живетъ въ данномъ поселеніи или дворѣ, но всегда— и *какъ* они живутъ и *кто* они такіе и *какія* отношенія между ними существуютъ? Большую и главную часть земскихъ статистическихъ программъ каждой губерніи составляютъ вовсе не переписные бланки, а программы для описанія того или другого явленія народной жизни. Въ однихъ изъ этихъ программъ разработаны подробно вопросы объ отношеніяхъ лицъ, играющихъ такую или иную роль въ данномъ производствѣ, объ ихъ экономическомъ положеніи, обстановкѣ жизни и т. п.; въ другихъ — большее вниманіе обращается на изученіе орудій производства, ихъ распредѣленіе между производителями, на

количество, качество, цѣну производимыхъ продуктовъ и т. п.; но какъ тѣ такъ и другіе вопросы въ большинствѣ случаевъ поставлены такъ, что на нихъ нужно отвѣчать не голою цифрою, а еще и довольно длиннымъ разсказомъ. Понятно, что въ результатѣ собиранія свѣдѣній по такимъ программамъ, кромѣ цифровыхъ таблицъ, получаются еще и очерки географическаго содержанія, составляющіе добрую половину содержанія лучшихъ земскихъ статистическихъ сборниковъ.

Если мы хоть въ нѣсколькихъ словахъ укажемъ на содержаніе такихъ очерковъ и монографій, появившихся за послѣднее время на счетъ земствъ разныхъ губерній, то увидимъ, что все сказанное нами выше, подтверждается. При этотъ мы не будемъ говорить о таблицахъ ихъ, которыя имѣютъ нѣсколько разныхъ типовъ по своей формѣ, такъ какъ это можетъ интересовать только спеціалиста; мы скажемъ нѣсколько словъ лишь о содержаніи статистическихъ трудовъ той или другой губерніи, будетъ ли оно изложено въ видѣ таблицъ, или въ видѣ описаній. Начнемъ съ старшихъ по времени трудовъ московскихъ статистиковъ. Еще въ 1869 году московская губернская управа издала статистическое обозрѣніе губерніи съ цифрами относительно главнѣйшихъ предметовъ земскаго хозяйства. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1875 году, при помощи спеціалистовъ профессоровъ, при управѣ были организованы три учрежденія: 1) для изслѣдованія санитарно-гигіеническихъ условій жизни

на фабрикахъ и заводахъ, а также и въ средѣ мелкихъ промышленниковъ, 2) для изученія самихъ промысловъ въ московской губерніи и 3) для изученія положенія сельскаго хозяйства. Работы этихъ трехъ учрежденій, продолжавшіяся безъ перерыва болѣе 10 лѣтъ дали рядъ санитарно-статистическихъ трудовъ о положеніи фабричной и кустарной промышленности, нѣсколько томовъ спеціальныхъ изслѣдованій промысловъ, при чемъ промыслы женскіе были изслѣдованы и описаны женщинами. Наконецъ, по изслѣдованію губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ результатѣ работъ получилось описаніе всѣхъ уѣздовъ губерніи, при чемъ нѣкоторые уѣзды, какъ напр. московскій, были описываемы два раза. Въ изданныхъ московскимъ земствомъ книгахъ разрабатывались цифры о землевладѣніи, мобилизаціи поземельной собственности, числѣ населенія, хозяйственнаго положенія крестьянскихъ обществъ, о грамотности, платежахъ, промыслахъ, формахъ земледѣлія и скотоводства у крестьянъ и отчасти и частныхъ владѣльцевъ. Кромѣ цифровыхъ таблицъ выходили и отдѣльныя монографіи, изъ которыхъ наибольшимъ вниманіемъ пользовалась книга объ общинной формѣ крестьянскаго землевладѣнія. Кромѣ такихъ описательныхъ трудовъ московское земство разрабатывало и цифровыя данныя по страхованію, по падежамъ скота, градобитіямъ и т. п. Главный характеръ трудовъ по основному статистическому описанію уѣздовъ въ Московской губерніи можетъ быть

опредѣленъ такимъ образомъ, что центръ тяжести здѣсь составляло изученіе формъ крестьянскаго землевладѣнія и затѣмъ вліянія фабричной промышленности на общую экономическую жизнь губерніи.

Этотъ характеръ работъ нѣсколько замѣчается и въ организованныхъ впослѣдствіи (въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго десятилѣтія) земскихъ статистическихъ учрежденіяхъ въ Курской, Смоленской, Тамбовской, Самарской и Саратовской губерніяхъ; но нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Смоленское или Самарское, переняли только внѣшнюю форму таблицъ московскихъ статистиковъ, а трудовъ своихъ не одухотворили пытливостью изслѣдователя, вслѣдствіе чего къ сухимъ таблицамъ, составленнымъ по однообразному шаблону не привнесли ничего своего, удобочитаемаго; другія же, напротивъ, обратили свое вниманіе на какой-либо одинъ предметъ и его разработали съ большею подробностью, или же, подталкиваемыя необходимостью, расширили первоначальную программу привнесеніемъ изслѣдованій той или другой стороны сельско-хозяйственной жизни. Такъ напр. курскіе статистики, позаимствовавъ у черниговскихъ способъ подраздѣленія крестьянскихъ хозяйствъ по величинѣ надѣловъ, сопоставили эти данныя съ цифрами о грамотности крестьянскаго населенія въ томъ или другомъ разрядѣ крестьянъ по ихъ обезпеченію землею. Въ Саратовской губерніи земскіе изслѣдователи обратили вниманіе еще на почву и климатъ, а въ Тамбовской—сверхъ того и

на изученіе способовъ обработки земли, инструментовъ, которыми ее обрабатываютъ: въ послѣднемъ сказалось вліяніе работъ черниговскихъ, а въ изученіи естественныхъ климатическихъ условій мѣстности — вліяніе позднѣйшихъ работъ въ новороссійскихъ губерніяхъ.

Въ Черниговской губерніи земскія статистическія работы начаты были также давно — съ 1876 года, но на 2 или 3 года были прерываемы вслѣдствіе измѣненія состава гласныхъ губернскаго собранія. Такъ какъ здѣсь сначала главною цѣлью работъ было поставлено собраніе свѣдѣній для опредѣленія цѣнности и доходности земель, то изученіе характера почвы, земледѣльческихъ обычаевъ, способовъ, къ какимъ прибѣгаютъ крестьяне, чтобы раздобыть нужную имъ для труда землю, а также и способовъ обработки ея — было поставлено на первомъ планѣ. Другое отличіе статистики въ Черниговской губерніи состояло въ томъ, что здѣсь изучались параллельно хозяйства крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ и ихъ взаимодѣйствіе, тогда какъ въ Московской губерніи это были два различныя изслѣдованія, производимыя при томъ неодновременно. При послѣдующихъ работахъ черниговскими же статистиками былъ привнесенъ еще особый методъ сравненія цифръ настоящаго съ цифрами прошлой экономической жизни губерніи, для чего они воспользовались архивными данными Румянцевской переписи 1765—69 годовъ. Что дастъ этотъ методъ для уясненія экономическаго

положенія всего изслѣдуемаго такимъ образомъ района и частей его, — сказать еще нельзя, такъ какъ пока издано описаніе одного уѣзда, изученнаго такимъ образомъ (другой еще печатается); но вліяніе историческихъ и энтопическихъ причинъ настоящаго положенія вещей несомнѣнно будетъ выяснено тѣми цифрами, какія уже собраны. Кромѣ привнесенія элемента историческаго и топографическаго (причемъ за единицу изслѣдованія берется не поселеніе, а извѣстный участокъ земли называемый «дачею»), черниговскимъ же статистикамъ принадлежитъ честь составленія таблицъ, въ которыхъ отдѣльныя хозяйства группируются не по поселеніямъ, или сословіямъ, а по экономическимъ признакамъ (величинѣ надѣла или запашки, количеству рабочихъ душъ и скота и т. п.); эти признаки затѣмъ комбинируются такъ или иначе и даютъ возможность не только узнать данное положеніе изучаемаго предмета, но и уяснить себѣ причины его. Привнесеніе къ статистическому методу элемента динамическаго заставляетъ цифры иллюстрировать разсказами, описаніями и характеристиками, а вслѣдствіе того въ этихъ работахъ описаніе беретъ перевѣсъ надъ таблицами или по крайней мѣрѣ занимаетъ равносильное мѣсто. Таковы отличительныя характеристическія особенности трудовъ черниговскихъ статистиковъ, гдѣ чуть не въ каждой цифрѣ о размѣрѣ «басаринка», платы за землю и т. п. прилагаются ха-

рактеристики самихъ фактовъ жизни, выражаемыхъ цифрами.

Мы указывали выше на вліяніе этого метода черниговскихъ статистиковъ. Если этого вліянія въ другихъ губерніяхъ и нельзя констатировать, то все таки мы не ошибемся, когда скажемъ, что характеръ земскихъ статистическихъ изданій въ губерніяхъ Тверской, Орловской, Вятской, Екатеринославской, Воронежской, Рязанской, Уфимской, Тамбовской, Херсонской и Таврической, а также отчасти Курской и Полтавской, будетъ нѣсколько иной, чѣмъ въ прежде перечисленныхъ губеніяхъ. И здѣсь не обошлось безъ рабскаго слѣдованія оригиналу, что замѣчается особенно на трудахъ по Тверской губерніи. За то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ методъ изученія жизни въ ея движеніи при оригинальности задачъ того или другого изслѣдователя далъ богатые результаты. Въ Рязанской губерніи, напр., обращено было вниманіе на межевыя фигуры крестьянскаго землевладѣнія и отношенія послѣдняго къ частно-владѣльческому, или на переселенія крестьянъ, что дало въ результатѣ рядъ прекрасныхъ монографій; въ Воронежской, Орловской и Таврической губерніи въ таблицахъ особенное вниманіе обращено на сочетаніе факторовъ, обусловливающихъ экономическое благосостояніе хозяйствъ; въ Екатеринославской и Херсонской почтенное мѣсто отведено исторіи колонизаціи края и образованія видовъ поземельной собственности; въ Полтавской—

разработаны отношенія разныхъ сельскихъ классовъ между собою и положено начало изслѣдованію личнаго землевладѣнія у казаковъ и крестьянъ: во всѣхъ почти только что названныхъ губерніяхъ способы отношенія земледѣльцевъ къ объекту ихъ дѣятельности — землѣ и формы приложенія труда къ земледѣлію (наемъ рабочихъ и инструментовъ, «супряга», какъ видъ самопомощи и т. п.) разработаны очень подробно и въ описаніяхъ и въ цифровыхъ таблицахъ. Наконецъ въ Херсонской и въ Екатеринославской губерніяхъ обращено большое вниманіе на изученіе климатическихъ условій, имѣющихъ для Новороссійскаго сельскаго хозяйства очень важное значеніе.

Если бы мы захотѣли болѣе детально характеризовать труды статистиковъ въ названныхъ губерніяхъ то намъ пришлось бы о каждомъ изъ нихъ говорить отдѣльно, такъ какъ въ нихъ разнообразія гораздо больше, чѣмъ сходства, какъ во внѣшней сторонѣ дѣла, такъ и въ томъ направленіи, которое составляетъ внутреннее ихъ содержаніе. Чтобы закончить нашъ бѣглый обзоръ, нисколько не ручаясь за его полноту, приведемъ еще нѣсколько указаній на содержаніе статистическихъ работъ въ той или другой губерніи. Въ Черниговской губерніи кромѣ сельско-хозяйственнаго описанія уѣздовъ, была произведена работа оцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ, давшая новыя основанія для раскладки налоговъ на эти имущества, также какъ

сельско-хозяйственное описаніе привело къ правильной разцѣнкѣ земель въ губерніи. Подобная же работа оцѣнки городовъ была произведена въ Харьковской губерніи, гдѣ кромѣ того, по почину уѣздныхъ земствъ, были сдѣланы описанія нѣкоторыхъ уѣздовъ и производились изслѣдованія положенія кустарной промышленности. Въ Пермской губерніи изслѣдовано горнозаводское дѣло, произведена оцѣнка лѣсовъ, и ведутся работы по изученію системъ полеводства и луговодства. Въ Нижегородской губерніи извѣстнымъ спеціалистомъ профессоромъ произведено орогидрографическое и геологическое описаніе площади ея. Въ Новгородской изслѣдовалось хозяйство крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ, а также начато было изученіе губерніи въ ветеринарномъ и гигіеническомъ отношеніи, къ сожалѣнію прерванное и замѣненное изданіями голыхъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ». Въ Казанской была предпринята и выполнена экспедиція для изслѣдованія причинъ задолженности крестьянскаго населенія въ продовольственные капиталы и причинъ хозяйственнаго упадка семей земледѣльцевъ. Въ этомъ изслѣдованіи интересна группировка собранныхъ свѣдѣній не по сословіямъ, а прежде всего по національностямъ (Чуваши и Вотяки, Татаре, Русскіе), а затѣмъ по количественнымъ признакамъ—числу скота и размѣрамъ покупки хлѣба со стороны.

Сказаннаго нами, кажется, совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, что земское статисти-

ческое дѣло—дѣло живое и такое, которому предстоитъ будущность; изъ одного перечисленія трудовъ можно видѣть также, что мы были правы, говоря о необходимости разнообразія какъ задачъ изслѣдованія такъ и способовъ его выполненія въ вѣчно живомъ морѣ земской жизни. Результаты предпринятыхъ и выполненныхъ статистическихъ работъ показываютъ, что жизнь эта сдѣлала большіе шаги впередъ со времени напр. изданія книги княземъ Васильчиковымъ «О самоуправленіи» (1870—1872). Необходимость самопознанія для возможности самоуправленія не только сознана, но вызвала громадное количество работъ въ ²/₃ земскихъ губерній. Мы не будемъ упоминать о такихъ работахъ, которыя по случайнымъ причинамъ не были продолжаемы, но и въ отрывочномъ видѣ доставили такой или иной матеріалъ для познанія жизни нашего обширнаго отечества. Чтобы рѣзче видно было, что сдѣлано земскою статистикою за послѣднія 10 лѣтъ, приведемъ нѣкоторыя пожеланія, которыя были высказываемы во время перваго возникновенія мысли о спеціальныхъ земскихъ статистическихъ учрежденіяхъ, именно въ 1875 г., однимъ изъ выдающихся секретарей губернскихъ статистическихъ комитетовъ тогдашняго времени А. С. Гацисскимъ. Издавая въ Нижнемъ Новгородѣ свой сборникъ, въ который вошли отдѣльныя монографіи по Тверской, Вятской, Нижегородской, Ярославской, Костромской, губерніямъ нѣкоторымъ сибирскимъ и проч., онъ пред-

послалъ ему очеркъ статистическихъ съѣздовъ въ Россіи. Тутъ онъ разобралъ, что говорилось на съѣздахъ въ Одессѣ (1865 и 1868 г.), въ Вильнѣ (1869), въ Петербургѣ (1870—частный и 1872 международный), въ Херсонѣ (1873); высказалъ желаніе, чтобы съѣзды, но не центральные, а *областные* повторялись чаще, и все-таки, при всей вѣрѣ въ осуществленіе своей мечты, замѣтилъ, что на Волгѣ вообще долго собираются, припѣвая взявшись за «дубинушку»—«охни» да «сама пойдетъ!» Сначала, говоритъ онъ, будто только и надѣются на то, что «сама пойдетъ»; но разъ дубинушка сдвинется съ мѣста,—напоръ пріобрѣтетъ извѣстную силу,—и полной грудью зазвучитъ тогда окончаніе пѣсни: «сама пошла, сама пошла!» *).

Когда писались приведенныя слова, и на съѣздахъ и въ печати еще только говорили о необходимости статистическихъ изслѣдованій по частной или мѣстной иниціативѣ; но на дѣлѣ были изслѣдователи— или въ военныхъ мундирахъ (въ родѣ офицеровъ Генеральнаго штаба) или и во фракахъ, но съ кокардою, обличающею принадлежность лица къ служащимъ въ томъ или другомъ департаментѣ. Если попадались изслѣдователи и безъ этихъ чиновныхъ отличій, то все таки ихъ снаряжало въ путь цен-

---

*) Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда. Нижній Новгородъ 1875, стр. 84.

тральное Географическое общество, издававшее свои программы и инструкціи. По понятіямъ того времени, исторія просвѣщенія Россіи за послѣдніе 1½—2 вѣка двигались людьми или во фракахъ, но съ кокардою, или въ полномъ мундирѣ. Времена Фонъ-Визина, Грибоѣдова относились къ періоду одной формы, а времена Державина, Карамзина, Пушкина другой. Но вотъ дубинушка «сама пошла»: явились не то въ пиджакахъ, не то въ пальто какіе то земскіе служащіе, и безъ чиновъ, и безъ эполетъ, и безъ кокарды. Безъ съѣздовъ, безъ общей инструкціи и программы отъ центра, стали копошиться каждый въ своемъ углу, наложили на себя самую черную работу собиранія фактовъ по единицамъ, сложенія ихъ въ большія суммы и итоги,—и черезъ 10 лѣтъ, болѣе чѣмъ въ 20 губерніяхъ печатные станки работаютъ надъ ихъ таблицами и описаніями, издавая томъ за томомъ большія ихъ книги. Земская статистика стала на прочную почву, и несомнѣнно, что будетъ развиваться. Вся сила ея, какъ можно видѣть изъ всего сказаннаго—въ мѣстной почвѣ, въ преданности работающихъ мѣстнымъ интересамъ. Пробы пересадить программу издалека, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, оканчивались неудачно, тогда какъ наблюденіе самой жизни вывозило статистиковъ и давало возможность составлять хорошія описанія. Двѣ или три близкія губерніи, составляющія одну естественную область, созданную одними географическими или историческими условіями, мо-

гутъ давать и пищу и охоту поддерживать рвеніе у этихъ чернорабочихъ науки. Только вызванная интересами областной жизни земская статистика будетъ отвѣчать и своему назначенію.

А. Русовъ.

19 февраля 1886 г.

Цѣна **1** р. **25** коп.

Складъ изданія въ Херсонѣ, у издательницы Елены Ивановны Марковичъ, Дворянская улица, домъ № 4 и въ книжномъ магазинѣ Бунтмана, на Суворовской улицѣ.